

ISSN: 2663-6794

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

1
2019

№ 1
2019

**Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты**

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 1 (3)

2019

Бас редактор

ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы Б.Ә. Байтанаев

Редакциялық кеңес:

В.Ф. Зайберт – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
М.Е. Елеуов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
Т.В. Савельева – тарих ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)
З. Самашев – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
С.Е. Әжіғали – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
И.Л. Қызласов – тарих ғылымдарының докторы (Москва, Ресей)
А.Г. Ситдиқов – ТР ҰҒА корр.-мүшесі, тарих ғылымдарының докторы (Қазань, Ресей)
П.М. Кольцов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Элиста, Ресей)
Р.Х. Сулейманов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Ташкент, Өзбекстан)
Н. Бороффка – археология докторы, профессор (Берлин, Германия)
М. Фрачетти – археология докторы (Сент-Луис, АҚШ)
Т. Уильямс – археология докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Редакциялық алқасы:

Ә.М. Манапова – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
Т.Б. Мамиров – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Ж. Құрманқұлов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
Е.А. Смағұлов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
О.А. Артюхова – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
М.Қ. Хабдулина – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
А.А. Нұржанов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
А.А. Бисембаев – тарих ғылымдарының кандидаты (Актобе, Қазақстан)
Д.А. Воякин – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
Е. Ақымбек – PhD (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова – тарих ғылымдарының кандидаты
Г.А. Базарбаева – тарих ғылымдарының кандидаты

Техникалық редакторы

З.М. Толенова – тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

Компьютерлік беттеу және дизайн:

О.В. Кузнецова

Редакцияның мекен-жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44

Телефон: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologiakazahstana@gmail.com

archeokz.com

Жылына 4 рет шығады

Басылым Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландырылатын ЖТН BR05236565 жобасының шеңберінде жүзеге асырылады

© Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2019

© «Қазақстан археологиясы» журналы, 2019

Главный редактор

академик НАН РК, доктор исторических наук Б.А. Байтанаев

Редакционный совет:

В.Ф. Зайберт – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)
М.Е. Елеуов – доктор исторических наук профессор (Алматы, Казахстан)
Т.В. Савельева – доктор исторических наук (Алматы, Казахстан)
З. Самашев – доктор исторических наук, профессор (Нур-Султан, Казахстан)
С.Е. Ажигали – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)
И.Л. Кызласов – доктор исторических наук (Москва, Россия)
А.Г. Ситдинов – член-корреспондент НАН РТ, доктор исторических наук (Казань, Россия)
П.М. Кольцов – доктор исторических наук, профессор (Элиста, Россия)
Р.Х. Сулейманов – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан)
Н. Бороффка – доктор археологии, профессор (Берлин, Германия)
М. Фрачетти – доктор археологии (Сент-Луис, США)
Т. Уильямс – доктор археологии, профессор (Лондон, Великобритания)

Редакционная коллегия:

А.М. Манапова – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
Т.Б. Мамиров – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)
Ж. Курманкулов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
Е.А. Смагулов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
О.А. Артюхова – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
М.К. Хабдулина – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)
А.А. Нуржанов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
А.А. Бисембаев – кандидат исторических наук (Актобе, Казахстан)
Д.А. Воякин – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
Е. Акымбек – PhD (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова – кандидат исторических наук
Г.А. Базарбаева – кандидат исторических наук

Технический редактор

З.М. Толенова – кандидат исторических наук, доцент

Компьютерная верстка и дизайн:

О.В. Кузнецова

Адрес редакции:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 293 01 43
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologikazakhstan@gmail.com
archeokz.com

Выходит 4 раза в год

Издание осуществлено в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565

Editor-in-Chief:

Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan,
Doctor of Historical Sciences B.A. Baitanayev

Executive Editors:

V.F. Zaibert – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
M.E. Eleuov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
T.V. Savelyeva – Doctor of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
Z. Samashev – Doctor of Historical Sciences, Professor (Nur-Sultan, Kazakhstan)
S.E. Ajigali – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
I.L. Kyzlasov – Doctor of Historical Sciences (Moscow, Russia)
A.G. Sitdikov – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russia)
P.M. Koltsov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Elista, Russia)
R.H. Suleymanov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Uzbekistan)
N. Boroffka – Doctor of Archaeology, Professor (Berlin, Germany)
M. Frachetti – Doctor of Archaeology (St. Louis, USA)
T. Williams – Doctor of Archaeology, Professor (London, UK)

Editorial Board:

A.M. Manapova – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
T.B. Mamirov – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Zh. Kurmankulov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
E.A. Smagulov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
O.A. Artyukhova – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
M.K. Khabdulina – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
A.A. Nurzhanov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
A.A. Bisembayev – Candidate of Historical Sciences (Aktobe, Kazakhstan)
D.A. Voyakin – Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan)
E.Sh. Akymbek – PhD (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

G.S. Jumabekova – Candidate of Historical Sciences
G.A. Bazarbayeva – Candidate of Historical Sciences

Technical Editor:

Z.M. Tolenova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Computer layout and design:

O.V. Kuznetsova

Editorial address:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Phone: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologiakazahstana@gmail.com

archeokz.com

The journal is published four times a year

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN of the project BR05236565

© A. Kh. Margulan Archeology Institute, 2019

© Journal «Kazakhstan archeology», 2019

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

Отандық археологияның өзекті мәселелері – Актуальные проблемы отечественной археологии

Хаванский А.И. (Алматы, Казахстан)

Относительная хронология и периодизация синташтинских погребальных памятников Западного Казахстана в бассейне реки Илек 9

Сараев В.В. (Алматы, Казахстан),
Кожегулова Ф.Т. (Каргалы, Казахстан)

О способах обогрева древних землянок в предгорной и горной зоне Илейского Алатау 28

Ақымбек Е.Ш., Шагирбаев М.С. (Алматы, Қазақстан)

Шу-Талас өңірлеріндегі ортағасырлық төрткүлдердің зерттелу тарихы 43

Хасенова Б.М. (Нур-Султан, Казахстан)

Статус женщины в кимакском обществе в трудах Ф.Х. Арслановой 61

Железняков Б.А. (Алматы, Казахстан)

Образы птиц на скалах Жетысу: к постановке проблемы 73

Ёлгин Ю.А. (Алматы, Казахстан)

К изучению вопроса о ремонте мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в 1906–1908 гг. 83

Далалық зерттеулер – Полевые исследования

Мамиров Т.Б. (Нур-Султан, Казахстан), **Баиров Н.М.,**
Клышев Е.Е., Мамиров К.Б., Қуандық С.Р. (Алматы, Казахстан)

Полевые исследования каменного века в Западно-Казахстанской области в 2018 году (предварительное сообщение) 91

Бисембаев А.А. (Актобе, Қазақстан), **Хаванский А.И.,**
Ахатов Г.А. (Алматы, Қазақстан), **Дуйсенғали М.Н.,**
Мамедов А.М., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б., Амелин В.А.,
Баиров Н.М. (Актобе, Қазақстан)

Работы последних лет на памятниках ранних кочевников
 Илекского микрорайона (предварительные итоги) 99

Хабарлар – Хроника

Джумабекова Г.С. (Алматы, Қазақстан)
 Памяти Карла Молдахметовича Байпакова 116

Әбусейітова М.Х., Ошан Ж. (Алматы, Қазақстан)
 Археолог, шығыстанушы ғалым Сағынтай Сұңғатай 128

Омаров Ғ.Қ. (Алматы, Қазақстан)
 Сарабал Сағынтайды сағынғандағы сусыған сырлар... 134

Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. (Алматы, Қазақстан)
 О конференции, посвященной 90-летию
 со дня рождения А.Д. Грача 141

Рогожинский А.Е. (Алматы, Қазақстан)
 Необходимый человек (к 70-летию со дня рождения Ю.А. Мотова) 147

Бедельбаева М.В., Кукушкин И.А. (Қарағанды, Қазақстан)
 Мастер своего дела (к юбилею В.Г. Ломана) 153

Қысқартулар тізімі – Список сокращений 162

Авторларға арналған ережелер – Правила для авторов

CONTENT

Actual problems of domestic archaeology

Khavansky A.I. (*Almaty, Kazakhstan*)

Relative chronology and periodization burials of Sintashta culture of Western Kazakhstan on the river Ilek (in Russian) 9

Saraev V.V. (*Almaty, Kazakhstan*),**Kojegulova F.T.** (*Kargaly, Kazakhstan*)

Technique of heating of ancient dugouts in the foothills and mountain zone of the Ile Alatau (in Russian) 28

Akymbek E.Sh., Shagirbayev M.S. (*Almaty, Kazakhstan*)

History of studying of medieval tortkuls in Shu-Talas region (in Kazakh) 43

Khassenova B.M. (*Nur-Sultan, Kazakhstan*)

The status of a woman in Kimak society in works of F.Kh. Arslanova (in Russian) 61

Zheleznyakov B.A. (*Almaty, Kazakhstan*)

Images of birds in Jetysu's rocks art sites: to statement of the problem (in Russian) 73

Yolgin Yu.A. (*Almaty, Kazakhstan*)

To the study of Khoja Ahmed Yasawi mausoleum repair works in 1906–1908 (in Russian) 83

Field studies

Mamirov T.B. (*Nur-Sultan, Kazakhstan*), **Bairov N.M.,****Klyshev E.E., Mamirov K.B., Kuandyk S.R.** (*Almaty, Kazakhstan*)

Field studies of the stone age in the Western Kazakhstan region in 2018 (preliminary report) (in Russian) 91

<i>Bisembayev A.A.</i> (Aktobe, Kazakhstan), <i>Khavansky A.I.</i>, <i>Akhatov G.A.</i> (Almaty, Kazakhstan), <i>Duisengali M.N.</i>, <i>Mamedov A.M.</i>, <i>Bidagulov N.T.</i>, <i>Urazova A.B.</i>, <i>Amelin V.A.</i>, <i>Bairov N.M.</i> (Aktobe, Kazakhstan) Works of the recent years on monuments of Early nomads of the Ilel microregion (preliminary results) (in Russian)	99
--	----

Chronicle

<i>Jumabekova G.S.</i> (Almaty, Kazakhstan) To the memory of Karl M. Baipakov (in Russian)	116
<i>Abuseitova M.Kh.</i>, <i>Oshan Zh.</i> (Almaty, Kazakhstan) Sagyntay Sungatay – archaeologist, orientalist (in Kazakh)	128
<i>Omarov G.K.</i> (Almaty, Kazakhstan) In memory of S. Sungatay (1967–2019) (in Kazakh)	134
<i>Bazarbayeva G.A.</i>, <i>Jumabekova G.S.</i> (Almaty, Kazakhstan) On the conference dedicated to the 90 th anniversary of A.D. Grach (in Russian)	141
<i>Rogozhinskiy A.E.</i> (Almaty, Kazakhstan) Important person (to the 70 th anniversary of the birth of Yu.A. Motov) (in Russian)	147
<i>Bedelbayeva M.V.</i>, <i>Kukushkin I.A.</i> (Karagandy, Kazakhstan) Master-hand of his craft (for the anniversary of V.G. Loman) (in Russian)	153
List of Abbreviations	162

Submissions

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ СИНТАШТИНСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА В БАССЕЙНЕ РЕКИ ИЛЕК

© 2019 г. А.И. Хаванский

В статье рассматриваются результаты построения относительной хронологии и периодизации погребений синташтинской культуры Западного Казахстана в бассейне реки Илек. Автором были выделены три хронологических периода и дана характеристика каждого периода. Используя соотношение различных видов орнамента в каждом погребении (закрытом комплексе), удалось построить относительную хронологию и выявить периоды в развитии синташтинских традиций в области погребального обряда, типологии металлических изделий (прежде всего ножей-кинжалов), традиций формообразования и орнаментации керамики. Выявлены долговременные тренды и маркеры отдельных периодов. В Период 1 синташтинские группы населения появляются в данном регионе и существуют относительно обособленно от других этнокультурных групп. Набор керамики, металлических изделий, украшений достаточно компактен, традиции относительно однородны. В Период 2 начинаются контакты с инокультурным, вероятно, с раннеалакульским (срубноалакульским?) населением. Это проявляется в появлении керамики с алакульскими чертами (горшков с вогнутым плечом (уступом), резком увеличении доли узоров из треугольников и лент, разнообразии видов женских украшений, появлении некоторых типов ножей-кинжалов). В Период 3 продолжают те же тенденции, что в Период 2. Нужно подчеркнуть, что ядро синташтинских традиций сохраняется на протяжении всей истории существования синташтинской группы населения в Западном Казахстане и культурные контакты с ранними алакульцами только ускорили развитие технологий и культурных традиций.

Ключевые слова: археология, синташтинская культура, периодизация, погребальный обряд, кинжалы, керамика, орнамент, культурные традиции

Синташтинская культура (XX–XVIII вв. до н.э.) ассоциируется, в первую очередь, с памятниками, расположенными в Зауралье. Это известное поселение Аркаим, Синташтинский могильник и т.д. Однако и в Казахстане выявлена серия ярких синташтинских могильников: Танаберген II, Бестамак, Халвай III и др. [Ткачев, 2007; Калиева, Логвин В.Н., 2008; Шевнина, Логвин А.В., 2015]. В данной работе речь пойдет о тех из них, которые расположены в бассей-

не реки Илек (рис. 1). В.В. Ткачевым эти памятники были обозначены как синташтинская культура степного Приуралья. Им же была сделана попытка провести периодизацию синташтинских памятников данного региона [Ткачев, 2007].

Однако развитие археологической науки, появление новых археологических методов анализа материала позволяет по-новому взглянуть на вопрос территориальной группировки и периодизации данных памятни-

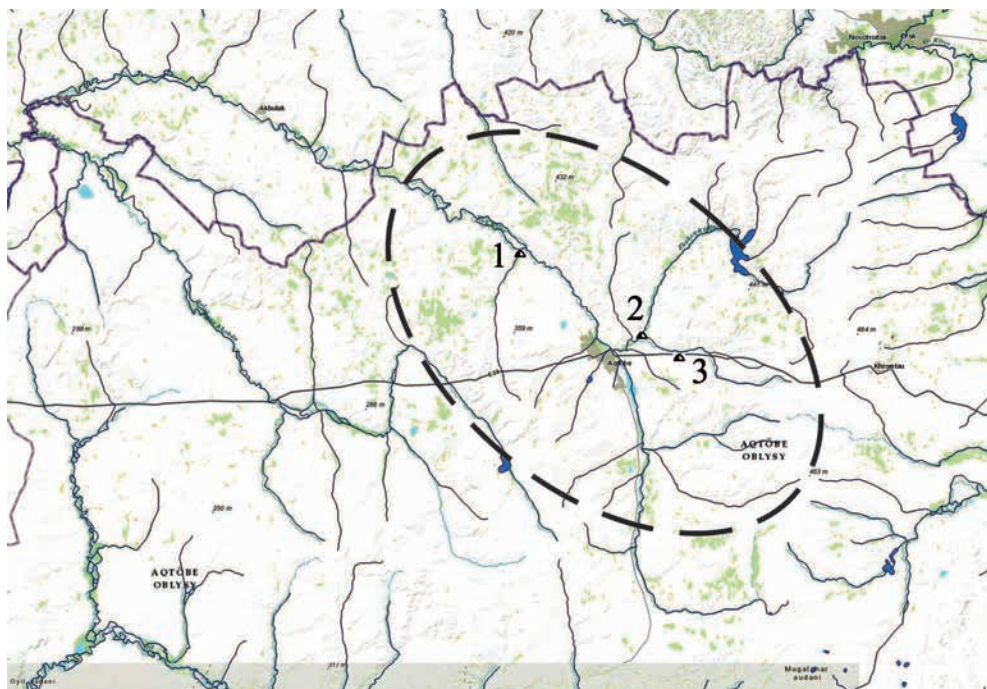

Рис. 1. Карта памятников синташтинской культуры Западного Казахстана (Илекская группа). 1 – мог. Танаберген II; 2 – мог. Жаман-Каргала I; 3 – мог. Красносельский

Fig. 1. Map of Sintashta culture monuments of Western Kazakhstan (Ilek group). 1 – Tanabergen II cemetery; 2 – burial ground of Jaman-Kargala I; 3 – Krasnoselsky cemetery

ков. В статье обосновывается выделение синташтинских могильников на р. Илек в отдельную группу и предлагается их новая периодизация.

Начнем с территориальной группировки. В.В. Ткачевым в одну территориальную группу были объединены могильники Танаберген II, Жаман-Каргала I, Герасимовка II, Новокумакский, Ишкиновка I, II [Ткачев, 2007, с. 16–17, рис. 1]. Автором не приводится обоснований, по какой причине в одну группу были сведены памятники, относящиеся к бассейнам двух рек (Урала и Илека). Далее, от могильника Танаберген II до Новокумакского могильника расстояние составляет 150 км, а до могильника Герасимовка II – 280 км. По этой

причине сомнительно, что население, оставившее эти могильники, было действительно единым. Методически оправданным будет выделение группы памятников, которые, находясь на относительно небольшом расстоянии друг от друга, располагались бы в бассейне одной реки. В этом случае можно предполагать реальные родственные отношения этого населения. Согласно этим принципам, могильники Танаберген II, Жаман-Каргала I и Красносельский [раскопки А.А. Бисембаева, материал готовится к публикации – прим. авт.], которые компактно расположены в среднем течении р. Илек, могут быть объединены в Илекскую группу синташтинской культуры (рис. 1).

Далее, перейдем к периодизации. В.В. Ткачев в приуральской группе синташтинской культуры выделяет два этапа: к первому этапу относится могильник Танаберген II, ко второму – все остальные могильники [Ткачев, 2007, с. 312–321]. Основания, по которым проведено такое деление, автором не приводится, вероятно, в основе лежала интуиция исследователя. Между тем, расстояние между могильниками Герасимовка II и Новокумакский составляет 280 км, в то время как с методической точки зрения хронологическому членению подлежат памятники, находящиеся в одном микрорайоне или хотя бы регионе. Поэтому, различия между памятниками могут носить не хронологический, а территориальный характер. Более того, автор не учитывает возможности частичной синхронности функционирования могильников.

Методика

В данном исследовании периодизация и внутренняя относительная хронология Илекской группы синташтинской культуры строится на основании методики Ю.Б. Цетлина [Цетлин, 2008, с. 15–18]. Эта методика с корректировкой, применительно к погребальным памятникам была успешно использована в исследованиях, посвящённых памятникам Южного Урала и Западного Казахстана эпохи поздней бронзы [Хаванский, 2010а; 2010б; 2016].

Хотя для построения хронологии в качестве основы была выбрана методика Ю.Б. Цетлина, однако в силу того, что она разрабатывалась и применялась для поселенческой керамики, в нее пришлось внести определенные коррективы. Во-первых, в качестве минимальной единицы хронологии выступает погребение (закрытый комплекс) (а не пласт культурно-

го слоя). Во-вторых, особое внимание уделяется расположению мотивов на различных частях сосудов (на неолитической керамике это было трудно сделать как в силу фрагментированности поселенческого материала, так и в силу простоты формы неолитических сосудов).

Первоначально была предпринята попытка традиционно рассматривать каждый отдельный могильник как некое целостное культурное явление и на этой основе построить их относительную хронологию. Для этого были изучены состав и соотношение различных орнаментов на сосудах отдельно из каждого могильника, затем проведен сравнительный анализ всех могильников по этому признаку и, наконец, осуществлена их относительная хронологизация на основании данных о степени сходства могильников друг с другом по составу и соотношению элементов орнамента. В результате этого была получена картина, которая сильно противоречила как данным стратиграфии и радиоуглеродного анализа памятников, так и сложившимся к настоящему времени представлениям исследователей о культурном развитии Западного Казахстана в начале поздней бронзы. Выявленные противоречия заставили несколько по-иному подойти к решению проблемы периодизации керамических комплексов. Была предпринята попытка реконструировать относительную хронологию керамических комплексов не по отдельным могильникам, а по погребениям с керамикой в рамках каждого могильника. В основу такого подхода были положены представления о том, что, во-первых, каждый могильник мог функционировать какое-то достаточно продолжительное время, по крайней мере, несколько поколений,

во-вторых, могильники одной культуры, расположенные на разных территориях, могли по времени в той или иной степени сосуществовать друг с другом.

В соответствии с этим подходом к построению относительной хронологии комплексов, сначала нужно было установить относительную хронологию погребений в каждом могильнике, а потом уже эти могильники синхронизировать между собой.

Для построения относительной хронологии по погребениям необходимо выяснить вопрос о возможности рассматривать синташтинские погребения как закрытые комплексы. Для этого мы имеем следующие данные:

1) совместное захоронение нескольких погребенных в одной могиле, что, скорее всего, обусловлено единовременностью их смерти. Коллективные захоронения совершены только в крупных могильных ямах;

2) отсутствуют факты, указывающие на отодвигание костей предыдущего умершего и его инвентаря с целью захоронения следующего, что часто встречается в других культурах, где практикуется погребение в склепах;

3) численность погребенных соответствует размерам могильной ямы.

А.В. Епимахов, детально проанализировавший синташтинскую погребальную обрядность, пришел к выводу, что «нет достоверных фактов функционирования склепов» [Епимахов, 2002, с. 44]. На этом основании синташтинские погребения возможно рассматривать как закрытые комплексы.

Для большей надежности результатов при построении относительной хронологии использованы только те погребения, в которых было

два или более сосуда. Эти погребения составляют группу т.н. «базовых» погребений. Те погребения, в которых был найден только один сосуд (группа «дополнительных» погребений), из анализа, однако, не исключаются. Они вводятся в него позднее, когда уже реконструирована относительная хронология могильника по группе «базовых» погребений. Принадлежность каждого погребения «дополнительной» группы к определенному периоду выяснялась путем определения степени сходства керамики в нем по составу и соотношению элементов орнамента с керамикой каждого «базового» погребения. Полученный вывод проверялся путем сравнения качественных особенностей орнамента по узорам, мотивам и композициям, а также по форме сосудов.

Такой подход к построению относительной хронологии позволял, во-первых, получить вполне надежные данные об относительной хронологии керамических комплексов и, соответственно, содержащих их погребений по каждому могильнику, во-вторых, синхронизировать разные могильники друг с другом, в-третьих, осуществить «привязку» к реконструированной относительной хронологии «базовых» погребений тех погребений, которые содержали только по одному сосуду.

Конкретная методика построения относительной хронологии керамических комплексов погребений в могильнике включает следующие несколько ступеней. Для наглядности проиллюстрируем этот процесс (рис. 2).

Ступень I. Построение локальной внутренней периодизации отдельного могильника.

I.1. Расчет в процентах доли встречаемости каждого элемента ор-

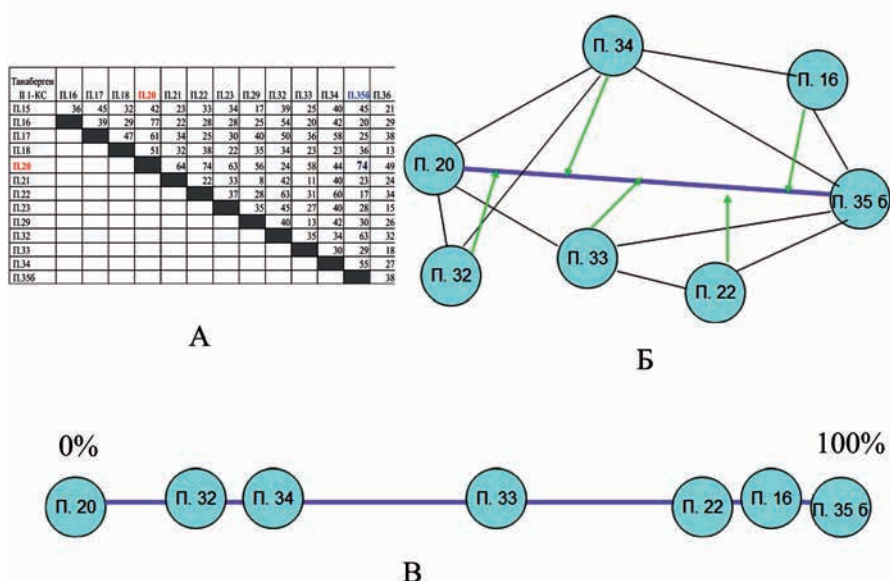

Рис. 2. Схема построения относительной хронологии погребений по различным видам орнамента: А – таблица коэффициентов расстояний; Б – график связей между погребениями по коэффициентам; В – проекция погребений на условную хронологическую ось

Fig. 2. The scheme for constructing the relative chronology of burials for various types of ornament: A – table of distance coefficients; B – graph of relations between burials by coefficients; B – projection of burials on the conditional chronological axis

намента в одном закрытом комплексе (погребении) от общего числа случаев, в которых были встречены все элементы орнамента в данном погребении.

1.2. Определение коэффициента сходства (КС) между погребениями данного могильника по составу и процентному соотношению элементов орнамента на сосудах вычисляется по формуле $КС = K_{min} + M_{min} + \dots + N_{min}$. Минимальное значение КС может быть равно 0, а максимальное – 100% [Телегин, 1977]. При этом сам автор высчитывал долю каждой орнаментальной традиции исходя из количества сосудов. Однако им было не учтено, что при нахождении на одном сосуде нескольких элементов орнамента сумма всех долей разных

типов орнамента на керамике будет превышать 100%. Как показали наблюдения Ю.Б. Цетлина, более удобным является анализ, исходящий из общего числа случаев встречаемости проявлений данной конкретной традиции [Цетлин, 2008, с. 16]. В данном случае используется величина, противоположная КС (или 1-КС), которую можно назвать коэффициентом удаленности (или расстояния между разными погребениями) [Цетлин, 2008, с. 16]. Поэтому при определении места погребения на условной оси времени в данной работе использовалось значение 1-КС.

1.3. Определение «места» каждого погребения на условной оси времени среди других погребений данного могильника.

І.3а. Выделение на условной оси времени ее начала и конца. Те погребения, которые имеют между собой наибольшее расстояние по сходству, находятся на противоположных концах условной хронологической оси.

І.3б. Определение «коэффициента места» каждого погребения на условной хронологической оси (КМ). Коэффициент вычисляется по формуле: $X = [(a^2 - b^2 + c^2) : 2c^2] \times 100$ [Цетлин, 2008, с. 17], где «а» - расстояние от исследуемого погребения до начала оси времени (самого раннего погребения), «b» - расстояние от исследуемого погребения до конца оси времени (самого позднего погребения), «с» - длина самой оси времени, «Х» – расстояние по времени от начала оси до данного погребения, выраженное в процентах от длины данной условной оси времени.

І.4. Выделение хронологических этапов в рамках могильника. Поскольку разные погребения располагаются на условной оси времени не равномерно, а группами, в качестве отдельного хронологического этапа рассматривается группа таких компактно расположенных погребений, отделенная от другой такой же группы промежутком в 5% и более. Данный численный порог является условным и введен в качестве «рабочего» до тех пор, пока не выявлены более объективные критерии для выделения разных временных отрезков.

Ступень II. Построение общей периодизации для нескольких могильников.

II.1. Определение коэффициента удаленности (1-КС) между всеми погребениями двух сравниваемых могильников.

II.2. Выбор из всей совокупности результатов нескольких погребений,

которые относятся к разным могильникам и имеют между собой минимальное расстояние (1-КС) по сходству, указывающее, скорее всего, на то, что данные погребения в обоих могильниках были близки по времени.

II.3. Синхронизация хронологических осей сравниваемых могильников по этим погребениям между собой. При этом более короткая хронологическая ось приводится к масштабу более длинной оси, после чего пересчитывается относительное положение каждого погребения на общей условной оси времени. В результате получается общая хронологическая ось, показывающая наиболее вероятную относительную последовательность сооружения погребений во всех исследованных могильниках.

Теперь еще раз нужно вернуться к описанию процедуры разделения этой общей последовательности погребений во времени на отдельные хронологические периоды. Этот вопрос уже обсуждался раньше, но тогда речь шла о методе выделения разных этапов в истории функционирования конкретного могильника. Теперь же стоит задача выделения более общих периодов отдельно для различных регионов (территориальных групп памятников). Ввиду того, что эти периоды будут отражать развитие историко-культурных процессов в этих достаточно обширных регионах, они по своему содержанию будут более условны, чем этапы, отражавшие историю каждого из могильников. Для того чтобы выделить периоды развития историко-культурных процессов в регионах, необходимо рассмотреть, как распределяются погребения всех могильников данного региона на условной хронологической оси. Чтобы группы погребений были

выделены более объективно, используется метод построения гистограмм [Каменецкий, Узянов, 1977]. «Пики» на гистограмме показывают группы погребений и, следовательно, периоды. Если таким образом периоды не выявляются, однако необходимо показать динамику развития орнамента, то можно выделить условные периоды по тем границам, которые дает гистограмма. Так выделяются хронологические отрезки в рамках одной культурной традиции.

В настоящее время считается доказанным, что культурные традиции в гончарстве (в том числе, культурные традиции создания форм сосудов с определенными очертаниями и культурные традиции создания орнамента на сосудах, выраженные в элементах, узорах, мотивах и композициях) характеризуются значительной устойчивостью в условиях относительно стабильного существования. Изменения этих традиций обусловлены культурными контактами между разными группами древнего населения [Бобринский, 1978; Волкова, 1996; Цетлин, 2008; 2012]. Поэтому оценивая в количественной форме степень близости культурных традиций в формах и орнаментации сосудов по разным памятникам, регионам и хронологическим периодам, мы получаем конкретную информацию о степени культурной близости самих носителей этих традиций и о тенденциях изменения этой культурной близости в пространстве и во времени.

Результаты исследования

В результате построения относительной хронологии по погребениям было выявлено, что в целом могильники Танаберген II и Жаман-Каргала I функционировали одновременно (рис. 3). В могильнике Танаберген II выделено семь локальных этапов, в которые совершались за-

хоронения. Эти этапы маркируются группами погребений на условной оси времени. В могильнике Жаман-Каргала I выделяются два локальных этапа.

На основе распределения погребений 1-й и 2-й локальные этапы могильника Танаберген II и 1-й локальный этап могильника Жаман-Каргала I были объединены в Период 1. К Периоду 2 относятся 3-й, 4-й, 5-й локальные этапы могильника Танаберген II и 2-й локальный этап могильника Жаман-Каргала I были объединены в Период 2. Период 3 составляют 6-й и 7-й локальные этапы могильника Танаберген II. Периоды отделяются друг от друга «пустыми» промежутками, когда погребения в могильниках не совершались.

Проверка результатов

В кургане 7 могильника Танаберген II имеется несколько случаев стратиграфии, когда одни синташтинские погребения перекрывают другие синташтинские же. Проверим, насколько результаты стратиграфии согласуются с результатами построения внутренней относительной хронологии.

Погребение 16 перекрывало размещавшиеся торцами друг к другу погребения 17 и 18 [Ткачев, 2007, с. 19]. Соответственно, погребение 16 было совершено позже погребений 17 и 18. По результатам построения внутренней хронологии погребение 18 было совершено в момент времени 59% от начала совершения погребения в могильнике, а погребение 17 находится на отметке 71% на условной оси времени. Оба эти погребения относятся к Периоду 2. В то же время погребение 16 находится на отметке 87% от начала совершения погребений в могильнике и относится к Периоду 3. То есть, оно находится на условной оси времени позже, чем по-

Рис. 3. Относительная хронология погребений могильников Танаберген II и Жаман-Каргала I и хронологические периоды истории могильников

Fig. 3. Relative chronology of the burials of the Tanabergen II and Jaman-Kargala I burials and the chronological periods of the burial grounds

гребения 17 и 18. Это полностью согласуется с данными стратиграфии.

Далее, юго-восточный угол погребения 29 частично прорезался погребением 30 [Ткачев, 2007, с. 35]. По результатам построения относительной хронологии по различным видам орнаментов погребение 29 находится на условной оси времени на отметке 65% (Период 2), а погребение 30 – на отметке 100% (оно относится к группе последних захоронений в кургане, Период 3). То есть и здесь данные стратиграфии полностью согласуются с построенной хронологической шкалой.

Анализ результатов

Детальный типологический анализ погребального обряда и инвентаря могильников Танаберген II и

Жаман-Каргала I уже был проведен [Ткачев, 2007, с. 73–204], поэтому общая характеристика и анализ этих памятников здесь даваться не будет. За основу также была взята типология инвентаря (кроме керамики) вышеупомянутого автора. Обратимся непосредственно к хронологическому анализу.

Период 1 (от 0 до 11%) (рис. 3; 4, I–II).

В этот период в могильнике Танаберген II были совершены погребения 20, 25 и 32. Это самые ранние погребения синташтинской культуры Западного Казахстана. Погребение 20 находится в южной поле кургана, а погребения 32 и 25 – в северной [Ткачев, 2007, с. 18, рис. 2]. Можно предположить, что эти погребения марки-

ровали некую меридиональную ось погребальной площадки. Все погребения Периода 1 одиночные. Более того, они имеют не очень большие для синташты размеры: средняя длина составляет 1,74 м, ширина 0,65 м, а глубина – 1,51 м. Также все они довольно скромные по конструкции: погребение 25 совершено в подбое, два погребения имеют ступени на стенках. Каких-либо следов ритуальных действий в виде мела, угольков или пр. в могилах не зафиксировано.

Специфичен половозрастной состав. Это ребенок до 7 лет, женщина 15–20 лет и взрослый мужчина 35–55 лет [Ткачев, 2007, с. 19–39, антропологические определения А.А. Хохлова] (при средней продолжительности жизни синташтинского взрослого населения в 35,5 лет [Рыкушина, 2003, с. 359]). Таким образом, группа населения, оставившая погребения Периода 1, скорее всего, состояла из взрослых людей 20–35 лет, не обремененных детьми. В Период 1 были погребены только ребенок, вероятно, родившийся на новом месте, молодая женщина и зрелый мужчина. Основные силы группы были направлены на освоение нового места жительства, поэтому на погребальный обряд тратилось не так много усилий.

Все погребенные имеют стандартную позу: скорченно на левом боку. Ориентировка тоже единообразна: на запад или юго-запад. Состав инвентаря не отличается от типичного синташтинского: это глиняные сосуды, бронзовые ножи, плоские тесла, шила; каменные песты, молоты, наковальни и наконечники стрел. Украшения представлены бронзовой подвеской в 1,5 оборота и небольшим количеством фаянсового бисера.

Отдельно остановимся на двух массовых и диагностирующих категориях инвентаря: бронзовых но-

жах и глиняной посуде. В Период 1 встречаются типичные синташтинские ножи-кинжалы с намечающимся перекрестьем и ромбической пяткой черенка (рис. 6) (Тип 1-1 по В.В. Ткачеву [2007, с. 182–184] – 2 экз. Вероятно, эту форму можно считать общеабашевской. Также встречены ножи с выемкой в месте сочленения лезвия и черенка (Тип 2) [Ткачев, 2007, с. 183–184].

Глиняная посуда (рис. 5; 7–10). Для синташтинской керамики этого периода характерен небольшой набор форм: это типичные синташтинские горшки с прямым плечом и внутренним ребром на отгибе венчика (Группа 1) (75%), миниатюрные сосудики с ребристым профилем (Группа 5) – 13% и банки – 12%. Посуда в этот период украшалась в основном с помощью гладких и накольчатых элементов, а также наклепных шишечек. Из элементов складывались узоры, также ограниченного набора: линейные узоры (в виде зигзага или наклонных линий) – 60% от всех узоров, треугольные и меандровидные узоры (по 10%). В мотивах орнамента, которые представляют собой способ распространения элементов и узоров по поверхности сосуда, преобладали простые мотивы из элементов (72%), то есть посуда этого периода производила впечатление «простой», «бедно» украшенной. На долю мотивов из узоров приходится 23%; сложные мотивы (из разных элементов и узоров) составляли около 5%.

Таким образом, население, оставившее погребения Периода 1, было монолитным в культурном плане, с устойчивым набором традиций в области погребального обряда и изготовления вещей.

Период 2 (25–52%) (рис. 3; 4, 12–41).

В этот период совершена основная масса погребений могильника Та-

наберген II и Жаман-Каргала I (рис. 3). Сопоставление данных планиграфии, стратиграфии и результатов построения относительной хронологии погребений по различным видам орнамента позволяют предполагать, что в этот период сначала были совершены погребения 34 (пристроено с севера к погребению 32) и погребения 15, 36 (пристроены с севера к погребению 20) [Ткачев, 2007, с. 18, рис. 2]. Таким образом, выстраивалась линия из погребений 20, 15, 36, 32, 34, что находит аналогии в абашевском погребальном обряде. Затем совершаются погребения 18 и 29 (оформляется кольцо) и погребение 33 – заполняется центр. В конце Периода 2 практически синхронно совершаются погребения 21 и 23, которые практически стыкуются друг с другом длинными сторонами.

В этот период размеры могильных ям существенно увеличиваются: средняя длина составляет уже 2,35 м, ширина – 1,68, а глубина – 2,31 (более чем в 1,5 раза!). Наравне с одиночными погребениями встречаются парные и коллективные. Внутримогильных конструкций становится больше: 70% погребений имеют деревянное перекрытие и ступеньки в стенках ямы, 30% ям имеют пазы в стенках, куда закладывались доски перекрытия. В этот период фиксируют следы многочисленных ритуальных действий в могиле: отмечены следы кострищ и угольки, кусочки мела и посыпка дна песком.

Изменяется половозрастное соотношение. Доля мужчин достигает 44%, они как взрослого, так и возмужалого возраста. Доля женщин – 38%, в основном взрослые (20–35 лет). Погребенных детей немного (только 18%), но эта аномалия характерна в целом для синташтинской культуры. В позе скорченно на левом боку захо-

ронены 74% погребенных. В остальных случаях наблюдается большое разнообразие: скорченно и вытянуто на спине, скорченно на правом боку. В ориентировке головой преобладает юго-западное направление (52%), остальные случаи достаточно равномерно занимают все сектора, кроме северного (не встречается вообще). В женских погребениях появляется большое количество украшений. Из металлических – это подвески в 1,5 оборота, широкожелобчатые браслеты, бляшки и пронизи. Отмечены каменные бусы и большое количество разнообразного фаянсового бисера. Встречены и предметы, которые можно отнести к ритуальным: разноцветные камни, куски мела, раковины и альчики. Бронзовые широкожелобчатые браслеты, подвески в 1,5 оборота и фаянсовый бисер широко встречаются в алакульской культуре [Усманова, 2005, с. 217, рис. 76, 1–20; с. 210–212, рис. 69–71].

Среди бронзовых ножей, как и в Период 1, чаще всего встречаются ножи-кинжалы общеабашевской формы – с намечающимся перекрестьем и ромбической пяткой черенка (тип 1-1 по В.В. Ткачеву). Отмечен в этот период и небольшой ножичек с выемкой в месте стыковки лезвия и черенка (тип 2 по В.В. Ткачеву).

Надежными хронологическими реперами данного периода являются два типа ножей-кинжалов, которые встречены только в Периоде 2 и более не встречаются (рис. 4, 23, 30, 33; 6). Один тип – это ножи-кинжалы с намечающимся перекрестьем и округлым окончанием черенка, лезвие имеет ромбическое или линзовидное сечение (тип 1-3 по В.В. Ткачеву). Они найдены в погребениях 23 и 33 кургана 7 могильника Танаберген II и в погребении 5 кургана 1 могильника

Жаман-Каргала I [Ткачев, 2007, с. 32, рис. 10; с. 42, рис. 17, 3; с. 53, рис. 25, 16]. Скорее всего, они являются упрощенной версией типа 1-1.

Второй тип ножей-кинжалов, который встречается только в Периоде 2, – это ножи без перекрестия с удлиненным лезвием, края лезвия зачастую параллельны, окончание черенка округлое (тип 3-2 по В.В. Ткачеву).

Отметим интересный факт: ножи-кинжалы типа 1-3 всегда встречаются в паре с ножами-кинжалами типа 1-1 (погребения 23 и 33 мог. Танаберген II, к. 7; п. 5 мог. Жаман-Каргала I, к. 1). Тип 3-2 встречается в паре с типом 1-1 только в двух случаях из четырех (мог. Танаберген II, к. 7, п. 21; мог. Жаман-Каргала I, к. 1, п. 5).

Глиняная посуда (рис. 5; 7–10). В Период 2 доля типично синташтинской формы – горшки с ребристым профилем, прямым плечом и внутренним ребром на отгибе венчика уменьшается до 47%, появляются горшки с плавным профилем (26%), а доля миниатюрных горшочков с ребристым профилем остается неизменной – 12%. В то же время появляются совершенно новые формы: это горшки с ребристым профилем и вогнутым плечом (Группа 4) (2%). Они находят аналогии в алакульской керамике. Появляются «гибридные» формы синташтинской и алакульской керамики, когда на горшке с ребристым профилем и прямым плечом отсутствует внутреннее ребро (Группа 2) и наоборот: на горшке с ребристым профилем и вогнутым плечом внутренне ребро есть (Группа 3) – по 2 % каждый. Это свидетельствует о контактах синташтинского населения с алакульским и заимствовании новой формы.

В области орнамента для этого периода происходят следующие изменения. Доля линейных узоров резко уменьшается до 26% (более чем в 2 раза) по сравнению с Периодом 1, доля треугольных узоров, наоборот, увеличивается в 2 раза до 22%. Доля меандровидных узоров остается практически прежней – 8%. В данном периоде впервые появляются ромбические и крестообразные узоры, а также узоры в виде волны и в виде лент. На уровне мотивов доля простых мотивов из элементов уменьшается до 56%, а простых мотивов из узоров увеличивается до 37%, как и доля сложных мотивов из разных элементов и узоров (7%). Обобщая произошедшие изменения в области керамики можно сделать вывод, что синташтинская керамика становится более «нарядной», а ее стилистика более разнообразной. Увеличение доли треугольных узоров можно связать с контактами с алакульским населением, для которого характерна высокая доля треугольных узоров в орнаментации керамики.

Таким образом, в Период 2 происходят контакты синташтинского населения с инокультурным окружением. В результате у синташтинского населения появляются новые типы ножей-кинжалов, глиняной посуды, меняется орнаментальная стилистика глиняной посуды. Получают распространение новые формы женских украшений. Можно предположить, что в основной своей массе инокультурное окружение было представлено группами алакульского населения Западного Казахстана на ранних этапах своей истории.

Период 3 (61-74%) (рис. 3; 4, 42–54).

В этот период совершаются последние захоронения в могильнике Танаберген II. Размеры могильных ям

незначительно уменьшаются: средняя длина составляет 2,04 м, ширина 1,56 м, глубина – 1,86 м. Могильные ямы только индивидуальные, в качестве внутримогильных конструкций используются ступень и деревянные камеры. Изменяется половозрастной состав. Среди погребенных только один мужчина в возрасте 35–55 лет, доля женщин – более 30%, большинство из них также 35–55 лет. Остальные погребенные – дети и подростки до 15 лет. Совершенно нет индивидов 15–20 лет. Можно предполагать, что в это время происходит миграция части населения, в первую очередь молодых мужчин. То, что это именно миграция, а не, например, гибель в результате военного столкновения, показывает факт сохранения экономического потенциала данной группы населения. Люди продолжают совершать захоронения, требующие значительного количества трудозатрат. Более того, погребение 22 достаточно уверенно относится к вождеским захоронениям: кроме ножей-кинжалов, колчанного набора наконечников стрел, псалиев, здесь присутствует каменная булава и бронзовое копье – маркеры высокого социального статуса погребенного.

Положение тела, в основном, скорченно на левом боку. Встречены особые виды погребений: в погребении 22 голова была отчленена от тела и находилась в области ладоней погребенного, который ее как бы держал. Ориентированы погребенные на север и северо-запад.

Инвентарь в целом тот же, что и в предыдущем периоде, но его количество в погребениях сокращается (рис. 4; 5). Пока только в Периоде 3 отмечена находка бронзового втульчатого копья и каменной булав. Количество украшений также сокращается, подвески в 1,5 оборота в этот

период не отмечены, только бронзовые браслеты и небольшое количество фаянсового бисера.

Из типов ножей в этот период встречены типичные общеабашевские ножи-кинжалы с намечающимся перекрестьем и ромбической пяткой черенка. Только в Период 3 встречены ножи без перекрестья с овальным лезвием и широким черенком с круглым окончанием (рис. 6) (Тип 3-1 по В.В. Ткачеву [Ткачев, 2007, с. 183–184]).

В области керамических традиций происходят следующие изменения (рис. 5; 7–10). Типичных синташтинских горшков с ребристым профилем, прямым плечом и внутренним ребром на отгибе венчика (Группа 1) в этот период становится меньше (31% от всех сосудов). Практически столько же составляют и горшки с плавным профилем. Возрастает роль баночных сосудов (15%). Небольшую, но устойчивую группу продолжают составлять «гибридные» горшки с прямым плечом, но без внутреннего ребра (Группа 2), (15%). Отсутствуют миниатюрные сосудики с ребристым профилем.

Доля элемента «без орнамента» среди других элементов орнамента достигает 43%, на практике это проявляется в том, что часть сосудов не орнаментирована, а часть имеет зоны без орнамента. Если же сосуд украшался, то практически всегда это был гребенчатый элемент (40% от всех элементов орнамента данного периода). По-прежнему используются элементы в виде валиков (9%), а вот шишечки в данный период не используются совсем.

На уровне узоров по-прежнему преобладают линейные (зигзаги, группы отрезков) (36%). Однако значительно возросла доля треугольни-

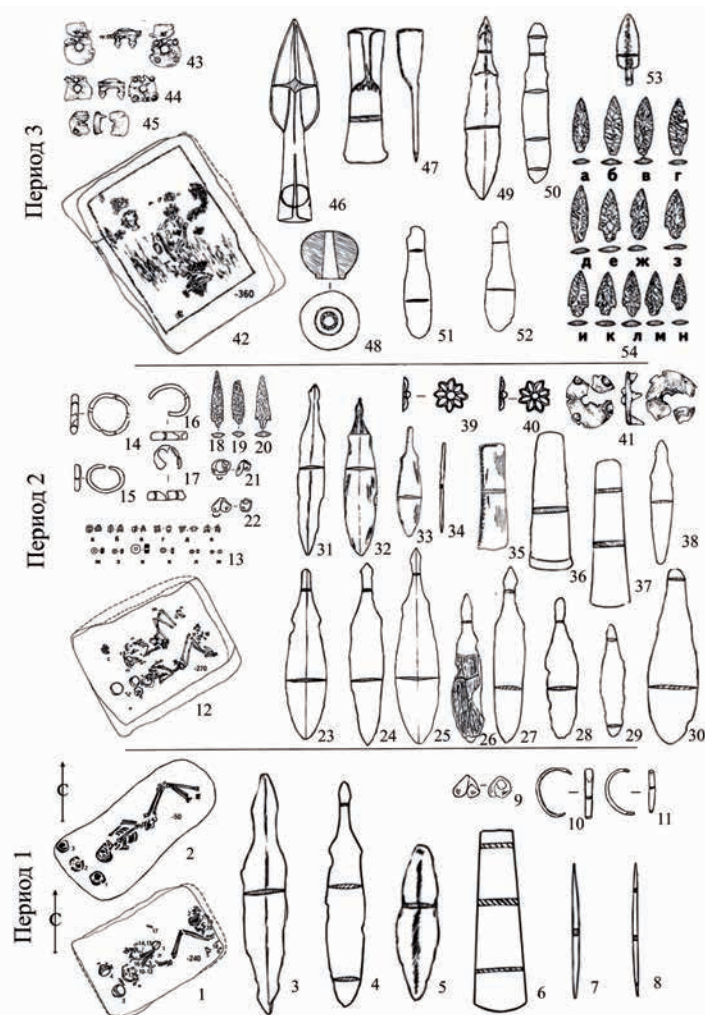

Рис. 4. Погребения и инвентарь из погребений различных хронологических периодов. 1, 3, 5, 7, 9–11 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 20; 2 – мог. Жаман-Каргала I, к. 1, п. 1; 4, 6, 8 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 25; 12, 14, 15, 27, 30, 39, 40 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 23; 13, 16, 17, 29 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 15; 18–20, 25, 28 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 21; 21, 22, 31, 34 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 17; 26, 37 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 18; 23, 24, 36, 41 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 33; 27, 30 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 23; 32, 33, 35 – мог. Жаман-Каргала I, к. 1, п. 5; 38 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 29; 42–49, 51, 53, 54 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 22; 50 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 16; 52 – мог. Танаберген II, к. 7, п. 30

Fig. 4. Burials and inventory from burials of various chronological periods. 1, 3, 5, 7, 9–11 – the burial ground Tanabergen II, kurgan 7, burial 20; 2 – burial ground of Jaman-Kargala I, mound 1, burial 1; 4, 6, 8 – the burial ground Tanabergen II, barrow 7, burial 25; 12, 14, 15, 27, 30, 39, 40 – the burial ground Tanabergen II, barrow 7, burial 23; 13, 16, 17, 29 – burial ground Tanabergen II, barrow 7, burial 15; 18–20, 25, 28 – Tanabergen II burial ground, barrow 7, burial 21; 21, 22, 31, 34 – burial ground Tanabergen II, barrow 7, burial 17; 26, 37 – the burial ground Tanabergen II, barrow 7, burial 18; 23, 24, 36, 41 – burial ground Tanabergen II, mound 7, burial 33; 27, 30 – the burial ground Tanabergen II, barrow 7, burial 23; 32, 33, 35 – burial ground of Jaman-Kargala I, mound 1, burial 5; 38 – burial ground Tanabergen II, mound 7, burial 29; 42–49, 51, 53, 54 – burial ground Tanabergen II, barrow 7, burial 22; 50 – Tanabergen II burial ground, mound 7, burial 16; 52 – Tanabergen II burial ground, mound 7, burial 30

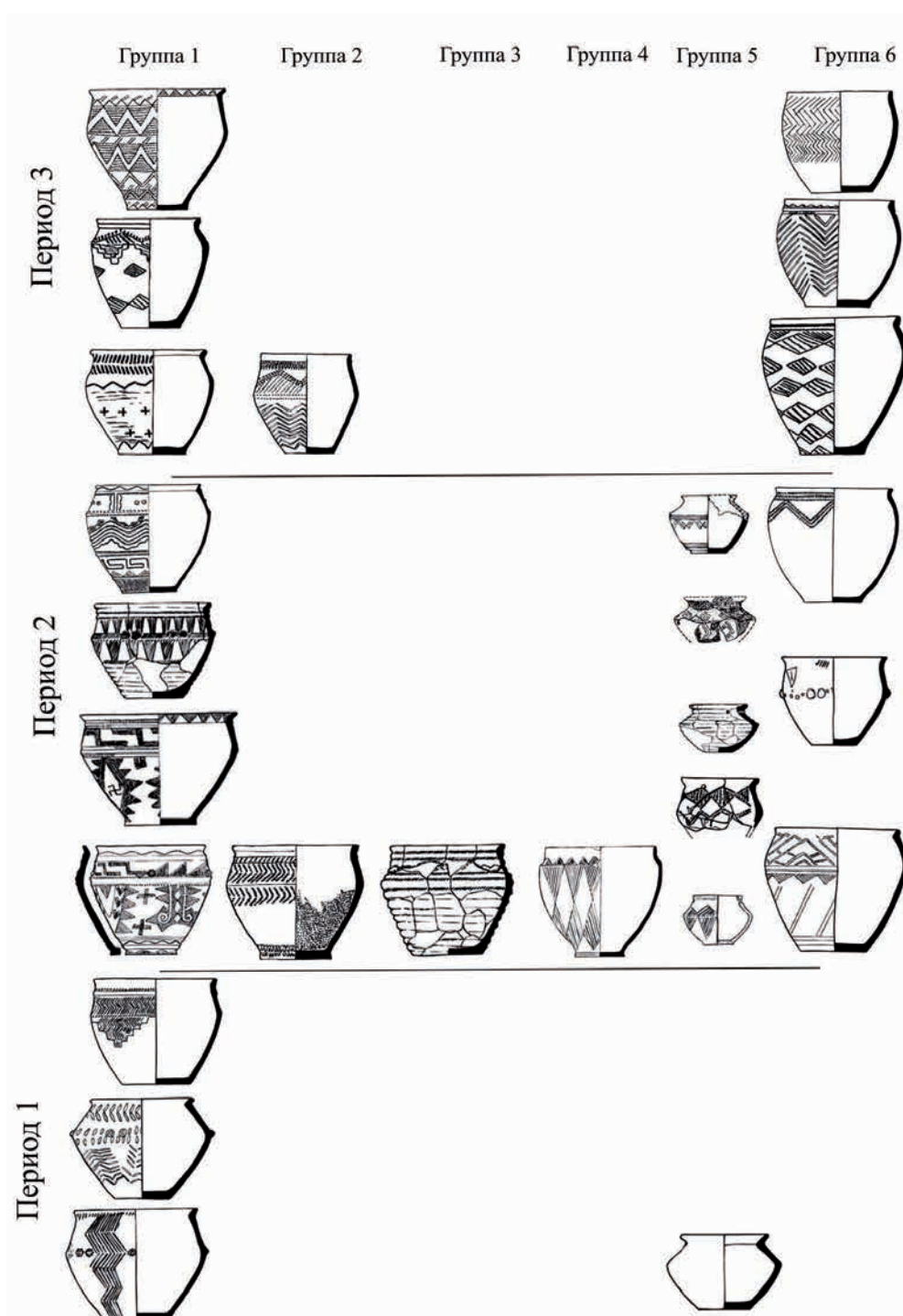

Рис. 5. Сосуды из погребений различных хронологических периодов
Fig. 5. Clay vessels from burials of various chronological periods

	Тип 1-1	Тип 1-2	Тип 1-3	Тип 2	Тип 3-1	Тип 3-2
						
Период 1	+			+		
Период 2	+		+	+		+
Период 3	+	+			+	

Рис. 6. Взаимовстречаемость типов ножей-кинжалов в различные хронологические периоды

Fig. 6. Interlocking types of knives-daggers in different chronological periods

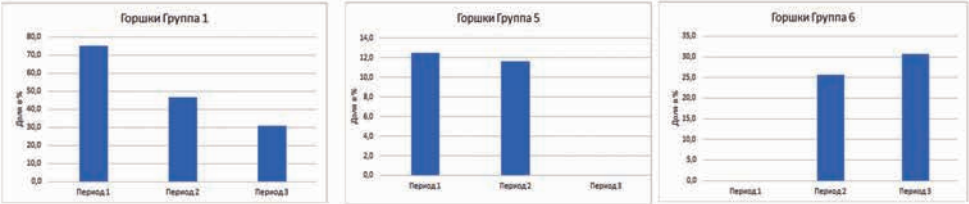

Рис. 7. Распределение основных форм глиняной посуды в различные хронологические периоды

Fig. 7. The distribution of the main forms of pottery in different chronological periods

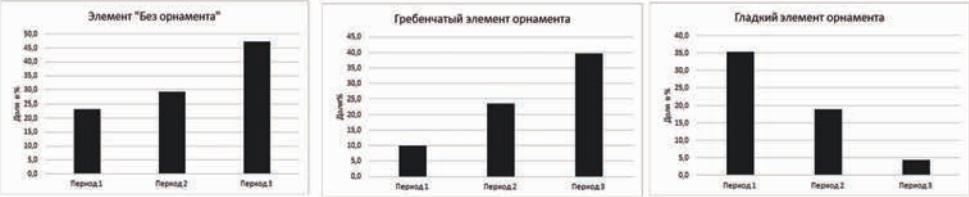

Рис. 8. Распределение основных элементов орнамента на глиняной посуде в различные хронологические периоды

Fig. 8. The distribution of the main elements of the ornament on pottery in different chronological periods

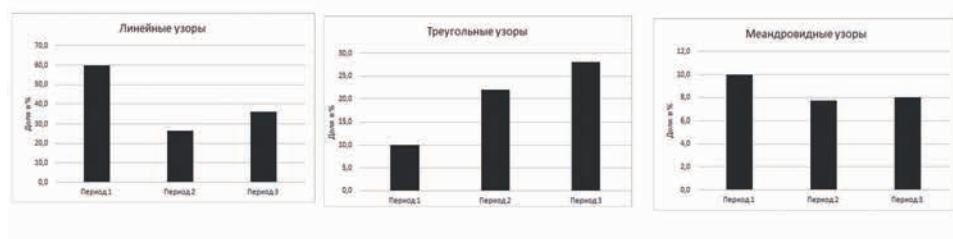

Рис. 9. Распределение основных узоров орнамента на глиняной посуде в различные хронологические периоды

Fig. 9. The distribution of the main patterns of the ornament on pottery in different chronological periods

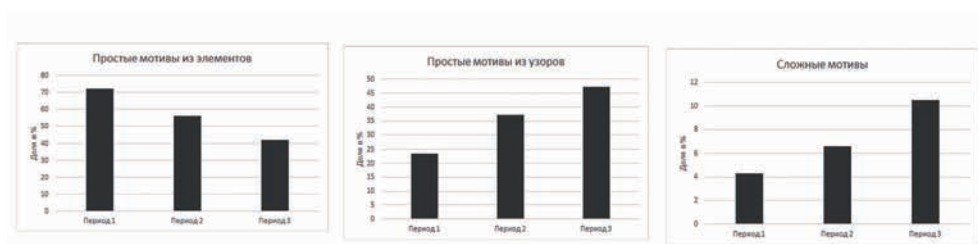

Рис. 10. Распределение мотивов орнамента на глиняной посуде в различные хронологические периоды

Fig. 10. The distribution of motifs on pottery ornament in different chronological periods

ков (28%), а третьей по численности группой становятся узоры из лент. Однако доля ромбов и меандров остается устойчивой (по 8%).

Мотивы из узоров (47%) стали доминировать над мотивами из элементов (42%). То есть в орнаментации стал преобладать «геометрический» стиль. Доля сложных мотивов, когда в одном орнаментальном бордюре чередуются разные элементы и узоры возросла до 11%.

Таким образом, в данном периоде мы видим, что влияние алакульских традиций сохраняется и становится довольно существенным.

Выводы

Используя соотношение различных видов орнамента в каждом

погребении (закрытом комплексе), удалось построить относительную хронологию и выявить периоды в развитии синташтинских традиций в области погребального обряда, типологии металлических изделий (прежде всего ножей-кинжалов), традиций формообразования и орнаментации керамики. Важно, что удалось выявить как долговременные тренды, так и маркеры отдельных периодов. По результатам построения относительной хронологии и периодизации синташтинских погребений Западного Казахстана в бассейне р. Илек, история этой группы населения предстает следующим образом. В Период 1 эта группа населения появляется в данном регионе и существует относи-

тельно обособленно от других этнокультурных групп. Набор керамики, металлических изделий, украшений достаточно компактен, традиции относительно однородны. Предварительно традиции этой группы можно назвать близкими к абашевским. В Период 2 начинаются контакты с инокультурным, вероятно, с раннеалакульским (срубноалакульским?) населением. Это проявляется в появлении керамики с алакульскими чертами (горшков с вогнутым плечом (уступом), резком увеличении доли

узор из треугольников и лент, разнообразии видов женских украшений, появлении некоторых типов ножей-кинжалов). В Период 3 продолжают те же тенденции, что в Период 2. Однако, ядро синташтинских культурных традиций сохраняется на протяжении всей истории существования данной группы населения в Западном Казахстане. Культурные контакты с ранними алакульцами только ускорили развитие технологий и культурных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996. 122 с.
3. Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
4. Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак // ВААЭ. 2008. № 9. С. 32-58.
5. Каменецкий И.С., Узанов А.А. О правилах построения гистограмм // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 38-49.
6. Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2003. С. 319-360.
7. Телегин Д.Я. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. С. 59-64.
8. Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актыбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 484 с.
9. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I. Караганда–Лисаковск, 2005. 232 с.
10. Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.
11. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
12. Хаванский А.И. Относительная хронология орнаментации керамики синташтинских могильников // РА. 2010. № 3. С. 22-36.
13. Хаванский А.И. Внутренняя хронология Синташтинского культурного комплекса // Аркаим–Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. Челябинск: изд-во Челябин. гос. ун-та, 2010. Ч. 1. С. 74-81.
14. Хаванский А.И. Возможности «керамической» хронологии // Актуальная археология 3: новые интерпретации археологических данных: тез. Междунар. научн. конф. молодых ученых (г. СПб., 25–28 апреля 2016 г). СПб.: Невская книжная типография, 2016. С. 125-129.
15. Шевнина И.В. Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. VII. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 248 с.

Сведения об авторе:

Хаванский Алексей Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); Arkaim01@yandex.ru

**ЕЛЕК ӨЗЕНІ БАССЕЙНДЕГІ БАТЫС ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ СЫНТАСТЫ
ЖЕРЛЕУ ЕСТЕРКІШТЕРІНІҢ САЛЫСТЫРМАМАЛЫ
ХРОНОЛОГИЯСЫ МЕН КЕЗЕҢГЕ БӨЛУ**

А.И. Хаванский

Мақала Елек өзенінің бассейніндегі Батыс Қазақстан Сынтасты жерлеу мәдениетіндегі құрылымдардың салыстырмалы хронологиясы мен кезеңге бөлу нәтижелері қарастырылады. Автор үш хронологиялық кезеңді бөліп алады және солардың әрқайсысына сипаттама береді. Әр бір қабірдегі (жабық кешендегі) әртүрлі өрнектердің ара салмағын пайдалана отырып салыстырмалы хронологиясын жасауға және жерлеу рәсімі саласындағы Сынтасты дәстүрдің даму кезеңдерін, металл бұйымдардың (пышақ-қанжарлар) типологиясын, керамиканың сырт пішінің қалыптасуы мен әшекейлену дәстүрін анықтауға мүмкіндік туды. Жеке кезеңдердің ұзақ мерзімді өзгеру бағыттары мен маркері анықталды. Және маркерлерін анықтау мүмкін болды. 1 Кезеңде тұрғындардың Сынтасты топтары осы аймақта пайда болған және салыстырмалы түрде өзге этномәдени топтардан окшаулау болған. Керамика, метал бұйымдары, әшекейлер жиынтығы жеткілікті жинақы, дәстүрлер салыстырмалы түрде біртекті болып келеді. 2 Кезеңде өзге мәдениеттермен, мүмкін ертеалакөлдiк тұрғындармен байланыс басталған. Бұл алакөлдiк белгiдегi (ойыс иықты «кемерлi», үшбұрыштар мен таспалы өрнектердiң айқын үлкеюi, әйелдер әшекейлерiнiң саналуандығы, пышақ-қанжар түрлерiнiң пайда болуы) керамиканың пайда болуынан көрiнедi. 3 кезеңде 2 кезеңдегi сол үрдіс жалғасады. Батыс Қазақстандағы тұрғындардың Сынтасты тобы өмір сүрген кезеңнің өн бойында Сынтасты дәстүрдің өзегі сақталып келгендігін және ертеалакөлдiктермен мәдени байланыс технологиялар мен мәдени дәстүрлердiң дамуын жылдамдатқандығын атап өтуіміз қажет.

Түйін сөздер: археология, Сынтасты мәдениеті, кезеңдеу, жерлеу рәсімі, қанжар, керамика, ою-өрнектер, мәдени дәстүрлер

**RELATIVE CHRONOLOGY AND PERIODIZATION BURIALS
OF SINTASHTA CULTURE OF WESTERN KAZAKHSTAN
ON THE RIVER ILEK**

A.I. Khavansky

Article of the results: correcting the chronology and periodization of burials Sintashta culture of Western Kazakhstan for various types of ornament. (First of all knife-daggers). , traditions of form-building and ornamentation of ceramics. It was possible to identify both long-term trends and markers of individual periods. In Period 1 the Sintashta groups of the population appear in the given region and exist relatively apart from other ethno-cultural groups. A set of ceramics, metal products, ornaments is compact enough, traditions are relatively homogeneous. In the Period of 2, contacts with inocultural, probably, with the Early Alakul (Sorbo-Alakul?) Population begin. This is manifested in the appearance of pottery with Alakulian features (pots with a concave shoulder (ledge), a sharp increase in the proportion of patterns from triangles and ribbons, a variety of types of female jewelry, the appearance of some types of knife-daggers). In Period 3, the same trends continue as in Period 2. It should be emphasized that the core of Sintashta traditions in all earthly traditions in western Kazakhstan and cultural contacts with early Alakulians only accelerate the development of technology and cultural traditions.

Keywords: archaeology, Sintashta culture, periodization, funeral rite, daggers, ceramics, ornament, cultural traditions

REFERENCES

1. Bobrinskiy, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Yevropy. Istochniki i metody izucheniya* (Pottery Eastern Europe. Sources and Methods of Study). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Volkova, Ye. V. 1996. *Goncharstvo fat'yanovskikh plemen* (Pottery Fatyanovo tribes). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Yepimakhov, A. V. 2002. *Yuzhnoye Zaural'ye v epokhu sredney bronzy* (Southern Trans-Urals in the Middle Bronze Age). Chelyabinsk: South Ural State University Publ. (in Russian).
4. Kaliyeva, S. S., Logvin, V. N. 2008. In *Voprosy arkheologii, antropologii i etnografii* (Issues of archeology, anthropology and ethnography) (9), 32-58 (in Russian).
5. Kamenetskiy, I. S., Uzyanov, A. A. 1977. In *Arkheologicheskiye issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri* (Archaeological research in the Urals and in Western Siberia), 38-49 (in Russian).
6. Rykushina, G. V. 2003. In *Vinogradov, N. B. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoye Ozero v Yuzhnom Zaural'ye* (Bronze Age burial ground Krivoye Ozero in the Southern Trans-Urals), 319-360 (in Russian).
7. Telegin, D. Ya. 1977. In *Problemy arkheologii Yevrazii i Severnoy Ameriki* (Problems of archeology of Eurasia and North America), Moscow: "Nauka", 59-64 (in Russian).
8. Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh sredney i pozdney bronzy* (The steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze eras). Aktobe: Aktyubinskiy oblastnoy tsentr istorii, etnografii i arkheologii (in Russian).
9. Usmanova, E. R. 2005. *Mogil'nik Lisakovskiy I* (Burial ground Lisakovskiy I). Karaganda-Lisakovsk (in Russian).
10. Tsetlin, Yu. B. 2008. *Neolit tsentra Russkoy ravniny. Ornamentatsiya keramiki i metodika periodizatsii kul'tur* (Neolithic center of the Russian Plain. Ornamentation of ceramics and methods of cultures periodization). Tula: "Grif i K" Publ. (in Russian).
11. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* (Ancient pottery. Theory and methods of historical and cultural approach). Moscow: Institute of Archaeology RAN (in Russian).
12. Khavanskiy, A. I. 2010. In *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian archaeology), 3, 22-36 (in Russian).
13. Khavanskiy, A. I. 2010. In *Arkaim – Sintashta: drevneye nasledie Yuzhnogo Urala* (Arkaim – Sintashta: the ancient heritage of the Southern Urals), 1. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 74-81 (in Russian).
14. Khavanskiy, A. I. 2016. In *Aktual'naya arkheologiya 3: novyye interpretatsii arkheologicheskikh dannykh* (Actual Archeology 3: New Interpretations of Archaeological Data). Sankt-Peterburg: Nevskaya knizhnaya tipografiya, 125-129 (in Russian).
15. Shevnina, I. V. Logvin, A. V. 2015. *Mogil'nik epokhi bronzy Khalvay III v Severnom Kazakhstane* (The cemetery of the Bronze Age Halvay III in Northern Kazakhstan). Astana (in Kazakh, Russian, English).

About the Author:

Khavansky Alexey I. Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; Arkaim01@yandex.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.08.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.08.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 29.10.2018.

О СПОСОБАХ ОБОГРЕВА ДРЕВНИХ ЗЕМЛЯНОК В ПРЕДГОРНОЙ И ГОРНОЙ ЗОНЕ ИЛЕЙСКОГО АЛАТАУ

© 2019 г. В.В. Сараев, Ф.Т. Кожегулова

Настоящая работа посвящена реконструкции способа обогрева жилища-землянки и возможным вариантам функционального назначения таких помещений в хозяйственно-бытовых традициях древнего населения Илейского Алатау. В 2018 г. авторами проводились исследования древних поселений в устье ущелья Узын-Каргалы, которые позволяют реконструировать хозяйственную структуру населения данного микрорайона. Была расчищена землянка в долине ручья Кайнарбулак, в конструкции которой отсутствовал очаг для обогрева помещения. В домостроительстве древних скотоводов горной зоны региона существовала традиция сооружения малогабаритных землянок с системой внешнего обогрева каменных стен. Пристенный очаг с дымоходом позволяет сохранить положительные факторы (быстрый обогрев, малый расход топлива) помещения небольшого объема и увеличивает полезную площадь в пользу обитателей. Данные помещения могли использоваться как для проживания, так и в хозяйственных целях, например, в качестве копильни. Хронологические параметры возникновения подобной традиции по материалам комплекса древних стоянок скотоводов в долине ручья Кайнарбулак позволяют отнести ее к усуньскому периоду раннего железного века.

Ключевые слова: археология, Илейский Алатау, ущелье Узын-Каргалы, горная зона, поселение, стоянка, хозяйство, быт, скотоводство, петроглифы, землянка, очаг, дымоход, ранний железный век

Изучение древних поселений в предгорной и высокогорной зоне Илейского Алатау позволило выявить характер хозяйственного освоения данной территории на различных этапах древней истории региона [Горячев, Сараев, 2015, с. 5–18]. Большое значение в хозяйственно-культурном развитии древнего населения играли традиции домостроительства, которые выражались не только в технологии обустройства жилищ, но и в выборе места для поселения и факторах, его обуславливающих. Одной из наиболее важных категорий артефактов, позволяющих реконструиро-

вать хозяйственно-бытовые стороны жизни населения в эпоху бронзы и раннем железном веке, являются металлические, костяные и каменные изделия, орудия труда и керамика [Кузьмина, 1966; 1986, с. 152–182; Аванесова, 1991]. Специалисты изучают, в основном, технологию производства и, по возможности, определяют функциональное назначение этих изделий [Горячев, Чернов, 2007, с. 106–119; 2017, с. 5–24; Сараев, Горячев, 2013, с. 37–47].

Между тем, ряд фактических аспектов хозяйственно-бытовой повседневности жителей древних по-

селений порой оказывается не отраженным. К таковому можно отнести вопрос об обращении в древности человека с огнем. Всем известно, что с помощью огня освещали жилище, обогревались, готовили пищу, обжигали керамическую посуду и т.д. Огню придавалось магическое значение. В дневниках Ч.Ч. Валиханова собрано большое количество сведений об обращении с огнем жителей территории Казахстана. Например, при перекочевке с зимовки на высокогорные пастбища кочевники разводили два огромных костра, между которыми проходили люди и скот. Таким образом, место очищалось от влияния злых духов. Невеста, которая приходила в жилище мужа, обязана была поклониться очагу и т.п. [Валиханов, 1984, с. 208–215]. Объем сохранившихся в памяти народа способов обращения с огнем в своей массе относится к ритуально-обрядовой деятельности.

Так, в значительном количестве древних поселений эпохи бронзы и раннего железного века Центральной и Средней Азии очаги располагались в центральной или наиболее общественно значимой части жилищ [Итина, 1977, с. 195–204; Кузьмина, 1994, с. 81]. Подобная ситуация характерна для многих, исследованных и исследуемых в горной и предгорной зоне Илейского Алатау, поселений. При этом неважно, представляют они собой каркасно-столбовые деревянные конструкции или стены жилищ сложены из камня. Причем в последнем случае, как на поселении Асы-І, датируемом эпохой поздней бронзы, отмечено несколько очагов внутри многокомнатного помещения [Марьяшев, Горячев, 2001, с. 112–121].

В ходе археологических исследований авторам довелось на-

блюдать ситуацию, при которой очаг в конструкции капитального стационарного древнего жилища отсутствует, либо его наличие не предполагается. Между тем в природно-климатических условиях Илейского Алатау проживание в подобных условиях в осенне-зимний период практически не возможно. Значит, должен был существовать способ, с помощью которого проблема обогрева помещения решалась. Археологические исследования поселений в устье ущелья Узын-Каргалы в полевом сезоне 2018 г. позволили найти данное решение. Таким образом, настоящая работа посвящена реконструкции способа обогрева подобного жилища-землянки и возможным вариантам функционального назначения таких помещений в хозяйственно-бытовых традициях древнего населения региона.

Археологические исследования в ущелье Узын-Каргалы и на выходе реки в предгорную зону были начаты ещё в 1930-е гг. А.Н. Бернштамом [Бернштам, 1952]. Им были обследованы древние курганы и камни с чашевидными лунками в окрестностях поселка Фабричный (нынешний Каргалы). Ему же принадлежит честь первой публикации Каргалинского клада, жемчужиной которого является знаменитая Каргалинская диадема [Бернштам, 1940, с. 23–31]. В 1970–1990-е гг. сотрудниками Института «Казпроектреставрация», ЦГМК и Института археологии им. А.Х. Маргулана периодически изучались преимущественно аварийные памятники эпохи бронзы и раннего железного века. Была открыта древняя ирригационная система региона [Сараев, 2010, с. 82–88].

Ущелье Узын Каргалы расположено в крайней западной части

Илейского Алатау. Оно граничит с урочищами Улькенсаз и Майбулак на западе, и с ущельем Кайнар и урочищем Ушкоңыр на востоке. Истоки реки Узын-Каргалы лежат на северном склоне главного хребта Илейский Алатау. Река образуется от слияния рек Каргалы, Майбулак, Егарджан, Сарысай и Алеяк, которые берут начало в снежниках и ледниках. Река Узын-Каргалы относится к бассейну р. Курты, впадающей в р. Иле. На всем протяжении ущелье имеет общее направление ЮЗ–СВ.

В начале XXI века в рамках программы «Культурное наследие» часть памятников предгорной зоны микрорайона была систематизирована и включена в «Свод памятников истории и культуры Алматинской области» [Свод памятников, 2009]. Значительную их часть составили курганы раннего железного века. Наиболее полное описание исторических памятников рассматриваемого региона дано в работе «Каргалинский древний историко-географический микрорайон» [Сараев, 2017, с. 68–90].

Систематизированное изучение древних поселений и их хозяйственной структуры, проведенные в предгорной зоне северных склонов Илейского Алатау, устойчиво свидетельствует о проживании оседлых земледельцев в низинной зоне предгорной линии и скотоводческих хозяйств в горной части предгорной полосы. Серия древних поселений была обнаружена в 3–5 км вглубь ущелья Узын-Каргалы (рис. 1). Они занимают относительно ровные площадки у крупных скальных блоков или массивов (рис. 2). На поверхности иногда просматриваются каменные кладки загонов для скота, следы стенок жилых и хозяйственных помещений. Обычно на склоновых площадках

ущелья просматривается 1–2 жилища с пристройками, что дает основание считать их принадлежащими одной малосемейной группе (рис. 3). Почти на каждой скальной группе рядом с такими поселениями имеются наскальные рисунки раннего железного века, реже эпохи бронзы и средневековья (рис. 4).

Наличие площадок именно у скал обусловлено климатическими условиями региона. Они имеют экспозиции южного направления, в зимнее время подвергаются более интенсивному прогреву солнечными лучами, чем ближайшее окружение. Наличие же массы скальных нагромождений позволяет аккумулировать солнечное тепло, что и создает локальный микроклимат с положительными температурами для проживания и содержания скота. Таким образом, подобные поселения представляют собой стоянки-зимовки древних скотоводов. Места для поселений выбирались с учетом возможных селевых сходов и паводковых аномалий на высоких площадках чаще с южной экспозицией. Как правило, жилища врезались в склоны площадки по берегу ручья в устье боковых саев на стыке с основным ущельем.

Рассматриваемые в настоящей работе жилища выявлены в ущелье притока реки Узын-Каргалы на ручье Кайнарбулак (рис. 1). Жилища врезаются в склон правого борта притока. Склон имеет экспозицию северного направления. Объяснением такого расположения жилого помещения является желание насельников – скотоводов содержать животных на склоне с южной экспозицией по причине ряда положительных факторов (рис. 5). Животные, расположенные на склоне, обращенном к солнцу в зимний период, будут находиться

в более комфортных в температурном отношении условиях. Склон с южной экспозицией сравнительно быстро (2–3 дня), в зимнее время,

освобождается от снежного покрова и достаточно часто зимой на этих склонах прослеживается образование молодой травянистой поросли. Что,

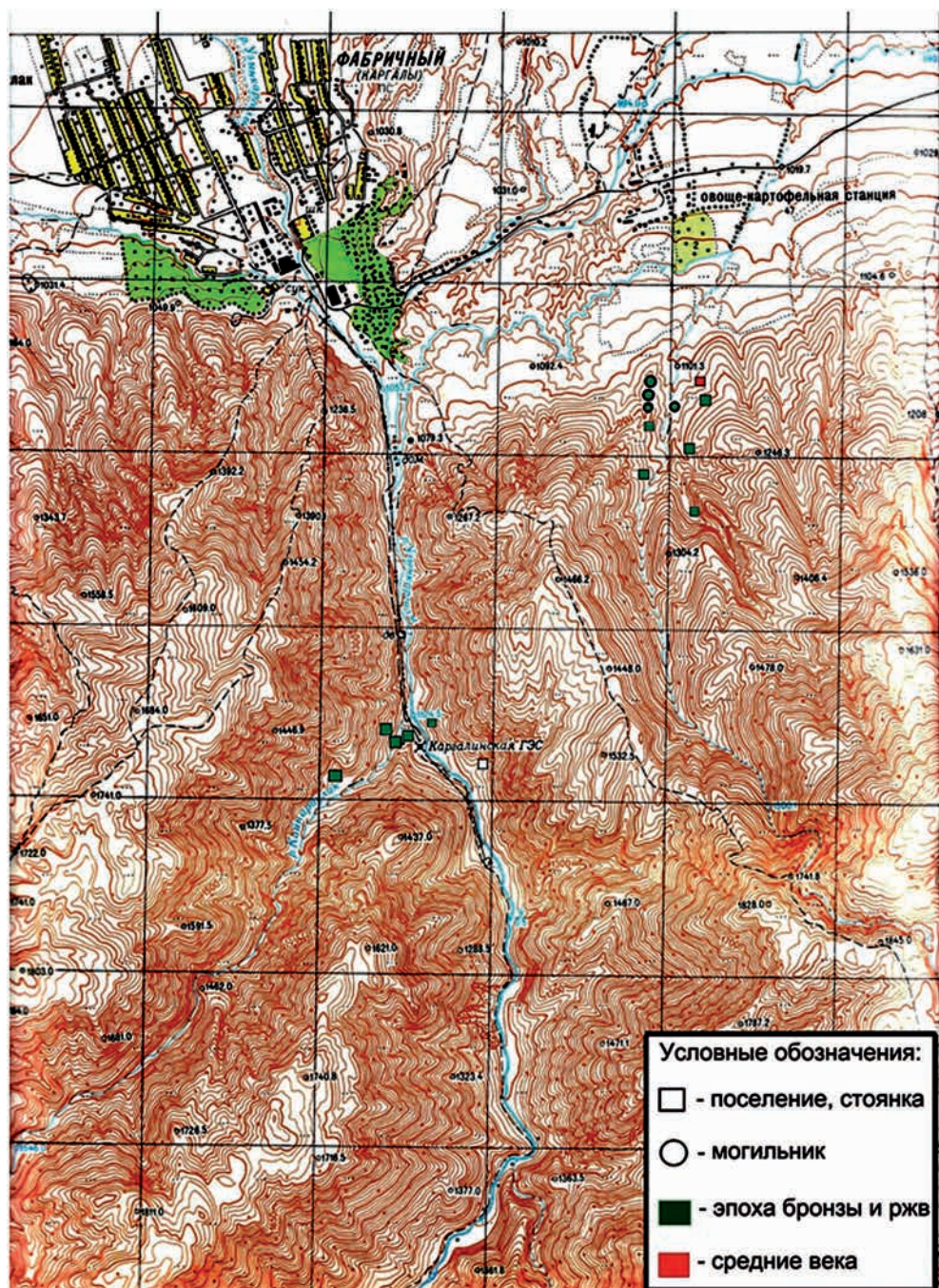

Рис. 1. Карта расположения древних поселений в ущельях Кайнар и Узын-Каргалы
Fig. 1. Map of Ancient settlements in the gorges of Kainar and Uzyn-Kargaly

в свою очередь, позволяет выпасать скот тебеневкой. Жилище скотоводов, расположенное на противо-

ложном склоне ущелья, позволяет его обитателям в любое время следить за перемещением стада по территории

1

2

Рис. 2. Площадки древних поселений в устье ущелья Узун-Каргалы в долине ручья Кайнарбулак. Фото авторов

Fig. 2. Sites of Ancient settlements at the mouth of the gorge Uzyn-Kargaly in the valley of the stream Kainarbulak. Authors's photo

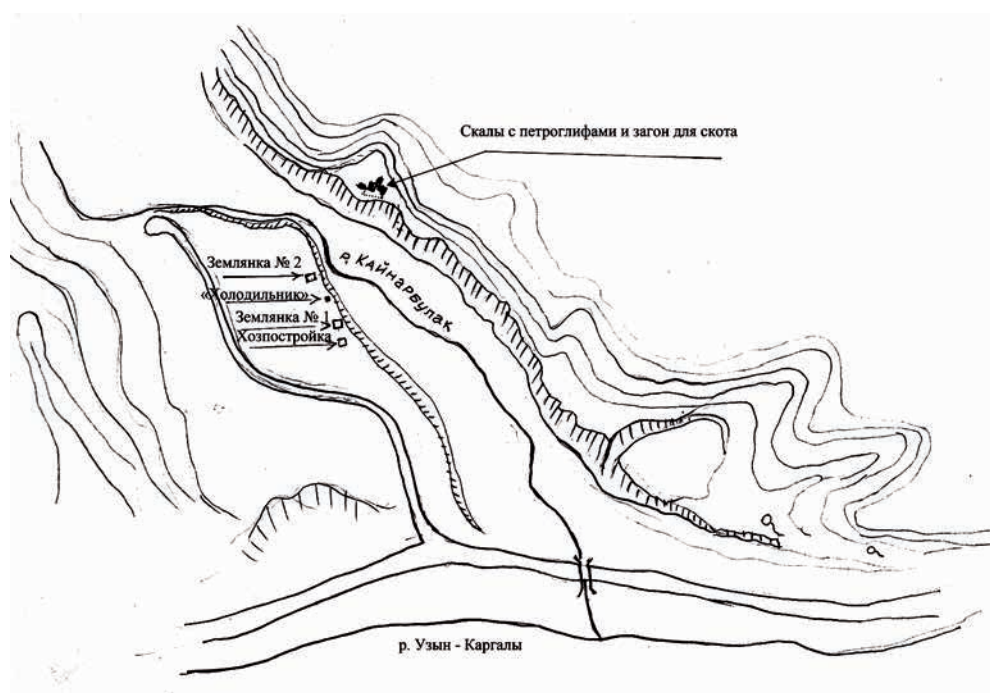

Рис. 3. План-схема древнего поселения в долине ручья Кайнарбулак

Fig. 3. Scheme of an Ancient settlement in the valley of the stream Kainarbulak

выпаса. Люди, выбравшие для себя менее комфортные условия, рассчитывали, что зимой они в состоянии обогреть свои жилища с помощью огня, а летом не будут испытывать дискомфорта от палящего солнца.

Обследованная землянка привлекла к себе внимание тем, что широкие, добротно сложенные из каменной стены, сохранившиеся на высоту до 1,5 м, имели разрушенную стену, обращенную к горе. Она была разрушена в центральной части и имела выброс камней и грунта внутрь помещения (рис. 6). В соседней землянке (рис. 3, землянка № 2) разрушения сходные. В ней также стена, обращенная к горе, разрушена в центральной части и навал из камней и грунта. Объяснение, что подобные разрушения возникли в результате постоянного напряжения на стенку со стороны почвенных слоев, расположенных выше по склону, не выглядит

убедительно. При аналогичных условиях на поселении позднебронзового времени Талапты-1 в долине р. Коксу северная каменная стенка рухнула полностью, а не в какой-то части [Горячев, Потапов, 2015, с. 342–351], так как давление почвенных слоев осуществляется в подобном случае равномерно. Выяснение причин схожего разрушения стен в обеих землянках, подвели к вопросу о способе обогрева в зимнее время такого рода жилых помещений.

Естественно, что для обогрева жилища внутри помещения достаточно соорудить очаг, а для выхода дыма наружу необходимо отверстие в крыше. Такова простейшая схема отопления казахской юрты. Однако известны и другие способы обогрева жилища. На территории Южного Казахстана и Жетысу с раннего железного века приготовление пищи производилось в выносных очагах –

Рис. 4. Наскальные изображения близ конструкций жилых и хозяйственных строений древнего поселения в долине ручья Кайнарбулак. Фото авторов

Fig. 4. Rock art near the structures of residential and commercial buildings of the Ancient settlement in the valley of the stream Kainarbulak. Authors's photo

тандырах, а обогрев жилых помещений турлучного типа и наземных юрт с помощью углей [Горячев, Мотов, 2018, с. 48–52]. В нашем случае есть основание полагать, что применялся свой, иной способ обогрева жилого помещения. Внутренняя (полезная) площадь исследуемой землянки составляет 7,42 кв.м, что выражает, условно говоря, достаточно скромные «просторы», польза от которых состоит лишь в том, что для обогрева помещения такой площади требуется мало топлива, и сделать это можно достаточно быстро. Вместе с тем, при такой полезной площади предполагать наличие очага в центре помещения, совмещенным с местами для лежания (ночной отдых), пор-

цией топлива для очага и хозяйкой, занятой приготовлением пищи, не представляется рациональным.

В данных условиях наиболее приемлемым будет смысл в пристенном очаге. Пристенный очаг позволяет сохранить положительные факторы (быстрый обогрев, малый расход топлива) помещения небольшого объема и увеличивает полезную площадь в пользу обитателей, однако не решает вопроса отвода дыма от пламени очага. Проблема вывода дыма из помещения землянки осложняется еще и тем, что помимо обогрева жилища с помощью очага, хозяйке был необходим доступ к открытому пламени очага для приготовления пищи. Не имея трубы, обитатели землянки

Рис. 5. Скальная гряда с петроглифами и хозяйственными строениями древнего поселения в долине ручья Кайнарбулак. Фото авторов

Fig. 5. Rock ridge with petroglyphs and farm buildings of an Ancient settlement in the valley of the Kainarbulak stream. Authors's photo

решили проблемную ситуацию, перенесли очаг внутрь каменной стены (рис. 7; 8). При этом внутреннее пространство между камнями в разрыве стены, из которых она сложена, превращалось в топку. Открытой стороной образовавшийся «камин» был обращен к горе и незначительной частью снизу внутрь помещения. Пламя и высокотемпературные отходы горения, поднимаясь вверх, нагревали камни стены и отводились наружу. Для этой цели между внешней стороной стены, обращенной к горе, и горой делали небольшой канал для отвода дыма, который на дневной поверхности был проложен горизонтально в сторону от жилища и выходил наружу.

В такой ситуации кажущийся нерациональным способ обогрева помещения с внешней стороны каменной стены не имеет значительных

Рис. 6. Полуразрушенная землянка древнего поселения в долине ручья Кайнарбулак. Фото авторов

Fig. 6. Dilapidated dugout of an Ancient settlement in the valley of the stream Kainarbulak. Authors's photo

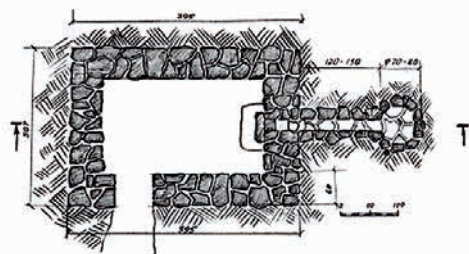

Рис. 7. План устройства каменных конструкций землянки древнего поселения в долине ручья Кайнарбулак. Исполнитель В.Г. Морев

Fig. 7. Plan of the device of dug's stone structures in Ancient settlement in the valley of the stream Kainarbulak. Realized Morev, V. G.

температурных потерь. Это объясняется тем, что высокотемпературный уровень пламени только $\frac{1}{4}$ частью (при условно квадратном дымоходе) будет соприкасаться с сухой почвой, составляющей гору, а $\frac{3}{4}$ будет нагревать камни, из которых сложена стена. Кроме того, теплопроводность стены, сложенной из камня, в 6–8 раз больше теплопроводности почвы, из которой состоит гора. При этом те-

плоемкость камня и почвы близки по своим значениям (880 Дж/(кг·град) и 850 Дж/(кг·град)). В этой ситуации отбор тепла внутрь землянки будет в 6–8 раз интенсивнее, чем его отвод от дымохода к горе посредством почвы. Эти физические свойства природных материалов, выявленные человеком эмпирическим путем, фактически отводили тепло пламени внутрь помещения землянки посредством камней. Отвод тепла внутрь землянки был в несколько раз более интенсивным, чем отвод тепла наружу. Эта система отопления аккумулировала теплоту за счет большой теплоемкости камней и продолжала отдавать ее долгое время после прогорания топлива, что позволяло тратить меньше топлива и сил.

Такая система отопления при любом типе сооружения крыши землянки (плоская, односкатная, двускатная) позволяла не делать отверстия в потолке помещения для отвода дыма от очага. Это существенно способствовало сохранению тепла в зимнее

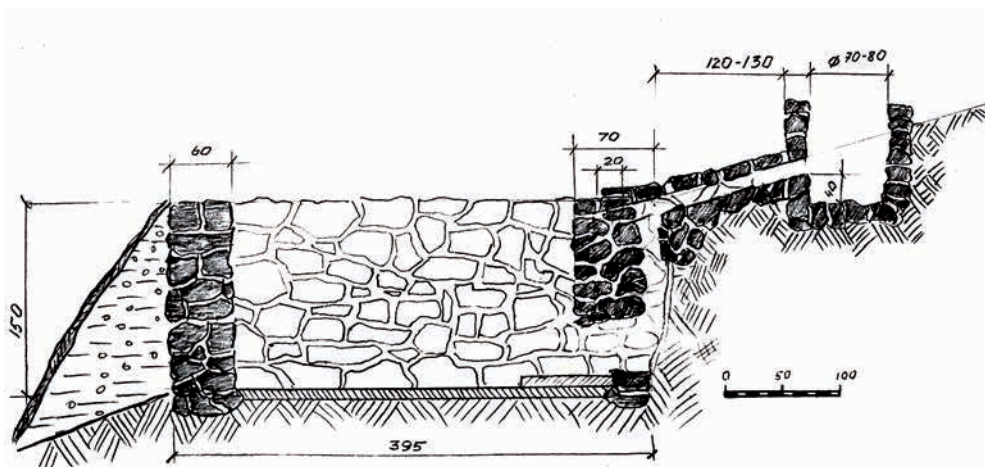

Рис. 8. Вертикальный разрез землянки древнего поселения в долине ручья Кайнарбулак. Исполнитель В.Г. Морев

Fig. 8. Vertical section of the dugout of the Ancient settlement in the valley of the stream Kainarbulak. Realized Morev, V. G.

время и исключало попадание атмосферных осадков внутрь жилища. Любопытно отметить то, как оканчивается дымоход землянки за пределами жилья. Дым по отводному каналу не просто выходил наружу. Он выходил в яму, стены которой были укреплены каменной кладкой, и по периметру на поверхности была выложена стена из камней и глины высотой не менее полуметра. Выход канала дымохода в яму возвышался над дном огороженной ямы.

В целом, такая не простая конструкция окончания дымоотвода функционально оправдана. В теплое время года она защищала внутреннее помещение землянки и ее обитателей от проникновения внутрь жилища различной природной живности через дымоход. Помимо того, с учетом наклона дымохода к землянке и общего уклона склона горы, в которой она находится, в любое время года природные осадки (дождь, град, снег) не будут попадать в жилище через дымоход, проложенный по поверхности. Это обеспечивалось тем, что выход дымохода находится над дном ямы, в которую попавшие осадки будут впитываться в стороне от жилища. Горизонтальный участок дымохода (боров) от землянки до выхода наружу был заложен камнями и, вероятно, пластами дерна. От возможных сильных потоков по склону горы отверстие дымохода в целом защищено стеной вокруг ямы.

В летнее время рассматриваемая конструкция отопления землянки без каких-либо дополнительных конструкций и переделок позволяла использовать наружный выход дымохода в качестве внешней печи. В яме, окруженной стеной, можно было разжечь костер и готовить пищу. При этом дымоход землянки вместе с

очагом внутри помещения будут исполнять роль поддувала, подающего кислород топливу во внешнюю печь (окончание дымохода) изнутри. Рассмотренная система отопления позволяла обитателям землянки по своему усмотрению использовать ее, совмещая очаг для приготовления пищи с обогревом жилища, либо только для приготовления пищи на открытом воздухе в теплое время года.

Любопытно отметить, что существование данной системы отопления потенциально позволяло использовать ее без каких-либо изменений конструкции в качестве коптильной установки. Присутствие коптильной конструкции на подворье не является изыском гурманов, ее наличие обусловлено технологией производства предметов быта в натуральном хозяйстве древних скотоводов. Вопрос в том, что для изготовления элементарных предметов домашней утвари скотоводы использовали шкуры и внутренние органы животных, обработанные дымом. Например, западные тувинцы изготавливали из выделанной кожи домашних и диких животных большие выючные парные сумы (барба), а также сосуды для хранения и перевозки жидкостей, кожаные орнаментированные фляги для кумыса, сосуды для кисломолочных продуктов, бурдюки. «Из овечьих и козьих желудков, мочевых пузырей и кишок изготавливали сосуды для хранения главным образом масла. Их извлекали сразу же после забоя животного, тщательно мыли теплой водой, а желудок дополнительно выворачивали, надували и коптили» [Вайнштейн, 1991, с. 100]. Под действием дыма органический исходный материал не только менял цвет и запах, но и подвергался дезинфекции, а содержащиеся в нем инсектициды

уничтожали возможных паразитов и их личинки.

Однако, наиболее вероятно, что изначально человек применил технологию копчения шкур животных в связи с тем, что под воздействием дыма шкура становилась мягкой. Проблема в том, что шкуры животных после снятия мездры нуждаются в дополнительной обработке. Необработанные шкуры после просушки «дубеют», становятся твердыми и не пригодными для сгибания. При отсутствии соответствующих необходимых химикатов, для придания шкуре мягкости и гибкости многие скотоводческие народы перед ее разминанием держали над дымом.

С.И. Вайнштейн пишет: «На склоне горы выкапывали две ямки, причем одну ниже другой. Их соединяли канавкой, которую сверху прикрывали камнями, дерном. В нижней ямке разводили костер из гнилушек, лиственницы, а в верхней ставили треножник из жердей, к которому привязывали кожу для дымления, прикрыв ее войлоком. Так кожу дымили неделю, после чего ее мочили и сшивали из нее *когэржик*» [Вайнштейн, 1991, с. 114]. Легко увидеть, что способ дымления кож тувинцами по описанной схеме конструкции коптильни полностью совпадает со схемой дымоотвода, рассматриваемой в нашем случае землянки (рис. 8). Помимо описанных способов изготовления предметов домашней утвари, дымлению подвергались и пищевые продукты – мясо для улучшения вкусовых качеств и увеличения срока его сохранности. Для длительного хранения мясо не только вялили в ночное время, но и при возможности коптили его.

В древности люди нуждались в качественной и теплой одежде, кото-

рую также изготавливали в основном из шкур животных, что невозможно без соответствующей их обработки и в первую очередь это технологии дымления шкур. Спектр применения коптильной конструкции на подворье натурального хозяйства весьма широк. Были ли использованы в таком качестве возможности рассмотренной системы отопления, ответить сложно, но она позволяла использовать ее в подобном функциональном расширении, и у ее устроителей были соответствующие потребности.

Рассмотренная система отопления землянки и дымоотвода, оставленная без надзора ее устроителей и пользователей, подверглась разрушению под действием природных явлений. Основной разрушающей силой природы в рассматриваемой конструкции проявилась, предполагается, вода различных причин происхождения. Водой в сочетании с морозами была разрушена стена, огораживающая окончание дымохода. Ее составляющие «подняли» дно ямы дымохода до уровня выхода в нее боровика (горизонтальный участок дымохода), что создало условия, при которых дождевая вода, талый снег и т.п. беспрепятственно (с учетом уклона горы) проникала в «камин» внутренней полости стены и собственно к очагу в землянке. Вода несла с собой частицы размытой почвы, которые под действием морозов в зимнее время (будучи влажными) расширялись и «выдавливали» более мелкие камни внутренней стороны стены внутрь землянки. В теплое время года в процессе разрушения проявлялось активное действие корней дикорастущих растений. За длительное время по совокупности разрушительных природных воздействий общая картина вполне закономерно приве-

ла к подобным разрушениям именно центральной части стены (рис. 6).

Таким образом, в домостроительстве древних скотоводов горной зоны Илейского Алатау существовала традиция сооружения малогабаритных землянок с системой внешнего обогрева каменных стен. Данные помещения могли использоваться как для проживания, так и в хозяйственных целях, например, в качестве копильни. Хронологические параметры возникновения подобной традиции по материалам исследованного жилища выявить затруднительно. Однако в высокогорной зоне Илейского Алатау в урочище Кызылбулак верховьев ущелья Турген специалистами раскопано жилое помещение площадью

около 30 кв.м, внутри которого также отсутствовал очаг. А с восточной стороны вдоль стенок сложено каменное сооружение, обогреваемое внешним очагом тандырного типа* [*Авторы выражают благодарность А.А. Горячеву за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами]. Комплекс находок, полученный в ходе изучения данного жилища, позволяет датировать его рубежом нашей эры. Материалы, фиксируемые на поселении в долине ручья Кайнарбулак, вероятно, относятся к этому же времени, так как оно структурно является составной частью комплекса древних стоянок скотоводов раннего железного века, исследованных нами ранее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: «Фан» УзССР, 1991. 200 с.
2. *Бернштам А.Н.* Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карага-линке // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 23-31.
3. *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА СССР. 1952. № 26. 346 с.
4. *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
5. *Валиханов Ч.Ч.* Тенкри (бог) // Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата: Главная ред. Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 1. С. 208-215.
6. *Горячев А.А., Мотов Ю.А.* Археологический комплекс Бутакты-I. Алматы: ТОО «KazBookTrade», 2018. 264с.
7. *Горячев А.А., Потапов С.А.* К вопросу о реконструкции жилища эпохи бронзы поселения Талапты-I // Казахское ханство в потоке истории: сб. матер. междунар. научн. конф., посвящ. 550-летию Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 342-351.
8. *Горячев А.А., Сараев В.В.* К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6 (304). С. 5-18.
9. *Горячев А.А., Чернов М.А.* Орудия кожевенного ремесла и ткачества из археологического комплекса Турген-II // История и археология Семиречья. Алматы: ОФ «Родничок», 2007. Вып. 3. С. 106-119.
10. *Горячев А.А., Чернов М.А.* Металлический инвентарь из погребальных комплексов эпохи бронзы Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017. № 1 (311). С. 5-24.

11. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья во II тыс. до н.э. М.: Наука, 1977. ТХАЭЭ. Т. 10. 240 с.
12. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М.: Наука, 1966. 139 с.
13. Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Гл. ред. восточн. лит. изд-ва «Наука», 1986. С. 152-182.
14. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 464 с.
15. Марьяшев А.Н, Горячев А.А. Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургенъ и на плато Асы // История и археология Семиречья. Алматы: ОФ «Родничок», 2001. Вып. 2. С. 112-123.
16. Сараев В.В. Перспектива выявления фактов развитого оросительного земледелия в предгорьях Семиречья // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: научн. чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. междунар. научн. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 82-88.
17. Сараев В.В. Каргалинский древний историко-географический микрорайон // История и археология Семиречья. Алматы, 2017. Вып. 5. С. 68-90.
18. Сараев В.В., Горячев А.А. Шамсунский клад эпохи поздней бронзы у северных склонов Заилийского Алатау // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2011. № 3. С. 37-47.
19. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматинская область. Алматы: Агентство «Маматай», 2009. 106 с.

Сведения об авторах:

Сараев Владимир Васильевич – специалист естественных наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); saraev.53@mail.ru

Кожегулова Фатима Тасымовна – краевед (пос. Каргалы, Жамбылский р-н, Алматинская обл.).

ІЛЕ АЛАТАУЫНЫҢ ТАУЛЫ АЙМАҚТАРЫНДАҒЫ ЖӘНЕ ТАУ АҢҒАРЛАРЫНДАҒЫ ЕЖЕЛГІ ЖЕРТӨЛЕЛЕРДІ ЖЫЛЫТУ ЖОЛДАРЫ

В.В. Сараев, Ф.Т. Кожегулова

Мақала Іле Алатауының ежелгі тұрғындарының шаруашылық-тұрмыстық дәстүріндегі жертөле-тұрғынжайды жылыту тәсілдері мен осындай тұрғынжайлардың функционалды бағытының мүмкіндіктерін қалпына келтіруге арналған. 2018 жылы авторлар аталған шағынаудан тұрғындарының шаруашылық құрылымын қайта қалпына келтіруге мүмкіндік беретін Ұзын Қарғалы шатқалының сағасындағы ежелгі қоныста зерттеу жүргізді. Қайнарбұлақ жылғасының жазығында құрылымында үйді жылытатын ошағы жоқ жертөле тазаланды. Аймақтың таулы аумағындағы ежелгі малшылардың үй құрылысында тас қабырғаларды сырт жағынан жылыту жүйесі бар кішірек жертөлелер салу дәстүрі болды. Түгіндігі бар қабырғадағы ошақ (тез жылыды, отын аз кетеді) кішкентай бөлменің тұрғындары үшін пайдалы ауданын үлкейтеді. Мұндай бөлмелер тұру үшін де, шаруашылықта от жағатын орын ретінде де пайдаланылуы мүмкін. Осындай дәстүрдің пайда болуының хронологиялық шеңберін Қайнарбұлақ жылғасының жазығындағы ежелгі малшылардың тұрағы кешенінің материалдары бойынша ерте темір дәуірінің үйсін кезеңіне жатқызуға болады.

Түйін сөздер: археология, Іле Алатауы, Ұзын Қарғалы шатқалы, таулы аймақ, қоныс, тұрақ, шаруашылық, тұрмыс, мал шаруашылығы, петроглифтер, жертөле, ошақ, түгіндік, ерте темір дәуірі

TECHNIQUE OF HEATING OF ANCIENT DUGOUTS IN THE FOOTHILLS AND MOUNTAIN ZONE OF THE ILE ALATAU

V.V. Saraev, F.T. Kojegulova

This work is devoted to the reconstruction of the method of heating the dwelling-dugout and possible options for the functional purpose of such premises in the economic and household traditions of the ancient population of the Ile Alatau. In 2018, the authors were researchers of Ancient settlements at the mouth of the Uzyn-Kargaly gorge. Reconstructions the economic structure of the population of this district have done. Dugout was cleared in the valley of the stream Kainarbulak. There wasn't hearth for heating in the design of the room. In the house-building of Ancient pastoralists of the mountain zone of the region there was a tradition of construction of small earthlings with external heating of stone walls. The wall hearth with a chimney allowed people to save the positive factors (fast heating, low fuel consumption) of the room of small volume and increases the useful area in favor of the inhabitants. These premises could be used both for living and for economic purposes, for example, as a smokehouse. The chronological parameters of the occurrence of such traditions according to the materials of the complex of Ancient sites of pastoralists in the valley of the brook Kainarbulak allow to attribute it to the Wusun period of the Early Iron Age.

Keywords: archaeology, Ile Alatau, Uzyn-Kargaly gorge, mountain zone, settlement, standing, economy, life, cattle breeding, petroglyphs, dugout, hearth, chimney, the Early Iron Age

REFERENCES

1. Avanesova, N. A. 1991. *Kul'tura pastusheskih plemen ehphoi bronzy aziatskoi chaste SSSR (po metallicheskim izdeliyam) (Culture of pastoral tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR (metal products))*. Tashkent: «Fan» Publ. (in Russian).
2. Bernshtam, A. N. 1940. In *Kratkie soobheniya Instituta Istorii materialnoy kul'tury (Short messages of Institute of material history)*. Moscow, 23-31 (in Russian).
3. Bernshtam A. N. 1952. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and researches of USSR archaeology)*, 26. Moscow-Leningrad (in Russian).
4. Vajnshtejn, S. I. 1991. *Mir kochevnikov Central Azii (Nomads's world of central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Valihanov Ch.Ch. 1984. In *Sobranie sochinenii v 5 tomah (Collected works in 5 volumes)*, 1. Alma-Ata: "Kazakh Soviet Encyclopedia" Publ., 208-215 (in Russian).
6. Goryachev A.A., Motov Yu.A. 2018. *Arheologicheskiy kompleks Butakty-I. (The Archeological Complex of Butakty-I)*. Almaty: TOO «KazBookTrade». (in Russian).
7. Goryachev, A. A., Potapov, S. A., 2015. In Baitanayev B.A. (ed.) *Kazahskoe hanstvo v potoke istorii (Kazakh khanate in the flow of history)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 342-351 (in Russian, Kazakh, English).
8. Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2015. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk (Izvestiya National Academy of Science of Republic of Kazakhstan)*, 6 (304), 5-18 (in Russian).
9. Goryachev, A. A., Chernov, M. A. 2007. In *Istoriya i arheologiya Semirech'ya (History and archeology of Semirechye)*. Almaty: Fund "Rodnichok" Publ, 106-119 (in Russian).
10. Goryachev, A. A., Chernov, M. A. 2017. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk (Izvestiya National Academy of Science of Republic of Kazakhstan)*, 1 (311), 5-24 (in Russian).
11. Itina, M. A. 1977. In *Trudy Horezmskoi arheologo-ethnograficheskoi ekspeditsii (The works of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

12. Kuzmina, E. E. 1966. *Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka Srednei Azii (Metal tools of Eneolithic period and the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Kuzmina, E. E. 1986. In *Vostochnyi Turkestan I Srednyaya Aziya v sisteme kul'tur drevnego i srednevekovogo Vostoka (Eastern Turkestan and Middle East in cultural system of Ancient and Medieval East)*. Moscow: "Nauka" Publ., 152-182 (in Russian).
14. Kuzmina, E. E. *Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirancev (Where did Indo-Aryans come from? The material culture of the tribes Andronovo community and the origin of the Indo-Iranians)*. Moscow (in Russian).
15. Maryashev, A. N, Goryachev, A. A. 2001. In *Istoriya i arheologiya Semirech'ya, (History and archaeology of Semirechie)*, 2. Almaty: Fund «Rodnichok», 112-123 (in Russian).
16. Saraev, V. V. 2010. In *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo naslediya Kazakhstana (The role of nomads in the formation of cultural heritage of Kazakhstan)*. Almaty 82-88 (in Russian).
17. Saraev, V. V. 2017. In *Istoriya i arheologiya Semirech'ya (History and archaeology of Semirechie)*, 5. Almaty: Fund «Rodnichok» Publ., 68-90 (in Russian).
18. Saraev, V. V., Goryachev, A. A. 2011. In *Izvestiya NAN RK. Series of social Sciences (News of National Academy of Sciences of Republic of Kazakhstan)*, 3, 37-47 (in Russian).
19. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazakhstan. Almatinskaya oblast' (Compendium of monuments of history and culture of Republic of Kazakhstan)*. 2009. Almaty: «Mamatay» agency Publ. (in Russian).

About the Authors:

Saraev Vladimir V. Specialist, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Kazakhstan; saraev.53@mail.ru

Kozhegulova Fatima T. Local historian, Kargaly settlement, Jambyl district, Almaty region; fatima.kozhegulova@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 13.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 29.10.2018.

ШУ-ТАЛАС ӨңІРЛЕРІНДЕГІ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ТӨРТКҮЛДЕРДІҢ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ

© 2019 ж. Е.Ш. Ақымбек, М.С. Шагирбаев

Мақала Қазақстанның оңтүстік-шығыс бөлігінде орналасқан ортағасырлық төрткүлдердің зерттелу тарихына арналады. Аталған аймақ бойынша ХІХ ғ. бастап бүгінгі күнге дейінгі төрткүл типтес ескерткіштер туралы зерттеушілердің келтірген мәліметтері толық беріледі. Әрбір зерттеушінің төрткүлдердің көлемі, топографиясы, жазба деректердегі ескерткіштермен баламалануы, атқарған қызметі және т.б. жайлы жазған мәліметтері жеке талданады. Ф.Д. Городецкий, Б.Н. Дублицкий секілді зерттеушілердің архив қорында сақталған қолжазбаларындағы төрткүл тәріздес ескерткіштерді сипаттауының кейбір ерекшеліктері жеке талқыланады. Д.Ф. Винник, П.П. Иванов, А.Н. Бернштам және т.б. зерттеушілердің төрткүл типтес ескерткіштерді топтауда негізге алған ерекшеліктердің маңыздылығы қарастырылады. К.М. Байпаков, М.Е. Елеуов, Р. Сала., Ж.-М. Деом секілді ғалымдардың төрткүлдерге жүргізген зерттеулерінің ерекшеліктері сараланып, жалпы төрткүл типтес ескерткіштерді жеке қарастырудағы ұстанған мақсаттары анықталады. Төрткүл типтес ескерткіштерді зерттеген ғалымдардың «төрткүл» атауы мен олар туралы тұжырымдары жайында қызықты деректері мен ғылыми қорытындылары айтылып өтеді.

Түйін сөздер: археология, Шу-Талас өңірі, Іле, Ыстықкөл, ескерткіш, ортағасырлық қалалар, ұзын қорғанды қалалар, төрткүл, керуен сарай, бекініс, қамал, бекет, қоныс, мәдени қабат, фортификация, ор

Тарихымыздың ежелгі және орта ғасырлардағы материалдық мәдениетіне қатысты заттай деректерді негізінен тікелей археологиялық ескерткіштерден алатынымыз белгілі. Оларды кейде кездейсоқ табылып жатқан бұйымдар мен көмбелер толықтырып жатады. Жалпы археологиялық ескерткіштердің түрлері өте көп. А.И. Мартынов пен Я.А. Шер археологиялық ескерткіштердің жалпыға ортақ негізгі екі түрін көрсетеді: қоныс және жерлеу орындары. Сонымен қатар ескерткіштердің басым бөлігі осы екі түрмен шектелмейтінін атап өтеді. Олар ескерткіштердің келесі бір түріне өндірістік құрылыстар мен рухани өмір

ескерткіштерін жатқызады. Бірақ олар қоныс шегінде болуы да мүмкін екендігін айтып кетеді [Мартынов, Шер, 2002, с. 5–6]. Ескерткіштерді осылай бөлуді қазақстандық археолог А.Қ. Авизова да қолдайды [Авизова, 2014, б. 13]. Д.А. Авдусин негізгі археологиялық ескерткіштерді ежелгі қоныстар мен жерлеу орындары деп екіге бөледі. Қоныстардың өзін үш түрге топтастырады: 1) тұрақ; 2) қала, яғни бекіністі қоныстар; 3) бекініссіз қоныстар, оларды қыстау (селище) деп атайды [Авдусин, 1980, с. 23].

Қоныстық ескерткіштерге жоғарыда айтып өткендей ежелгі дәуір мен орта ғасырларда адамдар тіршілік еткен бірқатар негізгі қоныстарды (мекендерді) жатқызуға

болады: үңгір, тұрақ, қоныс, қала және т.б. Бұлардың өзі бекіністі және бекініссіз болып бөлінеді. Орта ғасырлардағы қоныстық ескерткіштердің (бұл жерде тек адам тікелей күнделікті тіршілік еткен баспаналары ғана айтылып тұр) де бірнеше түрі бар: қоныс немесе елдімекен (мекенжұрт), қала (қалашық, қалажұрт), үй-жай, керуен-сарай және т.б. Бұлардың кейбірінің қандай қызмет атқарғандығын толық ажырату да қиындық туғызып жатады. Сондай ескерткіштердің бірі, тек түркі тілдес халықтардың тілінде ғана аталатын – төрткүлдер. Қоныстық ескерткіштердің бұл түрі қандай қызмет атқарғандығы толық шешімін таппаған. Жалпы төрткүлдерге жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижелерінде зерттеушілер әртүрлі пікірлер келтіреді.

Ортағасырлық төрткүлдерді ғылыми тұрғыдан зерттеу мәселесі ХІХ ғ. басталады. Алғашқы зерттеу кезеңінде ескерткіштердің орналасқан жері, топографиялық ерекшелігі, сақталу жағдайы, жергілікті халықтың берген атауы, кей жағдайда араб-парсы деректерімен сәйкестендірілуі сөз болып, жарияланған [Бартольд, 1966, с. 31].

Н.А. Абрамов өзінің «Алматы или укрепление Верное с его окрестностями» атты мақаласында Верный қаласының сол кездегі саяси-экономикалық жағдайын сипаттай келе, Талғар қаласы туралы аз кем мәлімет келтірген. Атап айтқанда, Талғар қаласының орналасқан жері және жергілікті халықтың бұл қаланы Тоқтамыс хан кезеңіне жатқызатындығы сөз болады [Абрамов, 1867, с. 255–258].

В.В. Бартольд 1893–1894 жж. Орталық Азияға ғылыми сапармен келген есебінде Шу, Талас, Ыстық

көл және Іле өзенінің бойындағы ескерткіштер қарастырылып, дерек-намалық тұрғыдан сәйкестендіру мәселелеріне тоқталған. В.В. Бартольд Талас өңіріне қатысты зерттеулерінде келесі мәліметтерді келтіреді: «... О происхождении ... турткулей у местных жителей существуют различные предания, но большей частью основание их приписывается калмыкам – единственному народу, о котором киргизы еще помнят. В тех местах, где более проявляется влияние оседлой культуры, предание, кроме калмыков, указывает также на эмира Тимура...» [Бартольд, 1966, с. 31].

Ш.Ш. Уәлиханов өзінің «О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще» атты мақаласында Ұлы жүздің территориясында (негізінен Жетісу) жекелеген шаршыпішінді, жан-жағынан топырақ қорғанмен және ормен қоршалған бекінісі бар ескерткіштердің көптеп кездесетінін атап өткен [Валиханов, 1984, с. 190–197]. Оның «Дневник поездки на Иссык-Куль» атты жазбасында Жетісу жеріндегі бірнеше ортағасырлық ескерткіштерді көріп, біршама деректер қалдырған. Талғар өзенінің жоғарғы жағынан жергілікті халық «Рүстем қорғаны» («Рустемовский курган») деп атап кеткен бекіністі көргенін айтады [Валиханов, 1984, с. 349]. К.М. Байпақов Ш. Уәлихановтың «қорған» деп отырғанын бекініс деп түсіндіріп, бұл атаудың Талғар қаласының атауларының бірі екендігін айтып өткен [Байпақов и др., 2005, с. 17]. Ш. Уәлиханов аталған бекіністің өте мықты екендігін және екі қақпа ізінің сақталғанын, сонымен қатар, айнала тереңдігі 6 сажын (12 м) болатын ормен қоршалғанын және қорғанның жер деңгейінен 8 сажын (17 м) бо-

латын биіктікте орналасқанын айтады. Сонымен қатар Ш. Уәлиханов ең алғаш Шеңгелді қаласы мен ондағы қыш құбырлар туралы мәлімет қалдырған және өзімен бірге бір дана қыш құбырды ала кеткенін жазады [Валиханов, 1984, с. 350]. Шеңгелді қаласы өзімен аттас елді мекеннің оңтүстігінде, Қосқұдық өзенінің оң жағалауында орналасқан. Пішіні шаршы тәріздес, өлшемдері 75×75 м. К.М. Байпақов ескерткішті зерттеп, XI–XII ғасырлармен мерзімдеген [Байпаков и др., 2005, с. 30].

1910 жылы Түркістан өлкесінің генерал адъютанты К.П. фон Кауфманның қайтыс болғанына 25 жыл толуына байланысты шыққан жинақта Н.Н. Пантусовтың «Город Алмалык и Мазар Туглук Тимур хана» деген мақаласы жарық көреді. Аталған мақалада төрткүлдер туралы мынадай маңызды мәлімет берген: «По рассказам мазарских шейхов Туглук-Тимур-хан жил на местности Байнаман, которая находится на запад от Кера или Кегеня, места, на котором бывает постоянно международный съезд с китайцами; жил он там с семьей. ...На площадках пригорков мы нашли ясные следы жилья — три четырёхугольника (торт-куль — по-киргизски или дорбульджин — по-калмыцки), обнесённые стенами или валом; каждый четырёхугольник в полверсты длиной и шириной; прекрасно заметны места входа внутрь четырёхугольника — ворота. ... Следов строений внутри четырёхугольников мы не заметили; вероятно, за стеною стояли юрты» [Пантусов, 1910, с. 171–172].

В.А. Каллаурдың 1897 жылы 5 мамырда Түркістан әуесқой археологтар үйірмесінің хаттамасында жарияланған «Древние местности Аулиеатинского уезда на старом кара-

ванном пути из Тараза (Таласа) в восточной Туркестан» атты мақаласында төрткүл сөзі бірнеше рет аталып, ол туралы мынадай мәлімет береді: «Ознакомившись с книгой Н.Ф. Петровского «Древние арабские дорожки по средне-азиатским местностям», я задался мыслью заняться разысканием и исследованием древних местностей в Аулиеатинском уезде, упомянутых в «дорожниках». С той целью, при своих поездках по уезду я обращал внимание на встречающиеся развалины городищ и так называемых “турт-куль”» [Каллаур, 2011, с. 78].

Түркістан әуесқой археологтар үйірмесінің мүшесі В.П. Лаврентьевтің аталған үйірменің хаттамасында 1899 жылы 5 қазанда жарияланған «Краткий перечень бугров (курганов) находящихся в черте г. Аулие-ата» атты мақаласында аталған аймақта орналасқан 48 төбені анықтап, жалпы сипаттамасын берген [Лаврентьев, 2011, с. 223–227]. Оның ішінде тоғыз төбенің пішіндері төртбұрышты немесе шаршы тәріздес екендігін анықтап, оларды төрткүл (Турт-куль) деп атаған.

В. Лаврентьев пішіндері жарты ай тәріздес және дөңгелек келген төбелерді де сипаттап (жалпы саны 48 төбе), бұлардың қала территориясына кіріп орналасқанын және қолдан жасалған құрылыс жүйесі екендігін атап айтады. Бірақ жергілікті халық бұл ескерткіштердің тарихынан бейхабар екендігін де ескерткен. В.А. Каллаур бұл мәліметтерге талдау жүргізе келе, жоғарыда аталған ескерткіштердің ішінде №№ 19, 40 төбелердің пішіні шаршы және №№ 1, 3, 12, 33, 34, 35 және 36 ескерткіштердің пішіні төртбұрышты екендігіне назар аударған. Бірақ В. Лаврентьевтің мақаласында № 25 ескерткіштің пішіні төртбұрышты

және атауы Төрткүл деп берілгеніне қарамастан, В. Каллаур бұл ескерткіш туралы ештеңе айтпаған.

Түркістан әуесқой археологтар үйірмесінің мүшесі Ә.А. Диваевтың аталған үйірменің хаттамасында жариялаған «Киргизская легенда о постройке Акыр-Таша» атты мақаласында Түймекент деп аталатын *төрткүлде* бұрын белгілі жауынгер, қалмақ Көкшехан өмір сүрген деген дерек келтіреді [Диваев, 2011, с. 355–356].

Л.С. Бергтің Орта Азияға қатысты «Предварительный отчет об исследовании озера Балхаш летом 1903 г.» мақаласында Бақанас өзенінің ескі арнасының бойында орналасқан ескі құрылыс орындары мен бекіністерді көріп, үстінен сырлы кірпіштер мен керамикалық ыдыстар тапқанын жазады [Берг, 1960, с. 65–76].

Ф.Д. Городецкий өзінің «Древности Семиреченской (Джетысуйской) области» атты 1924 ж. жазылған қолжазбасында Жетісу өңіріндегі оба, ор, мазар, қала (бекініс) және қоныс, кездейсоқ табылған бұйымдар, жартас суреттері және т.б. ескерткіштерге зерттеу жұмыстарын жүргізіп, өзіндік тұрғыдан ғылыми сипаттама береді [Городецкий, 1924, с. 175] (Қосымша 1.1). Ф.Д. Городецкий «төрткүл» атауын ескерткіштің ерекше фортификациялық жағдайында ғана қолданған тәрізді. Басқа кезде төрткүл атауын тек жергілікті халықтың берген атауына сүйеніп айтқан.

Қ. Ходжиков Жетісу өңіріндегі обаларды зерттеу экспедицияларына қатысып, Орхон жазулары, Қозы Көрпеш-Баян сұлу мазары және Ақтас ескерткіші туралы зерттеулер жүргізген. Оның 1935 ж. шыққан «Древнейшие памятники Семиречья» атты мақаласында Жетісу жеріндегі

ортағасырлық ескерткіштерге біршама тоқталып өткен. Қ. Ходжиков XX ғ. басында Н.Н. Пантусов ашқан ескерткішті Моғолстан астанасы Алмалық қаласымен, М. Тынышпаевтың Талдықорған қаласынан 19 шақырым жерде, Көксу өзенінің сол жағалауындағы қалажұртты Қойлық қаласымен баламалағанын айтып өткен. Сонымен қатар, Бүйен өзені, Қапал уезі, Баласаз шатқалы, Басқан селосы, Антоновка селосы, Лепсі өзені, Талға шатқалы маңайындағы ортағасырлық қалалар туралы жалпы сипаттама жасайды. Шеңгелді өзені маңындағы ортағасырлық ескерткіштің сыртында қорғаныс қабырғасы мен ор бар екендігі және қабырғаның ені 3 сажын (6,5 м), биіктігі 1 сажын (2,1 м) болатынын және бекіністен алыс емес жердегі бұлақтан су құбырлары қалаға баратынын жазады [Ходжиков, 1935, с. 48–49]. Бұл құбырлар туралы Ш. Уәлиханов та өзінің сапары барысында жазғанын білеміз [Валиханов, 1984, с. 350].

Г.И. Пацевич Үлкен Шу каналының (Большой Чуйский канал немесе БЧК – *авт.*) құрылысына байланысты, аталған канал өтетін Шудың орта ағысы, Жамбыл облысы, Мерке ауданы аймағына археологиялық ескерткіштерге зерттеу жүргізген [Пацевич, 1941, 72 с.]. Экспедицияның негізгі маршруты Мерке – Ново-воскресенка – Шалдуар (Шалдовар) – Кеңес колхозы – Степное – Калинин колхозы – Қырық үй – Шудың сол жағалауы – Шу-Новотроицк ст. – Мойынқұм – Фурмановка – Бірлік және кері қарай Шудың оң жағалауымен Еңбекші колхозына дейін – осы жерден Шудың оң жағалауына өтіп ескі жолмен Жамбылға дейін. Бірінші маршрут Мерке – Благовещенск – Қырғыз

КСР шекарасына дейін, екінші маршрут Шудың орта ағысындағы археологиялық ескерткіштерге, нақты Благовещенск – Мойынқұм аралығы. Сонымен қатар, Аспара мен Ақсу өзендерінің төменгі ағыстары зерттелді [Пацевич, 1941, с. 1–9].

Г.И. Пацевич бұл бағыттардағы барлау экспедициясын арнайы жұмысшылар және бұрынғы Абай атындағы Қазақ Педагогикалық Институтының студенттерімен бірге жүргізуді жоспарлағынымен, өкінішке орай Ұлы Отан соғысының басталып кетуіне байланысты, барлық жұмысты Жамбылдағы Археологиялық пункттің жалғыз ғылыми қызметкері – яғни өзі жүргізуіне тура келген [Пацевич, 1941, с. 2.]. Г.И. Пацевич өзі жүріп өткен маршруттар негізінде жазған «Археологические памятники района среднего течения реки Чу» атты ғылыми есебінің қолжазбасын талдау барысында жалпы саны – 40 ескерткішті анықтағаны белгілі болды. Жекелей талдайтын болсақ: 1) обалар тобы – 9; 2) жеке оба – 5; 3) мұсылман мазары – 3; 4) төбе – 16; 5) қала – 4; 6) төрткүл – 1; 7) Қоқан бекінісі – 1; 8) Ақыртас (жеке қарастырған). Г.И. Пацевичтің қолжазба есебінде көрсетілген қалалар Ақтөбе, Аспара, Жаңа жол?, Чапаев (Тасөткел аймағы). Жеке қарастырған төрткүл бұл – қазіргі ортағасырлық Ақтөбе қаласының цитаделінен шығыста 500 м жерде орналасқан төрткүл. Зерттеуші аталған төрткүлдің орналасқан жерін шахристаннан бөлек, рабата аймағына кіретін, оңтүстік қабырғадан солтүстікте 1,5 шақырым жерде, Ақсу өзенінің оң жағалауында орналасқан деп көрсетіп, сол кездегі сақталу жағдайы, негізгі өлшемдеріне тоқталады және жергілікті халық арасында Ақсу төрткүлі деп аталатынын атап өткен [Пацевич,

1941, с. 40]. Бірақ төрткүлдің қандай қызмет атқарғанына, хронологиясына, бетіндегі материалдардың аздығына байланысты терең тоқталмаған. Г.И. Пацевич қала аумағында тағы бір төрт бұрышты бекіністі атаған. Бірақ орналасқан жерін толық көрсетпеуіне байланысты, нақты қай төрткүл екендігін анықтау мүмкін емес.

Б.Н. Дублицкий өзінің «Дневники Джамбулской археологической экспедиции» атты қолжазбасында жалпы саны 13 ортағасырлық ескерткішке қысқаша сипаттама жасаған [Дублицкий, 1939, с. 1–58]. Б.Н. Дублицкийдің 1928–1938 жж. аралығында жинақталған мәліметтер негізінде жазған «Хроника археологических разведок и находок на территории Казахской ССР 1928–1938 гг.» атты қолжазбасында Жамбыл облысы, оның ішінде Талас және Шу өзендерін жеке қарастырып, ондағы ескерткіштерге біршама ғылыми талдау жасаған [Дублицкий, 1939, с. 1–24] (Қосымша 1.2).

А.Н. Бернштам Талас аймағындағы ескерткіштерді тоғыз топқа топтаған: 1) қалалар, 2) ауылдық қоныстар, 3) қамалдар, 4) бекіністер, 5) керуен сарайлар, 6) қорғаныс құрылыстары, 7) жеке соғылған мазарлар, 8) обалар, 9) тұрақтар. Тараз қаласын сәйкестендіру мәселесінде, бірнеше ортағасырлық ескерткіштерге ғылыми сипаттама беріп, ол ескерткіштерді жергілікті халық «төрткүл» («турткуль») деп атайтынына тоқталған [Бернштам, 1941, с. 38]. Ол Талас алқабының батысында, Молотов колхозының аймағында бір-біріне жақын тұрған екі қоныс орнын анықтап, оларды жергілікті халықтың төрткүл атайтынын, әрі картада бұл нысандар Көктөбе (Кок түбе) деп аталатынын және ескерткіштердің пішіні

төртбұрышты немесе төртбұрышқа жакын екендігін айтады [Бернштам, 1941, с. 37–38] (Қосымша 1.3).

А.Н. Бернштам Талас аймағында төрткүлдердің бірнеше типі кездесетінін айтып, негізгі белгілеріне тоқталған: «Защитой города и скорей всего оазиса являются крепости с гарнизонами, поставляемыми населенными местностями. ... Это четырехугольное в плане строение, ориентированное по странам света с длинной стороной до 300–350 м. Стены укреплены башнями, въезд в ворота также сильно укреплен башнями, фланкирующими подходы к ним. Резко бросаются в глаза фортификационная продуманность плана, топография развалин и укрепления стен. Культурный слой в таких развалинах невелик, однообразен ...» [Бернштам, 1941, с. 39].

А.Н. Бернштамның 1950 ж. шыққан «Чуйская долина (Труды Семиреченской археологической экспедиции)» атты еңбегінде Ақбешім, Кіші Ақбешім, Қызылөзен және Бурана қалалары туралы мәліметтер береді. Ғалым өз зерттеулерінде төрткүл мәселесіне арнайы тоқталмағанымен, жалпы төрткүл атауын жиі қолданғанын көреміз. Сонымен қатар, Х ғ. аяғында Қарахандықтар династиясының құрылуымен Шу өңіріндегі қала құрылымында өзгерістер орын алғанын айтады. Оның ішінде Шу өңірімен қатар, Іле және Тянь-Шаньда қарахандық типтегі қалалармен қатар төртбұрышты пішіндегі қалалардың дамығандығын, әрі мұндай типтегі қалалардың қабырғалары емес, бұрыштары дүниенің төрт бұрышына қарайтыны және цитадельсіз болып келетініне назар аударады [Бернштам 1950, с. 10–14; 147].

Ә.Х. Марғұлан Шу-Талас өңіріндегі ортағасырлық қалалардың

пайда болуы мен қалыптасуы және зерттелу мәселесіне қатысты өз пікірін білдіріп өткен [Марғұлан, 1948, с. 4–9]. Ғалым өзінің «Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана» атты мақаласында Шу-Талас өңіріндегі ортағасырлық ескерткіштердің қалыптасу кезеңдерін сипаттай келе, Шудың төменгі ағысы, Бетпақдаламен шекаралас өңірлердегі ортағасырлық қалалардың Орталық Қазақстандағы керуен жолдарымен тікелей байланысы бар екендігіне назар аударған. Сонымен қатар, ортағасырлық Тараз, Аққұм, Түймекент, Ақыртас кешені, Шудың төменгі ағысындағы Саудакент төрткүлдерін зерттеу мәселесіне ерекше назар аударған [Марғұлан, 1948, с. 6–8].

П.Н. Кожемяко «Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины» атты еңбегінде 18 ұзын қорғанды қала мен 41 қоныс пен бекіністердің тарихи-топографиялық сипаттамасын жасаған [Кожемяко, 1959]. П.Н. Кожемяко қоныстар мен бекіністерді ұзын қорғанды қалалардың маңына және үлкен тау аңғарларынан шығар аузының маңына топтастырады. Ғалымның еңбегіндегі 41 қоныс пен бекіністердің топографиялық сипаттамасын ескере отырып, ұзын қорғанды қалалардың маңында орналасқан 27 қоныс пен бекіністің ішінде 19-ы төрткүл типіне жататын болса, қалған сегізінші пішіндері дөңгелек, сопақ болып келген. Тау аңғарында деп топтастырылған 14 қоныстар мен бекіністердің топографиялық сипаттамасына қарап, барлығы дерлік төрткүлдер екендігі анықталды [Кожемяко, 1959, с. 131–167]. Жалпы алғанда П.Н. Кожемяко көрсеткен 41 қоныс пен бекіністің 33-і төрткүл типіндегі ескерткіштерге жататыны

белгілі болды. П.Н. Кожемяко төрткүл типіндегі ескерткіштері қоныс және бекіністер деп сипаттайды. Бірақ тау аңғарында орналасқан ескерткіштердің ішінде Советский ауылы мен Тарсу шатқалы маңайындағы екі ескерткішті «төрткүл» деп атап көрсеткен [Кожемяко, 1959, с. 162–163].

П.Н. Кожемяконың 1963 жылы жарияланған «Археологические памятники Таласской долины» атты ұжымдық жинақтағы «Оседлые поселения Таласской долины» мақаласында Талас бойындағы отырықшы қала мәдениеті санының 60-қа жуық екендігін айтады [Кожемяко, 1963, с. 145]. Ғалым өз зерттеулерінің негізінде нақты 59 ортағасырлық ескерткіштің тарихи-топографиясын сипаттап шыққан. П.Н. Кожемяконың зерттеулеріне талдау жүргізу негізінде, 59 ескерткіштің 50-і төрткүл типіндегі ескерткіштер болса, тоғызының пішіндері дөңгелек келген. Төрткүл типіндегі 50 ескерткіштің 11-ін жергілікті атауы бойынша төрткүл деп берген. Қалған 39 ескерткішті көбіне қала (городище) немесе бекініс (укрепление) деп атаған [Кожемяко, 1963, с. 145–224], (Қосымша 1.4). Біздің ойымызша, П.Н. Кожемяко төрткүл атауын екі себепте қолданған тәрізді. Бірінші, белгілі бір ерекшелікте (шоғырланып орналасқан, көлемі кіші, қабырғалары биіктеу келген, іші тегіс, мәдени қабат аса үлкен емес); Екінші, жергілікті төрткүл атауы бойынша. Кейбір жағдайда қоныс, бекініс және қала секілді баламалы атауларды қолданған.

П.Н. Кожемяконың редакторлығымен 1967 ж. шыққан «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана» атты жинақта жарияланған Д.Ф. Винниктің «К исторической топографии средневековых

поселений Иссyk-Кульской котловины» атты мақаласында Ыстықкөл қазаншұңқырында 100-ге жуық ортағасырлық ескерткішті анықтап, оларды үш топқа бөледі (Қосымша 1.5).

Д.Ф. Винниктің зерттеулеріне талдау жасай отырып, келесідей қорытынды шығаруға болады. Ғалым өзінің еңбегінде төрткүл типіндегі ескерткіштерді екі мақсатқа да қолданған тәрізді. Олар керуен сарай немесе бекініс және ауылдық қоныс. Талдау барысында анықталғандай, Д.Ф. Винник бөліп қараған екі топтағы ескерткіштердің барлығы дерлік төрткүл типіндегі ескерткіштер. Олардың қабырғаларында мұнара және сыртында оры бар. Яғни, екі топтағы ескерткіштердің фортификациялық сипаты бір болып тұр. Бұл жерде тек топографиялық орналасу ерекшелігі ғана бір типтегі ескерткіштерді екіге бөліп қарауына негіз болған [Винник, 1967, с. 97].

Е.И. Агеева Жетісу өңірлеріндегі қалалардың типологиясына талдау жүргізуде, ескерткіштердің өлшемдері мен басқа да ерекшеліктерін алға тарта отырып, қоныстар, керуен-сарайлар және қала типтес қоныстар немесе шахристаны қалыптаспаған қала деп бөледі. Е.И. Агеева Жетісудің Солтүстік Шығыс бөлігіндегі ірі көлемді немесе ұзын қорғанды қалалардың болмауын, аталған аймақ – Шу өңіріндегі ірі қалалардың қосалқы шаруашылық бөлігі болуымен байланыстырған [Агеева, 1960, с. 68–69.].

Т.Н. Сенигова «Средневековый Тараз» атты еңбегінде Тараз аймағындағы ортағасырлық ескерткіштерді арнайы археологиялық барлау жұмыстары негізінде анықтап, тарихи жазба деректердегі қалалармен баламалаған [Сенигова, 1972].

Т.Н. Сенигова жүргізген барлау маршруттары Тараздан батыста 50 шақырымнан басталып (Дех-Нуджикес немесе Қаракемер төрткүлі), Тараздан шығысқа қарай 40 шақырым жердегі Ақшалақ елді-мекеніне дейін, солтүстікте Оққұм қаласынан, оңтүстікте Шельджи, Көл (Қырғызстан территориясында) қалаларына дейінгі аймақты қамтиды. Зерттеу барысында 200-ден астам ескерткіш орны анықталған. Оның көпшілігі өзен бойында орналасқан. Топографиялық ерекшеліктеріне қарай, ескерткіштерді Т.Н. Сенигова 4 топқа бөледі (Қосымша 1.6).

М.Е. Елеуов өзінің «Шу-Талас өңірінің ортағасырлық қалалары мен мекендері (VI–XIII ғ. басы)» тақырыбындағы докторлық диссертациясында Шу өңіріндегі төрткүлдердің тарихи-топографиялық құрылымы мен жіктелуіне терең талдау жасаған [Елеуов, 1998, с. 126–131]. Ғалым Шу өңірінің орта және төменгі ағыстарын А-1, А-2, А-3 және А-4 – деп төрт ықшам ауданға бөле отырып, сонда орналасқан ескерткіштердің ішінде төрткүлдерге жеке тоқталады. А-1 яғни Боам шатқалынан Шөміш тауына дейінгі аралықта 37 төрткүл, А-2 яғни Бішкектен Құланға дейінгі аралықта 30 төрткүл, А-3 яғни Шөміш тауынан Иткешу өткеліне (Шуға Қорағаты өзенінің құятын жері) дейінгі аралықта 10 төрткүл, А-4 яғни Иткешу өткелінен Жайлауқөлге дейінгі аралықта 8 төрткүл, жалпы саны 85 төрткүл екендігін айтып өткен. Шу-Талас өңірінде жалпы саны 189 төрткүл бар екендігін ескере келе, оларды мерзіміне қарай екіге бөледі: бірінші, VI–VIII ғасырларда қалыптасқан төрткүлдер саны – 40. Екінші, IX–XII ғасырларда қалыптасқан төрткүлдер саны – 149 [Елеуов, 1998, с. 102].

М.Е. Елеуов Шу-Талас өңіріндегі төрткүлдердің қалыптасуының алғашқы кезеңін VI–VIII ғасырлармен мерзімдейді. Бұл кезеңге қатысты төрткүлдер саны – 40 болса, IX–XII ғасырлар кезінде төрткүлдер саны – 189-ға жеткенін айтады. Мұнымен қатар, ғалым төрткүлдердің ішкі топографиялық құрылымына кең ауқымды талдау жұмыстарын жасап, төрткүлдерді тағы үш топқа топтайды. Олар: бірінші цитадель, шахристан және рабатқа бөлінген қалалар саны – 5. Екінші, цитаделі бар төрткүлдер саны – 35. Үшінші, іштей бөлінбейтін төрткүлдер саны – 149. Сонымен қатар, М.Е. Елеуов VI–VIII ғасырларда қалыптасқан кейбір төрткүлдердің цитадельдері бастапқыда бекіністі-үй немесе бекіністі-қамал қызметін атқарғанын айтып өткен [Елеуов, 1998, с. 131], (Қосымша 1.7).

К.М. Байпақов 1978 жылы жарық көрген «Городища типа тортуль» атты мақаласында, Қазақстан территориясында кездесетін төрткүлдерді саралап, мұндай типтегі ескерткіштердің Іле өңірі, Шу-Талас алқабы, Оңтүстік Қазақстан, Сырдарияның төменгі ағысы, Орталық Қазақстан аймағындағы кездесетініне көңіл аударады. К.М. Байпақов Іле және Солтүстік-шығыс Жетісу өңіріндегі ортағасырлық қалалардың типологиясын жасауда бірнеше маңызды белгілерін атап өткен (Қосымша 1.8).

Р. Сала мен Ж.М. Деом Сырдарияның орта және төменгі ағыстары, Арыс өзенінің бойы, Шу-Талас өңірі, Ыстықкөл қазаншұңқыры, Іле өзенінің бойы, Орталық Қазақстан және Ертіс-Тарбағатай өңіріндегі төрткүлдердің топографиялық және хронологиялық ерекшеліктеріне, төрткүлдердің ти-

пологиясына, көлеміне, пішініне (шаршы, тікбұрышты, трапеция пішіндес), қабырғалардың архитектурасына (көне құрылыс пен кейінгі қоныстардың құрылысын қоса алғанда), қолданысына (ішкі құрылымдардың болуы және мәдени қабаттың қалыңдығы) талдау жүргізген [Сала, Деом, 2010, с. 263–286]. Аталған аймақтардың ішінде Тарбағатай мен Ертіс өңіріндегі төрткүлдердің хронологиялық ауқымы XVII–XVIII ғасырлармен мерзімделетініне назар аударады. Авторлар төрткүл типіндегі ескерткішке келесідей сипаттама жасаған: «Торткуль являлся укрепленным поселением, прямоугольным в плане, окруженным рвом, стенами и бастионами, несет явные черты военного характера. В классическом варианте – это квадрат со рвом и четырьмя и более бастионами и отсутствующим культурным слоем» [Сала, Деом, 2010, с. 267], (Қосымша 1.9).

А. Нұржанов өз зерттеулерінде Жетісу өңірінде қалалардың бірнеше типі кездесетінін айтқан [Нұржанов, 2011, с. 134–138] (Қосымша 1.10).

Е.Ш. Ақымбек «Шу өңірінің ежелгі және ортағасырлық керамикасы (Қордай ауданы материалдары бойынша)» атты еңбегінде Шу өңіріндегі VII–XII ғасырлар аралығында пайда болған төрткүлдердің орналасқан жерлері, көлемдері, мәдени қабаттарының қалыңдығы, фортификациясы, топографиясының біркелкі еместігін айтып өткен [Ақымбек, 2017, б. 36–37].

Автор Қордай ауданына қарасты Шу өңірінде жоспарлануы төртбұрышты келген бірқатар төрткүлдерге жеке тоқталған. Олар: Георгиевский (Қордай), Қакпатас, Майбұлақ, Ыстөбе, Шығыс Жіңішке

төрткүлдері. Е.Ш. Ақымбек аталған төрткүлдердің орналасуында айырмашылықтар бар екендігіне назар аударады. Мәселен, Георгиевский (Қордай), Қакпатас, Майбұлақ төрткүлдері Шу өзенінің оң жағасындағы тегістікте орналасқан болса, Ыстөбе төрткүлі Шу өзенінің оң жағасындағы биік тепсеңнің басталар ұшына орналасқан, ал, Шығыс Жіңішке төрткүлі өзімен аттас өзен шатқалы аузының оң жағындағы адырдың үстіне жайғасқан [Ақымбек, 2017, б. 37].

Қорытындылай келсек, Шу-Талас өңірлеріндегі ортағасырлық төрткүлдер қалалық мәдениеттің дамуына үлкен ықпал жасағаны белгілі. Аталған аймақта таралған төрткүлдердің пайда болуы саяси-экономикалық жағдайға тікелей қатысты. Төрткүл типіндегі ескерткіштердің пайда болуы мен өмір сүруі – ескерткіштің орналасқан жері мен атқарған қызметіне тікелей байланысты болатынын жоғарыдағы зерттеулерге жүргізген талдаулар дәлелдеп отыр.

Қосымша 1

XX–XXI ғасырлардағы зерттеушілердің еңбектеріндегі ортағасырлық ескерткіштер классификациясы

1.1 Ф.Д. Городецкий бойынша

Ф.Д. Городецкий өзінің зерттеулерінде ортағасырлық ескерткіштерді екіге бөліп қарайды. Бірінші – қала бекіністер, екіншісі – қала және қоныстар.

Қала бекіністер бөлімінде жалпы саны – 37 ескерткіштің тарихи-топографиясына қысқаша сипаттама жасаған. Мәліметтерге талдау жүргізу барысында пішіндері төрткүл типіне келетін 21 ескерткіш және

дөңгелек төбе типіндегі 16 ескерткіш анықталды. Ф.Д. Городецкий «төрткүл» атауын қожазбада алты ескерткіште қолданған. Жергілікті халықтың берген төрткүл атаулы ескерткіштер саны – бес, өзі арнайы атап айтқан ескерткіш – біреу. Зерттеуші өзі «төрткүл» деп атап айтқан ескерткіште мынадай ерекшеліктерді басшылыққа алғаны байқалады: пішіні төртбұрышты, қабырғасының қалыңдығы – 1,5–2,5 сажын (3,2–5,4 м), қақпалары анық көрінетін, ортасында цитаделі бар [Городецкий, 1924, с. 79–101].

Қала және қоныстар бөлімінде жалпы саны – 31 ескерткіштің тарихи-топографиялық сипаттамасын берген. Оның ішінде пішіні төрткүл типіне келетін бес ескерткіш, дөңгелек төбе пішіндегі 25 ескерткіш және бір арық. Бірақ бұл ескерткіштердің қатарынан төрткүл атауы кедеспейді [Городецкий, 1924, с. 101–125].

1.2 Б.Н. Дублицкий бойынша

Б.Н. Дублицкий өзі анықтаған ескерткіштерді үшке топқа топтайды.

Бірінші – бекіністер;

Екінші – төрткүлдер;

Үшінші – қалалар.

Б.Н. Дублицкий келтірген үш топтағы ескерткіштер өзара өте ұқсас болып келетіні байқалады. Мәселен бекініс, төрткүл және қала деп бөлген ескерткіштердің барлығының да пішіндері төртбұрыш немесе шаршы, қабырғаларының бойында және бұрыштарында мұнара іздері сақталған, сыртында орлары бар [Дублицкий, 1939, с. 1–24]. Ең қызығы, Б.Н. Дублицкий «төрткүл» деп атаған ескерткіштердің бір жерге шоғырланып, аса алшақ емес қашықтықта орналасуы. Б.Н. Дублицкий «төрткүл» деп

атаған ескерткіштерді белгілі бір ерекшеліктеріне қарап бөлмеген тәрізді.

1.3 А.Н. Бернштам бойынша

А.Н. Бернштам Талас аймағындағы төрткүлдердің үш типі бар екендігін алға тартады.

Бірінші типтегі – кіші төрткүлдер, пішіні төртбұрышты, қабырғаларының ұзындықтары 100 м дейін, бұрыштары дүниенің төрт бұрышымен бағыттас. Мұндай төрткүлдер көбіне ескі керуен жолдарының бойында орналасқан, бұлар бекіністі керуен сарайларға жатады. Мысал ретінде, Тараздан батыста Бірінші Май колхозының жерінде осы типтегі төрткүлді айтуға болады. Аналогиялық қызмет атқарған мұндай төрткүлдердің параллеліне Малдыбай, Мөңке ауылдарының маңындағы төрткүлдерді жатқызуға болады.

Екінші типтегі – өзінің пішіні бойынша ерекшеленетін биік төбелер. Бұл ескерткіштер биік төбенің үстіне салынады, мәдени қабаты өте бай келеді. Бұл типтегі зерттелген ескерткіштер қатарына Шөлтөбе (Чуль Тепе), Тастөбе (Тас Тепе), Әулиебастау және басқаларды жатқызады.

Үшінші типтегі – цитадельсіз, қабырғалары аса биік емес, пішіндері төртбұрышты немесе дөңгелек келген ескерткіштер. Талас алқабында бұл типтегі ескерткіштер өте көп кездеседі. Бұларды көне ауылдық қоныстар деп атауға болады. Мәдени қабатынан табылған материалдар біркелкі келген, сырлы ыдыстар аз кездеседі [Бернштам, 1941, с. 39–40].

1.4 П.Н. Кожемяко бойынша

П.Н. Кожемяконың зерттеулеріндегі төрткүл типіне

жататын ескерткіштердің негізгі белгілері келесідей: Пішіндері шаршы тәріздес, төртбұрышты, трапеция тәріздес; Қабырға бойында және бұрыштарында мұнаралар сақталған; Ішінара кейбіреулерінің бұрыштарында цитадель секілді ерекше құрылыс орындары байқалады; Қақпаның орны көбінде батыс бөліктен кездескенімен, шығыс және солтүстік бөлігінде шығар ауыздары бар ескерткіштерді кездестіруге болады; Ескерткіштің сыртында орлары бар және оры жоқ төрткүлдер де бар.

П.Н. Кожемяконың төрткүл деп атаған ескерткіштерінің негізгі белгілері төмендегідей:

1. Пішіндері төртбұрышты (11-дің сегізі төртбұрыш, үшеуі шаршы тәріздес);

2. Өлшемдері 30×18 м және 85×83,5 м аралығында ауытқиды;

3. Көпшілігінің сыртында ор және қабырғаларында мұнара іздері сақталған.

1.5 Д.Ф. Винник бойынша

Д.Ф. Винник ортағасырлық ескерткішті үш топқа бөледі:

1. Ұзын қорғанды қалалар;

2. Бекіністі-қоныстар – керуен-сарайлар;

3. Ауылдық қоныстар [Винник, 1967, с. 97].

Д.Ф. Винник Ыстық көл қазаншұңқырында революцияға дейінгі зерттеулерде Сынташ даласында екі төрткүл, Ақ Терек өзенінің жоғарғы ағысында екі төрткүл анықталғанын атап өтеді [Винник, 1967, с. 94]. Ал, кейінгі жылдары анықталған ескерткіштерге өзінің тарапынан жүргізген зерттеулерде «төрткүл» деп арнайы атамаған. Бірақ, бекіністі қоныстар, керуен

сарайлар және ауылдық қоныстардың топографиясына жасаған сипаттамалары назар аударарлық. Мәселен, екінші топтағы бекіністі-қоныстар – керуен-сарайлар көбіне далалық аймақтарда, тау аңғарларында және керуен жолдарының бойында орналасатынын айтады. Д.Ф. Винник мұндай ескерткіштерді келесі белгілеріне қарап топтаған:

1) Пішіндері төртбұрышты немесе шаршы;

2) Қорғаныс қабырғаларында мұнаралар бар;

3) Мәдени қабаты аса терең емес. Мәдени қабатқа қатысты талдауында Д.Ф. Винник өзіне дейінгі П.П. Ивановтың пікіріне қосыла отырып [Иванов, 1957, с. 65–99], мұндай ерекшеліктері бар бекіністер мал қамау үшін арналып салынған болуы мүмкін деген ойын алға тартады [Винник, 1967, с. 108].

Д.Ф. Винник үшінші топқа біріктірген ауылдық қоныстардың Ыстықкөл қазаншұңқырында өте көп кездесетінін және барлығы дерлік ұзын қорғанды қалалардың маңына жинақталғанын айта келе, олардың негізгі белгілері – төртбұрышты немесе шаршы пішінді дей келе, мұндай ескерткіштерді тек мәдени қабатының қалыңдығымен ғана бір-бірінен айыруға болатынын айтады [Винник, 1967, с. 108].

1.6 Т.Н. Сенигова бойынша

Бірінші, жобасы бойынша Таразға ұқсас қалалар яғни цитаделі, шахристаны және рабады бар қалалар. Мұндай қалалардың қатарына Төменгі Барысхан, Дех-Нуджикес немесе Қаракемер – (К.М. Байпаков бойынша), Атлах, Адахкет, Куль (Көл), Шельджи, Текабкет, Сус атты ескерткіштерді жатқызған.

Екінші, көлемі біршама кіші қалалар, бекініс-кешіктер, бекіністі-қоныстар. Бұл топқа Жікіл, Шөлтобе қалаларын жатқызған.

Үшінші, ірі қалалардың (Төменгі Барысхан, Атлах) маңайына топтасқан ауылдық қоныстар.

Төртінші, бекіністі керуен-сарайлар. (Жаңа ел, Молдабай төрткүлдері) [Сенигова, 1972, с. 66.].

1.7 М.Е. Елеуов бойынша

М.Е. Елеуов төрткүлдерді орналасқан жеріне, көлеміне, мәдени қабатының қалыңдығына, қорғаныс жүйесіне, өмір сүрген уақытына, басқа қалалармен және мекендермен байланысына, тарихи-топографиялық құрылымындағы ерекшеліктеріне қарай бес топқа бөледі [Елеуов, 1998, с. 128]:

1-топ: көлемі 30 га асатын төрткүлдер Новороссийское (42 га), Шөміш-2 (32,49 га). Аталған төрткүлдерді Шөміш-1 ұзын қорғанды қаласына қатысты қорған-қамалдар деп атаған.

2-топ: көлемі 15–30 га аралығындағы төрткүлдер Милянфан (23,6 га), Жаңа жол (21,6 га), Қайыңды (21 га), Баба ата (19,63 га), Оққұм (19,36 га), Қостөбе (18,6 га). Бұл төрткүлдерді М.Е. Елеуов Түрік қағандары, ру-тайпа көсемдері, жергілікті билеушілер, ауқатты егіншілердің мерзімді не тұрақты ордасы ретінде салынып, жаугершілік заманда халық мал-жанымен бірге паналайтын қорған-қамал қызметімен байланыстырады. Оның ішінде Жаңа жол мен Оққұм төрткүлдері Түрік қағандарының ордасы ретінде салынғанын қазба жұмыстары анықтағанын айтса, Қайыңды, Милянфан орда, қорған-қамал қызметінде қалғанын айтады. Ал, Баба ата, Қостөбе төрткүлдері VI–VII

ғасырларда бекіністі үй-жай немесе бекіністі қамал ретінде салынып, кейін уақыт өте тарихи-топографиялық құрылымы цитадель, шахристан және рабад болып үшке бөлінген қалалар қатарына кіргенін айтады.

3-топ: көлемі 5–15 га аралығындағы төрткүлдер. М.Е. Елеуов мұндай көлемдегі төрткүлдердің жалпы саны – 20, оның ішінде Шу өңірінде сегіз төрткүл, Талас өңірінде 11 төрткүл және Қаратаудың солтүстік бөлігінде бір төрткүл екендігін атап көрсеткен. Мұндай типтегі төрткүлдер көбіне қорғанысқа қолайлы жерге салынғандығымен, мұнаралары жиі орналасқан, қақпалары Г тәріздес келген, ал мәдени қабаттары өте жұқа немесе тіпті жоқ болып келетіндігімен ерекшеленеді.

4-топ: көлемі кіші төрткүлдер. Мұндай типтегі төрткүлдердің жалпы саны 46, оның ішінде 26-сы Шу өңірінде, 20-сы Талас өңірінде орналасқан. М.Е. Елеуов төртінші топтағы төрткүлдерді орналасқан жеріне, басқа қалалармен байланысына қарай, өз ішінде тағы төрт топқа жіктеген.

4.1 – ұзын қорғанды қалалардан, бірінші және екінші топтағы төрткүлдерден 1–3 шақырым жерде орналасқан оларды сырттай қорғап тұратын бекіністер (Кіші Ақбешім, Ақбешім-1, Старопокровское, Қызыл-өзен, Новопокровское-2, Ақсу-1).

4.2 – Ұлы Жібек жолының, Шу-Талас өңіріндегі керуен жолдарының бойында орналасқан төрткүлдер (Мақанды, Қисық сұрат, Өрнек, Төменгі Барысхан, Бірлік, Қорғаншы, Ақыртас, Майтөбе-1, Мырзатай, Аса).

4.3 – Өткелдің басындағы төрткүлдер (Луговое, Тасөткел-1, Қосқұдық).

4.4 – Шатқалдарға кіре берісте орналасқан төрткүлдер (Тарсу, Шамсы 1-3, Кегеті).

5-топ: көлемі 1 га-дан кіші төрткүлдер. М.Е. Елеуов бұл типтегі төрткүлдерді тарихи-топографиялық құрылымы мен орналасқан жеріне қарай өз ішінде бірнеше топқа бөліп қарастырған.

5.1 – Ұлы Жібек жолы мен керуен жолдарының бойында орналасқан төрткүлдер.

5.1.1 – Ұзын қорғанды қалалар мен әртүрлі көлемдегі төрткүлдерге келетін жолдың бойында орналасқан төрткүлдер.

5.1.2 – Өткелдер мен асуларға баратын жолдың бойында орналасқан төрткүлдер.

5.1.3 – Қалалар мен мекендерге жақын жерде орналасқан төрткүлдер. М.Е. Елеуов мұндай төрткүлдерді ортасы бос, құрылыс қалдықтары қорғанды жиектей салыну ерекшелігіне қарап керуен сарайларға жатқызады.

5.2 – Ұзын қорғанды қалалардың, үлкен, орта және кіші қалалардың төңірегінде, шатқалдарға кіре берісте, шатқалдарда, мекендердің айналасында орналасқан, бекіністері мықты, мәдени қабаттары 1–2 м келетін төрткүлдер. М.Е. Елеуов төрткүлдердің мұндай түрлерін бекіністі үйлер, бекіністі мекендерге жатқызады. Сонымен қатар, сырты қорғанмен қоршалған, мәдени қабаты жұқа немесе мүлдем жоқ төрткүлдерді мерзімді мекендер, бекеттер немесе қорған-қамалдар деп бөліп қарастырған.

5.3 – Айналаны бақылап тұруға қолайлы, биік жерде орналасқан, көлемдері 0,20 га аспайтын, қорғаны мықты және бір бұрышында биік, үлкен мұнарасы не құрылыс қалдығы бар қарауыл төрткүлдер [Елеуов, 1998, с. 128–131].

Төрткүлдердің цитаделін орналасу ерекшелігіне қарай өз ішінде беске бөліп қарастырған:

1 – цитадель төрткүлдің бір бұрышында;

2 – цитадель қабырғаның ортасында;

3 – цитадель төрткүлдің ортасында;

4 – цитадель төрткүлдің бір бөлігінде;

5 – цитадель төрткүлдің шығыс және солтүстік-шығыс қабырғаларының сыртында қосарланып және цитадель шахристаннан жартылай сыртқа шығып орналасқан.

Төрткүлдердің цитадельдерін пішіні мен жобасына қарай төртке бөледі:

1 – дөңгелек не сопақша цитадельдер;

2 – тікбұрышты, төртбұрышты не шаршы тәріздес цитадельдер;

3 – пирамида тәріздес цитадельдер;

4 – алаңды төбе тәріздес цитадельдер.

1.8 К.М. Байпақов бойынша

К.М. Байпақов Іле және Солтүстік-шығыс Жетісу өңіріндегі ортағасырлық қалалардың типологиясын жасауда мынадай маңызды мәселелерді қамтыған:

1. Қалалардың өлшемдері;

2. Мәдени қабаттың тереңдігі;

3. Фортификациялық ерекшеліктері;

4. Ескерткіштердің материалдары мен қазбаларының сипаттамасы;

5. Ескерткіштердің орналасқан аймағы.

К.М. Байпақов қалалардың типологиясына сараптама жүргізе келе 4 топқа топтайды: қала (қала типіндегі қоныстар), ауылдық қо-

ныстар, қала-баспана, керуен сарай [Байпақов, 1966, с. 9–16]. Ғалым өзінің кейінгі зерттеулерінде қалалардың типологиясын төмендегідей топтарға бөледі:

1. Астана және ірі қалалар;
2. Орта және ұсақ қалалар;
3. Ауылдық қоныстар;
4. Қала-баспана.

Сонымен қатар жаңа деректердің толығымен байланысты тағы бір ескерткіштер тобын – «қорғанысы жоқ қоныстарды» жеке бөліп шығарған [Байпақов и др., 2005, с. 56].

1.9 Р. Сала мен Ж.-М. Деом

бойынша

Р. Сала мен Ж.М. Деом төрткүл типіндегі ескерткіштерге кең ауқымда талдау жасап, негізгі белгілерін төмендегідей етіп көрсеткен:

а) пішін: 1 – шаршы; 2 – тікбұрыш; 3 – басқа тікбұрыштар (трапеция);

ә) өлшемі: 1 – ірі (5 га); 2 – орта (5-1 га); 3 – кіші (1 – 0,1 га), 4 – өте кіші (0,1 га);

б) мұнаралары: 1 – төрт; 2 – өте көп; 3 – мүлдем жоқ;

в) орлары: 1 – ормен; 2 – орсыз;

г) қабырға архитектурасы: 1 – бір бөлме; 2 – көп бөлме; 3 – екі қабат қабырға; 4 – қала ішіндегі бұрынғы кезеңнен қалған цитадель; 5 – бұрынғы құрылыстар қалдығының болуы; 6 – төрткүл түрінде ғана болуы;

д) ішкі құрылымы: 1 – бір ғана кеңістік немесе алаңқай; 2 – қабырға бойында құрылыстардың болуы; 3 – құрылыс іздері барлық жерде бар; 4 – қысқа уақыт қолданыста болған

немесе мәдени қабатының өте жұқа болып келуі (тегіс алаңқай); 5 – ұзақ уақыт қолданыста болған, мәдени қабаты қалың (төбе түрінде);

е) қала құрылымындағы орны: 1 – орталық; 2 – шет аймағы; 3 – ішкі бөлікте орналасқан;

ж) атқарған қызметі: 1 – бекіністі қала; 3 – бір қала үшін қызмет атқаратын; 3 – бірнеше қала үшін қызмет атқаратын; 4 – ауылдық аймақ үшін сақтау қоймасы немесе бекініс; 5 – әскери орын немесе бекініс; 6 – бекініс; 7 – жер шаруашылығына қатысты бекет; 8 – металлургиялық қызметегі бекет; 9 – сауда-саттық бекеті; 10 – көшпелілердің қыстық тұрағы [Сала, Деом, 2010, с. 267].

1.10 А.Ә. Нұржанов бойынша

Бірінші, «ұзын қорғанды қалалар». Әдетте мұнда топографиялық ерекшелігіне сәйкес цитадель мен шахристанды қоса қаланың өзі негізгі орталық болып табылады.

Екінші топқа бірнеше күрделі бекініс қамалдарынан тұратын қалаларды жатқызады.

Үшінші топқа «төрткүл» (төртбұрышты) қалаларды жатқызған. А. Нұржанов төрткүлдердің қабырғаларының ұзындықтары 40–50 метрден 500–600 метрге дейін баратынын алға тарады. Мұндай типтегі төрткүлдер Шу аймағында 40-қа жуығы тіркелсе, Талас өңірінде 20-ға жуық төрткүлдер тіркелгенін мысалға келтірген [Нұржанов, 2011, с. 134–138].

ӘДЕБИЕТ

1. Абрамов Н.А. Алматы или укрепление Верное с его окрестностями // Записи РГО по общей географии. 1867. С. 255-258.
2. Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М.: Высш. школа, 1980. 335 с.
3. Авизова А.Қ. Археология: Оқу құралы. Алматы: Эверо, 2014. 220 б.

4. Агеева Е.И. Некоторые новые данные по археологии Семиречья // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 68-69.
5. Ақымбек Е.Ш. Шу өңірінің ежелгі және ортағасырлық керамикасы (Қордай ауданы материалдары бойынша). Алматы: Ө.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2017. 112 б., ил.
6. Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу. Алматы: Credo, 2005. 188 с.
7. Байпаков К.М. Средневековые города и поселения Семиречья (VI-XII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1966. 22 с.
8. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг. Москва: Наука, 1966. Т. IV. 497 с.
9. Берг Л.С. Предварительный отчет об исследовании озера Балхаш летом 1903 г. Избранные труды. Средняя Азия. Москва: изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. 552 с.
10. Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1941. 87 с.
11. Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. М.-Ленинград: изд-во АН СССР, 1950. № 14. 249 с.
12. Валиханов Ч.Ч. О кыргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще / Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1984. 432 с.
13. Винник Д.Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1967. С. 91-113.
14. Городецкий Ф.Д. Древности Семиреченской (Джетысуйской) области. 1924 г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 4.
15. Диваев А.А. Киргизская легенда о постройке Акыр-Таша // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авт. предисл. и сост. Елеуов М., Бахтыбаев М.М. Туркестан: Туран, 2011. С. 355-356.
16. Дневники Джамбулской археологической экспедиций. 1939-1940 гг. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 39.
17. Дублицкий Б.Н. Хроника археологических разведок и находок на территории Казахской ССР 1928-1938 гг. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 27.
18. Елеуов М. Шу-Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары мен мекендері (VI-XIII ғ. басы): тарих ғыл. докторы ... дис. Алматы, 1999. 360 б.
19. Иванов П.П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Труды Института истории АН Кирг. ССР. Фрунзе, 1957. Вып. III. С. 65-99.
20. Каллаур В.А. Древние местности Аулиеатинского уезда на старом караванном пути из Тараза (Таласа) в восточной Туркестан // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авт. предисл. и сост. Елеуов М., Бахтыбаев М.М. Туркестан: Туран, 2011. С. 78-85.
21. Кожемяко П.Н. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН Кирг ССР, 1963. С. 145-171.
22. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе: Типография АН Кирг.ССР, 1959. 184 с.
23. Лаврентьев В.П. Краткий перечень бугров (курганов) находящихся в черте г. Аулие-ата // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авт. предисл. и сост. Елеуов М., Бахтыбаев М.М. Туркестан: Туран, 2011. С. 223-227.
24. Маргулан А.Х. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана // Известия АН Каз ССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. № 46. С. 4-9.
25. Методы археологического исследования: Учеб. пособие / А.И. Мартынов, Я.А. Шер. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Высш. шк.», 2002. 240 с.: ил.
26. Нуржанов А. Средневековые города Чу-Таласского междуречья. (вопросы типологии, топографии). // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2011. № 3. С. 134-138.

27. Пантусов Н.Н. Город Алмалык и Мазар Туглук Тимур хана. // Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I-го. М.: Знание, 1910. С. 161-188.

28. Пацевич Г.И. Археологические памятники района среднего течения реки Чу // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 64а.

29. Сала Р., Деом Ж.-М. Средневековые торткули Северного Тянь-Шаня и среднего течения Сырдарьи // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы: LEM, 2010. С. 263-286.

30. Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 219 с.

31. Ходжиков К. Древнейшие памятники Семиречья // Труды Казахского института национальной культуры. Алма-Ата: Казахское краевое издательство, 1935. Т. 1. 160 с.

Авторлар туралы мәліметтер:

Ақымбек Ералы Шардарбекұлы – PhD докторы, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); eraly_a@mail.ru

Шағирбаев Мамбет Сапарбекович – кіші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); mambet_87@mail.ru

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТОРТКУЛЕЙ В ШУ-ТАЛАССКОМ РЕГИОНЕ

Е.Ш. Ақымбек, М.С. Шағирбаев

Статья посвящена истории изучения средневековых торткулей, расположенных на юго-востоке Казахстана. Систематизированы материалы, собранные исследователями о памятниках, начиная с XIX в. до настоящего времени. В статье проведен анализ письменных источников о площади, топографии, атрибуции, функциональности торткулей. Отдельно рассмотрены некоторые особенности торткулей по рукописям Ф.Д. Городецкого и Б.Н. Дублицкого, работам Д.Ф. Винника, П.П. Иванова, А.Н. Бернштама и др. Проанализированы материалы, отраженные в работах специалистов из отечественных научных центров – К.М. Байпакова, М.Е. Елеуова, Р. Сала., Ж.-М. Деома. В ходе подготовки данной работы были выделены признаки торткулей; собраны разработки исследователей по типологии этих памятников, а также интересные сведения по содержанию и использованию термина «торткуль».

Ключевые слова: археология, долины рек Шу и Таласа, река Или, озеро Иссык-Куль, памятник, средневековые города, города с длинными стенами, караван-сарай, укрепление, крепость, поселение, культурный слой, фортификация, ров

HISTORY OF STUDYING OF MEDIEVAL TORKKULS IN SHU-TALAS REGION

E.Sh. Akymbek, M.S. Shagirbayev

This article is devoted to history of studying medieval torkkuls (fortified cities ruins) located in Southeast Kazakhstan. The exhaustive data collected by researchers about sites like torkkuls in this area since the 19-th century till today are provided. Written data of each researcher on the area, topography, identification in written sources, functionality of each of site like torkkuls, etc. are carefully analyzed. Separately some features of characteristics of sites like torkkul in the manuscripts kept in archival funds of such researchers as F.D. Gorodetsky, B.N. Dublitsky are considered. Importance of features of the sites taken for the basis for grouping as torkkuls at D.F. Vinnik, P.P. Ivanov, A.N. Bernshtam and other research works is considered. Features of the conducted researches on torkkuls of scientists like K.M. Baipakov, M.E. Yeleuov, R. Sala and Zh-M. Deom are sorted. Also their tasks by consideration of sites of the general type like torkkuls are defined. The conclusions of researchers and interesting data according to the term of “torkkul” and on a systematization of sites like torkkuls are provided.

Keywords: archaeology, Shu and Talas River valleys, Ily River, Issyk Kul Lake, a site, the medieval cities, the cities with long walls, caravanserai, fortification, fortress, settlement, an occupation layer, ditch

REFERENCES

1. Abramov, N. A. 1867. In *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshhestva po obshhej geografii* (Records of the Russian Geographical Society in General Geography), 255–258 (in Russian).
2. Avdusin, D. A. 1980. *Polevaja arheologija SSSR* (Field archeology of the USSR). Moscow: “Vysshaya shkola” Publ. (in Russian).
3. Avizova, A. K. 2014. *Arheologua: Oqu quraly* (Archeology: Study Guide). Almaty: Evero Publ. (in Kazakh).
4. Ageeva, E. I. 1960. In *Kratkie soobshhenija Instituta istorii material’noj kul’tury* (Brief reports of the Institute for the History of Material Culture), 80, 68–69 (in Russian).
5. Akymbek, Y. Sh. 2017. *Shu óñiriniñ ejelgi jáne ortagasyrlyq keramikasy (Qordai audany materialdary boyynsha)* (Early and medieval ceramics of the Shu valley (based on materials from the Korday region)). Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (in Kazakh).
6. Baipakov, K. M., Saveleva, T. V., Chang, K. 2005. *Srednevekovye goroda i poseleniya Severo-vostochnogo Jetysu* (Medieval cities and settlements of the Northeast Jetysu). Almaty (in Russian).
7. Baipakov, K. M. 1966. *Srednevekovye goroda i poseleniya Semirech’ja (VI–XII vv.): avtoref. dis. ... cand. ist. nauk.* (Medieval cities and settlements of Semirechye (VI–XII centuries) PhD. Thesis). Alma-Ata (in Russian).
8. Bartold, V. V. 1966. *Otchet o poezdke v Srednjuju Aziyu s nauchnoj cel’ju v 1893–1894 gg.* (Report on a trip to Central Asia with a scientific purpose in the years 1893–1894), 4. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Berg, L. S. 1960. *Predvaritel’nyj otchet ob issledovanii ozera Balhash letom 1903 g. Izbrannye trudy. Srednjaja Azija* (A preliminary report on the study of Lake Balkhash in the summer of 1903. Selected Works. Middle Asia), 3. Moscow: USSR Academy of Science Publ. (in Russian).
10. Bernshtam, A. N. 1941. *Pamjatniki stariny Talasskoj doliny. Istoriko-arheologicheskij ocherk* (Monuments of ancient Talas valley. Historical and archaeological essay). Alma-Ata: “KazOGIZ” Publ. (in Russian).
11. Bernshtam, A. N. 1950. In *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR* (Materials and research on archeology of the USSR), 14. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Science Publ. (in Russian).
12. Valikhanov, Ch. Ch. 1984. In Margulan, A. Kh. (ed.) *Sobranie sochinenii v pyati yomah* (Collected Works in five volumes), 1. Alma-Ata: “Kazakh Soviet Encyclopedia” Publ. (in Russian).
13. Vinnik, D. F. 1967. In *Drevnyaya i rannesrednevekovaya kul’tura Kirgizstana* (Ancient and early medieval culture of Kyrgyzstan). Frunze: “Ilim” Publ., 91–113 (in Russian).
14. Gorodetsky, F. D. In Archive of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, fund 2, inv. 2, dossier 4 (in Russian).
15. Divaev, A. A. 2011. In *Protokoly zasedanij i soobshhenij chlenov Turkestanskogo kruzhka ljubitelej arheologii. Istoriko-kul’turnye pamjatniki Kazahstana / Avtory predisloviya i sostaviteli Eleuov M., Bahtybaev M.M.* (Protocols of meetings and reports of members of the Turkestan circle of archeology lovers. Historical and cultural monuments of Kazakhstan / Authors of the preface and compilers Yeleuov, M., Bakhtybaev, M. M.) Turkestan: Turan Publ., 355–356 (in Russian).
16. In Archive of the Institute of Archaeology, fund 2, inv. 2, dossier 39 (in Russian).
17. Dublitsky, B. N. In Archive of the Institute of Archaeology, fund 2, inv. 2, dossier 27 (in Russian).
18. Yeleuov, M. 1999. *Shu-Talas onirlerinin ortagasyrlyq qalalary men mekenderi (VI–XIII g. basy): tarih gyl. Dokt. ... dis.* (Medieval cities and settlements of the Chu-Talas valley (VI – beginning of XIII): Doct. Diss. Thesis). Almaty (in Kazakh).

19. Ivanov, P. P. 1957. In *Trudy Instituta istorii AN Kirg. SSR (Proceedings of the Institute of History of the Kyrgyz SSR)*, 3. Frunze, 65–99 (in Russian).
20. Kallaur, V. A. 2011. In *Protokoly zasedanij i soobshhenij chlenov Turkestanskogo kruzhka ljubitelej arheologii. Istoriko-kul'turnye pamjatniki Kazahstana / Avtory predislovija i sostaviteli Eleuov M., Bahtybaev M.M. (Protocols of meetings and reports of members of the Turkestan Circle of Archeology Lovers. Historical and cultural monuments of Kazakhstan / Authors of the preface and compilers Yeleuov, M., Bakhtybaev, M. M.)*. Turkestan: Turan Publ., 78–85 (in Russian).
21. Kozhemyako, P. N. 1963. In *Arheologicheskie pamjatniki Talasskoj doliny (Archaeological sites of the Talas Valley)*. Frunze: KirgSSR Academy of Science Publ., 145–171 (in Russian).
22. Kozhemyako, P. N. 1959. *Rannesrednevekovye goroda i poselenija Chujskoj doliny (Early medieval cities and settlements of the Chu Valley)*. Frunze: KirgSSR Academy of Science Publ. (in Russian).
23. Lavrentev, V. P. 2011. In *Protokoly zasedanij i soobshhenij chlenov Turkestanskogo kruzhka ljubitelej arheologii. Istoriko-kul'turnye pamjatniki Kazahstana / Avtory predislovija i sostaviteli Eleuov M., Bahtybaev M.M. (Protocols of meetings and reports of members of the Turkestan Circle of Archeology Lovers. Historical and cultural monuments of Kazakhstan / Authors of the preface and compilers Yeleuov, M., Bakhtybaev, M. M.)*. Turkestan: Turan Publ., 223–227 (in Russian).
24. Margulan, A. Kh. 1948. In *Izvestija Akademii nauk KazSSR. Ser. arheol. (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeological series)*, 1 (46), 4–9 (in Russian).
25. *Metody arheologicheskogo issledovaniya: Uchebnoe posobie (Methods of archaeological research: Tutorial)*. Martynov, A. I., Sher, Ya. A. 2002. 2th ed. Moscow: “Vysshaya shkola” Publ. (in Russian).
26. Nurzhanov, A. 2011. In *Izvestija NAN RK. Ser. obshchestv. nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)*, 3, 134–138 (in Russian).
27. Pantusov, N. N. 1910. In *Kaufmanskij sbornik... (Kaufman collection, published in memory of 25 years, expired from the date of death of the conqueror of the Turkestan Territory, Adjutant General KP von-Kaufman I-go)*. Moscow: “Znanie” Publ., 161–188 (in Russian).
28. Patsevich G. I. In Archive of the Institute of Archaeology, fund 2, inv. 2, dossier 64a (in Russian).
29. Sala, R., Deom, J.-M. 2010. In *Rol' nomadov evrazijskih stepej v razvitii mirovogo voennogo iskusstva. Nauchnye chtenija pamjati N.Je. Masanova (The role of the nomads of the Eurasian steppes in the development of world military art. Scientific readings in memory of N.E. Masanov)*, Almaty: LEM Publ., 263–286 (in Russian).
30. Senigova, T. N. 1972. *Srednevekovyi Taraz (Medieval Taraz)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
31. Khojikov, K. 1935. In *Trudy Kazahskogo instiuta nacional'noj kul'tury (Proceedings of the Kazakh Institute of National Culture)*, 1. Almaty: “Kazahskoe kraevoe” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Akymbek Yeraly Sh. PhD doctor, Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; eraly_a@mail.ru

Shagirbayev Mambet S. Junior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; mambet_87@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 09.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 16.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 23.10.2018.

СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В КИМАКСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ТРУДАХ Ф.Х. АРСЛАНОВОЙ

© 2019 г. Б.М. Хасенова

В научном творчестве Ф.Х. Арслановой значительное место занимают гендерные исследования. Автором высказано мнение об особом социальном статусе женщин, чей погребальный инвентарь содержал предметы торевтики (эти погребения также отличались специфическим размещением в составе семейной группы и в пространстве могильника). Несмотря на то, что исследовательницей были получены важнейшие сведения по погребальному обряду представителей кимакской знати, важно отметить, что в научном плане ее интересовал статус именно женщины. Ф.Х. Арсланова стала новатором гендерных исследований в археологии Казахстана.

Ключевые слова: археология, Ф.Х. Арсланова, Восточный Казахстан, Прииртышье, эпоха средневековья, Кимакский каганат, история археологии, общество, гендерные исследования, женщина, украшения

Гендерные исследования являются трендом последнего времени в гуманитарных науках, в том числе и археологии. Одним из зачинателей этого направления в археологии Казахстана является Ф.Х. Арсланова. Библиография научных трудов Ф.Х. Арслановой составляет 80 статей, в 2013 г. увидели свет ее публикации, не изданные в свое время по разным причинам. Значительная часть этих работ посвящена апробации материалов эпохи средневековья Верхнего и Среднего Прииртышья, необходимость в исследовании которой была обозначена Ф.Х. Арслановой на страницах кандидатской диссертации: «По своему географическому положению долина верхнего и среднего Иртыша являлась как бы связующим звеном между тюркскими племенами Алтая и Центрального Казахстана... Памятники материальной культуры этих племен изучены слабо,

хотя исследование их имеет важное значение для разработки проблемы сложения казахского народа» [Арсланова, 1964]. Порядка десяти статей были посвящены обсуждению статуса женщины в кимакском обществе. Был проанализирован состав погребального инвентаря женских погребений, происходящих с Верхнего и Среднего Прииртышья (Зевакинский, Бобровский могильник, Карашат I, Белокаменка), в обобщающих исследованиях территория научного поиска расширилась и включила в себя Обь-Иртышское междуречье, Алтай, Кемеровский Кузбасс и Минусинскую котловину.

Фирия Хабибуловна Арсланова (1934–1995) является одним из ведущих исследователей древностей Восточного Казахстана (рис. 1). Она работала здесь с 1960-х годов по 1974 г. (с 1965 по 1974 гг. являлась преподавателем Усть-Каменогорского пе-

дагогического института) [Жукова, Степанова, 2003, с. 389], а также в период с 1981 по 1987 гг. [Могильников, Плетнева, 2000, с. 219].

Богатейшая история региона обусловила широкий научный спектр исследователя: одинаково уверенно изучались и вводились в научный оборот памятники различных времен, от бронзового века до эпохи средневековья. Исключительную роль в формировании современных представлений об определенных страницах прошлого евразийских степей при этом играют результаты исследования Ф.Х. Арслановой памятников эпохи средневековья. В результате исследования таких могильников, как Зевакинский, Орловский, Бобровский, Камышинский, Трофимовский, Покровский, на страницах публикаций, посвященных введению в научный оборот этих материалов, предстала яркая и своеобразная культура кимаков – одного из тюркских племен, создавших на берегах Иртыша в IX–XI вв. свое государство. Львиная часть того, что нам известно о них, появилась в результате неустанной исследовательской работы Ф.Х. Арслановой.

Личность исследователя, несомненно, играет решающую роль в его научном творчестве. Вполне возможно, что лидерские качества, присущие самой Ф.Х. Арслановой, позволили впервые в археологии Казахстана поднять вопрос о статусе женщин в эпоху средневековья на основании анализа данных кимакских погребений. Хотелось бы отметить два факта из ее биографии, свидетельствующие о сильном, волевом характере исследователя. Она хотела стать геологом, но в поезде, когда ехала подавать документы в вуз, познакомилась с участниками знаменитой Хорезмской археологической

*Рис. 1. Ф.Х. Арсланова.
Фото из архива З. Самашева*

*Fig. 1. F.Kh. Arslanova. Photo from
Samashev Z. archive's*

экспедиции и в результате приняла решение поступить на исторический факультет [Могильников, Плетнева, 2000]. Еще один важный момент в творческой жизни Ф.Х. Арслановой связан со сбором информации для защиты кандидатской диссертации. Ею более чем решительно были собраны материалы для диссертации «Археологические памятники Среднего Прииртышья», которая была успешно защищена в 1964 г., научный руководитель – А.Х. Маргулан [деятельности А.Х. Маргулана и других участников Центрально-Казахстанской экспедиции посвящена специальная статья: Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2017 – прим. авт.]. За два полевых сезона 1960–1961 гг. отряд Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руковод-

ством Ф.Х. Арслановой проведен исследование 86 курганов, именно по этим материалам была написана диссертация, в которой рассмотрены вопросы хронологии, осуществлен поиск аналогий в погребальном обряде и инвентаре, сделаны выводы о хозяйстве, религии населения Среднего Прииртышья, обоснована кимакская этническая принадлежность памятников эпохи развитого средневековья этого региона [Арсланова, 1964].

Ф.Х. Арсланова осталась в памяти тех, кто знал ее «удалой, неукротимой и мощной степной “поляницей”» [Могильников, Плетнева, 2000]. Один из учеников Ф.Х. Арслановой З. Самашев пишет о впечатлении, которое она произвела на него при первой встрече и обращает внимание на гордо посаженную голову, решительные движения [Самашев, 2015, с. 17]. Еще один исследователь, Г.Г. Петенева, работавшая с ней вместе, свидетельствует: «По своей природе она была лидер, командир и в быту и, конечно, на работе» [Петенева, 2017, с. 150]. Ее ученицы из Тверского государственного университета – Е.В. Лагуткина и Е.Г. Мойкина называют Фираю Хабибуловну инициатором многих новаций в археологическом изучении Тверской области и отмечают, что результаты ее деятельности оказывают влияние на изучение региона вплоть до настоящего времени [Лагуткина, Мойкина, 2011, с. 100–104].

И при всем этом она оставалась заботливой и внимательной женщиной. Ее запомнили на раскопках Маяцкого городища в 1979–1980 гг. именно такой: «Энергичная, всегда предельно занятая, всегда готовая помочь или чем-нибудь порадовать членов экспедиции» [Могильников, Плетнева, 2000]. Г.Г. Петенева также

пишет в своих воспоминаниях, что, когда была необходима помощь, она «подмечала и помогала, добиваясь того, чтобы проблема была решена» [Петенева, 2017, с. 150]. Так и сложилось, что в научном творчестве этой незаурядной женщины значительное место занимают гендерные исследования.

В качестве источниковой базы для предпринятой работы в первую очередь послужили предметы торевтики, с помощью которых оформлялись костюм, конское снаряжение, вооружение, отдельные бытовые предметы. Эти вещи в силу своей высокой значимости являются ценнейшим источником для палеосоциологических исследований. Разнообразные женские и мужские украшения, поясная, конская гарнитура, зеркала, обнаруженные в кимакских погребениях, были выполнены из бронзы, серебра, золота.

Одной из причин того, что исследовательницей были сделаны важные выводы о положении женщины в эпоху средневековья, стало, несомненно, обнаружение богатых погребений кимакской знати. Так, в составе центрального женского погребения в ограде 1 длинного кургана 146 Зевакинского могильника, исследованного в 1969 г., находилось бронзовое амальгированное зеркало с рунической надписью. Ее чтение, выполненное тюркологом С.Г. Кляшторным, напрямую свидетельствовало о том, что предмет принадлежал знатной женщине. В первой строке надписи, согласно переводу, было написано: «Знатная женщина освобождается от своего [чувства] зависти (гнева). Ее счастливый удел (ее благодать) наступает» [Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 313].

В 1981 г. Ф.Х. Арсланова публикует первую работу, посвященную анализу собственно предметов торевтики под названием «Культовые предметы из женских захоронений Прииртышья» [Арсланова, 1981, с. 48–49]. Источниковой базой послужили материалы трех женских погребений из Верхнего Прииртышья, двух - из Павлодарского Прииртышья, погребения у с. Мало-Панюшево (Приобское плато), в которых были найдены скульптурки рыб, птиц, личин, дракона. Автор акцентирует внимание на том факте, что данные погребения являлись центральными как в могильнике, так и в составе семейной группы. Данное обстоятельство, наряду с наличием специфических предметов украшений в оформлении костюма их владелиц, позволило прийти к выводу, что захороненные женщины при жизни могли отправлять определенные действия, связанные с религиозными церемониями. Обращает внимание, что фигуркам рыб сопутствуют украшения с образом птицы (подвески в виде крыльев, сердцевидные подвески, изображающие стилизованных птиц, булавка). По мнению автора, «данное сочетание позволяет предположить, что умершие женщины, похороненные вместе с такими предметами, являлись служительницами культа Умай» [Арсланова, 1981, с. 49].

В соавторстве с А.С. Ермолаевой были введены в научный оборот материалы кургана № 14 могильника у с. Измайловка и погребения у с. Белокаменка, работы проводились Шульбинской археологической экспедицией [Арсланова, Ермолаева, 1984, с. 141–145]. Особый интерес представляет находка бронзовой личины в погребении у с. Белокаменка. Высказано интересное предположение о

назначении данного предмета: он является «вместилищем духа предка», а погребенная была, по-видимому, его хранительницей и, возможно, сама руководила определенными религиозными обрядами [Арсланова, Ермолаева, 1984, с. 143]. Об этом свидетельствуют состав инвентаря и наличие безинвентарного сопроводительного захоронения мужчины, занимавшего, по-видимому, зависимое положение.

В том же сборнике публикуются результаты изучения еще одного памятника, давшего интересные материалы, могильника Карашат, на этот раз совместно с З. Самашевым. Отмечено, что как правило, «южнее основного захоронения (чаще всего мужчин) подхоранивали взрослых и детей мужского пола, а к северу от него – сородичей женского пола» [Арсланова, Самашев, 1984, с. 165]. В качестве объяснения таких особенностей планиграфии могильников, авторы приводят сведения о делении жилища на мужскую и женскую половины [Арсланова, Самашев, 1984, с. 165].

Спустя несколько лет Ф.Х. Арсланова и З.С. Самашев возвращаются к материалам могильника Карашат I, в этой статье они дают более развернутую характеристику погребального обряда [Арсланова, Самашев, 1987, с. 122–133]. Подчеркивается, что женские могилы были центральными в общей усыпальнице и отличались от остальных погребений богатым набором инвентаря, что позволяет отнести их «к особой группе знатных женщин, возможно, возглавлявших определенные религиозные обряды» [Арсланова, Самашев, 1987, с. 127].

Крайне сжато, но емко в статье «К вопросу интерпретации украшений женской одежды из двух кур-

ганных групп Кемеровской области» автором рассмотрено назначение ряда изделий из двух женских погребений у с. Ур-Бедари и у с. Тарасово на основании параллелей с археологическим материалом из Обь-Иртышского междуречья [Арсланова, 1987а, с. 169–172]. Рассмотренные изделия из металла и камня являлись принадлежностью одежды ритуального назначения. На это указывают этнографические параллели. В качестве заключения автором постулируется следующий тезис: «Распространение в среде кимаков в период сложения государства (IX–X вв.) образов буддийско-тюркского пантеона, в частности, Тенгри и его супруги Умай отражает сложную социальную стратификацию этого общества и одновременно указывает на преемственную связь традиционных культов и религиозных обрядов с древнетюркскими» [Арсланова, 1987а, с. 172].

В статье «Длинные курганы Прииртышья» на основании более широкого археологического материала Ф.Х. Арсланова возвращается к закономерностям в планиграфии кимакских некрополей. Проанализированы данные по планиграфии 49 длинных курганов, в которых насчитывалось 163 могилы, включающие 170 погребения. Исследовательница отмечает, что Зевакинский могильник является наиболее полно исследованным из числа имеющихся на то время, в нем было раскопано 24 длинных кургана, содержащих 83 могилы с 89 умершими [Арсланова, 1987б, с. 51]. Выявлено, что в общих семейных усыпальницах правая сторона (северные ограды) по отношению к центральному мужскому захоронению предназначалась для женщин и девочек-подростков, а ле-

вая – для мужчин и, соответственно, мальчиков-подростков» [Арсланова, 1987б, с. 61].

В период с 1989 по 1998 гг. издаются публикации, в которых подробно изучаются функции предметов тюревтики в вещном мире кимаков. Так, в статье «Образ птицы на головных уборах кимакских женщин» проанализированы литые объемные скульптурки, а также уплощенные барельефные изображения хищных фантастических птиц, обнаруженные в ряде женских погребений в Прииртышье и на сопредельных территориях [Арсланова, 1989, с. 156–160]. Автор подчеркивает: «в стилистическом отношении эти произведения имеют много общих черт. В частности, гребень на поднятой голове птицы обозначен в виде треугольного выступа, сомкнутый клюв сильно загнут вниз, глаз передан овальным или округлым углублением. Оперение подчеркнуто полуовальными углублениями» [Арсланова, 1989, с. 156].

Образ птицы, по данным автора, играл важную роль как в предшествующий период, так и в этнографическое время. Приводятся сведения по этнографии тюркских народов, свидетельствующие о высокой знаковой сущности птичьей символики. «Анализ сопутствующих изделий прикладного искусства из этих же курганов, являвшихся также предметами, содержащими определенную религиозную символику, позволяет предположить о принадлежности погребенных с такими вещами людей к особой социальной группе кимакского общества, возглавлявшей, по видимому, определенные языческие обряды» [Арсланова, 1989, с. 160].

В статье «Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья», вышедшей в 1998 г.,

проанализированы различные украшения, в том числе предметы торевтики, обнаруженные в женских и детских погребениях курганов Зевакинского могильника, у с. Выдриха, могильников Карашат I, у с. Белокаменка (рис. 2; 3) [Арсланова, 1998, с. 97–109]. Анализ инвентаря позволил автору прийти к выводу, что: «... бусы, исполнявшие сакральную функцию и являвшиеся дорогостоящими импортными изделиями, были использованы только представительницами социальной верхушки общества. На это указывает и преобладание в данных захоронениях других импортных изделий (китайские монеты, серебряные зеркала, подвески), а также специфических металлических украшений, связанных с языческими поверьями...» [Арсланова, 1998, с. 104]. Сделаны важные наблюдения по планиграфии кимакских могильников. Только два женских погребения были основными, все остальные находились в пристроенных оградах. Девочек и женщин до 50 лет, как правило, хоронили в южных (по преимуществу) или северных оградах по отношению к центральному мужскому погребению [Арсланова, 1998, с. 97].

Своеобразный итог по изучению кимакских древностей Ф.Х. Арслановой представляют две обширные статьи по воинским захоронениям в Зевакинском могильнике и женским украшениям кимаков и кыпчаков, вышедшие, к сожалению, только после смерти исследовательницы [Арсланова, 2013а, с. 28–92; 2013б, с. 93–120]. В статье по женским украшениям детально представлена одна из интересных категорий украшений – застежки в виде летящей птицы, нередко, с изображением личины на туловище. На момент изучения насчитывалось 43

экз. подобных изделий (из них 24 экз. образуют комплекты, а 19 – половинки) [Арсланова, 2013, с. 93]. Они происходят из 22 женских и четырех детских погребений, находящихся в составе 21 курганной группы с территории Обь-Иртышского междуречья, Алтая, Кемеровского Кузбасса и Минусинской котловины [Арсланова, 2013, с. 108, рис. 7]. Комплексное изучение погребального обряда и погребального инвентаря, обращение к данным этнографии позволили исследовательнице прийти к важным выводам по функции, способу ношения, семантике этих украшений. Несмотря на то, что Ф.Х. Арсланова не ставила своей задачей акцентировать внимание на социальном статусе женщин, неоднократно отмечается, что наличие обрядовой одежды, неординарность погребального инвентаря указывает на их принадлежность к элитарной части общества и, что, возможно, при жизни они были служительницами культа [Арсланова, 2013, с. 97].

После переезда в 1974 г. в г. Тверь работы по изучению кимакских древностей продолжались и, конечно, исследовательница сосредоточилась на изучении славянской археологии. Как совершенно верно отметили В.А. Могильников и С.А. Плетнева в статье, посвященной памяти Ф.Х. Арслановой, в ее научном творчестве «соединились две средневековые, но абсолютно разные культуры: кочевническая и славянская-земледельческая. Этот редчайший пример симбиоза мог быть исключительно у ученого необычайного трудолюбия и исследовательского таланта» [Могильников, Плетнева, 2000]. И здесь удача сопутствовала ученому. В Избрижском могильнике, расположенном в Тверской области РФ, Ф.Х. Арслановой

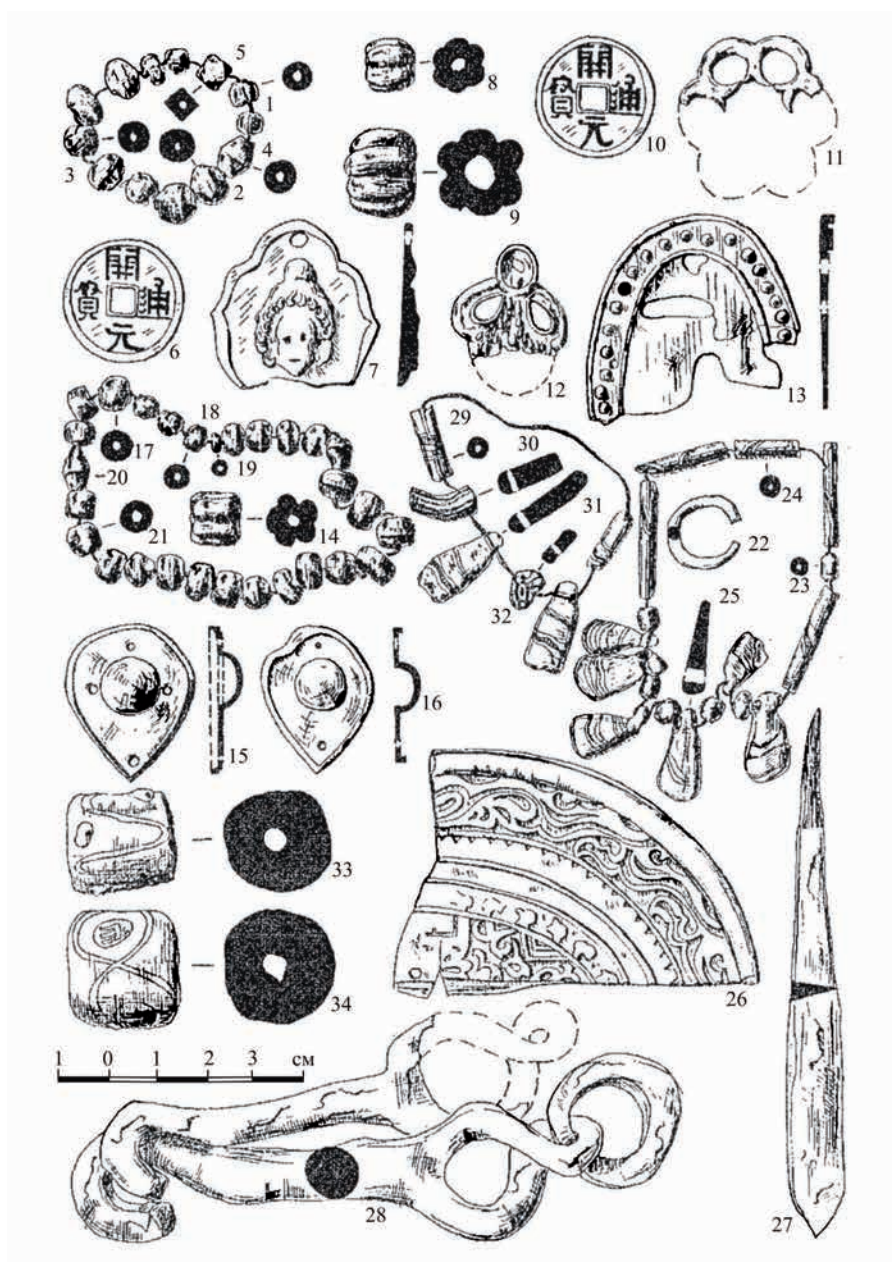

Рис. 2. Иллюстрация к статье «Женские погребения с бусами IX–X вв. из Казахского Прииртышья» (по: [Арсланова, 1998, рис. 1])

Fig. 2. Illustration from the article “Zhenskie pogrebeniya s busami IX–X vv. iz Kazhastanskogo Priirtysh’ya” (by: [Arslanova, 1998, fig. 1])

также были найдены женские погребения с богатым составом украшений [Жукова, Степанова, 2002, с. 6]. Одна из статей, содержащая результаты

изучения этого региона, имеет более чем говорящее название: «Языческие символы в одежде женщины первой половины XI в. (по материалам кур-

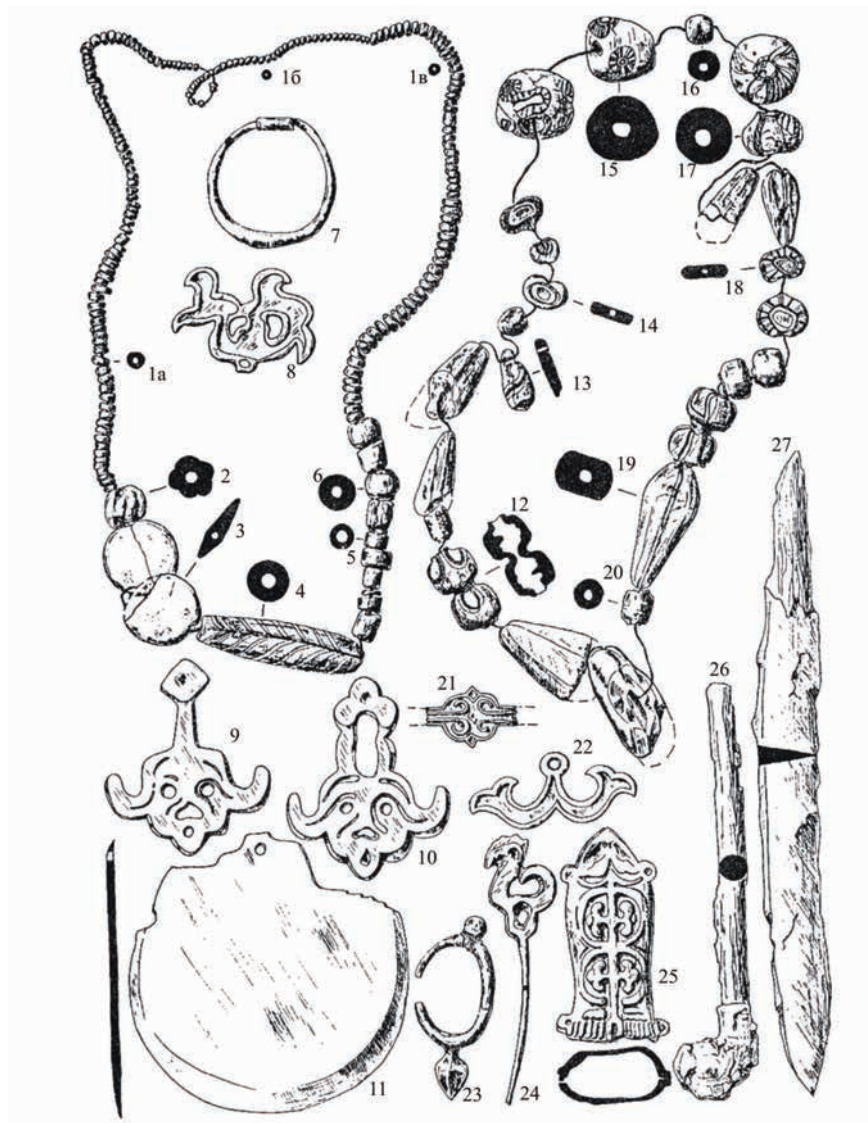

Рис. 3. Иллюстрация к статье «Женские погребения с бусами IX–X вв. из Казахстанского Прииртышья» (по: [Арсланова, 1998, рис. 2])

Fig. 3. Illustration from the article “Zhenskie pogrebeniya s busami IX–X vv. iz Kazhastanskogo Priirtysh'ya” (by: [Arslanova, 1998, fig. 2])

ганов у с. Избрижье)» [Могильников, Плетнева, 2000].

Таким образом, размышления на гендерную тематику стали возможны в результате изучения знаковой сущности отдельных предметов и планиграфии могильников. Автором высказано мнение об особом соци-

альном статусе женщин, чей погребальный инвентарь содержал предметы торевтики (эти погребения также отличались специфическим размещением в составе семейной группы и в пространстве могильника). Несмотря на то, что исследовательницей были получены важнейшие сведения по по-

гребальному обряду представителей кимакской знати, важно отметить, что в научном плане ее интересовал статус именно женщины. Эту тему она разрабатывала на протяжении многих лет. Можно сказать, что Ф.Х. Арсланова стала новатором гендерных ис-

следований в археологии Казахстана. Причем, необходимо отметить, что в классическом понимании термина, ведь под гендерными исследованиями изначально подразумевалось изучение женщин и лишь спустя время к ним добавились и мужчины.

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта AP05131573).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсланова Ф.Х.* Археологические памятники Среднего Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1964.
2. *Арсланова Ф.Х.* Культовые предметы из женских захоронений Прииртышья // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 48-49.
3. *Арсланова Ф.Х.* К вопросу интерпретации украшений женской одежды из двух курганных групп Кемеровской области // Проблемы археологии степной Евразии: тез. докл. Кемерово, 1987а. Ч. 2. С. 169-172.
4. *Арсланова Ф.Х.* Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири. История и археология. Омск, 1987б. С. 50-69.
5. *Арсланова Ф.Х.* Образ птицы на головных уборах кимакских женщин // Маргулановские чтения: сб. матер. конф. Алма-Ата, 1989. С. 156-160.
6. *Арсланова Ф.Х.* Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Алматы–Москва, 1998. Вып. 2. С. 97-109.
7. *Арсланова Ф.Х.* Воинские захоронения кимаков в Зевакинском могильнике / Арсланова Ф. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана издат. группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013а. С. 28-92.
8. *Арсланова Ф.Х.* Женские украшения кимаков и кыпчаков / Арсланова Ф. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: издат. группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013б. С. 93-120.
9. *Арсланова Ф.Х., Ермолаева А.С.* Памятники кимаков левобережья Иртыша // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. обл. научн. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 141-145.
10. *Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник–1972. М., 1973. С. 306-315.
11. *Арсланова Ф.Х., Самашев З.С.* Курганная группа «Карашат» в Семипалатинской области // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. обл. научн. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 161-165.
12. *Арсланова Ф.Х., Самашев З.С.* Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 122-133.

13. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 11-64.

14. Жукова Е.Н., Степанова Е.В. К юбилею Ф.Х. Арслановой // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 389-400.

15. Лагуткина Е.В., Мойкина Е.Г. Наследие Ф.Х. Арслановой и А.А. Чарикова в Тверском государственном музее // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 100-109.

16. Могильников В.А., Плетнева С.А. Памяти Ф.Х. Арслановой // Татарская археология. 2000. № 1-2 (6-7). С. 214-224.

17. Петенева Г.Г. Остался мой след далеко за порогами. С моими трудами, с моими тревогами // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 149-152.

18. Самашев З. Предисловие / Арсланова Ф. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: издат. группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 405 с.

Сведения об авторе:

Хасенова Бахыт Мүлдашевна – докторант очной формы обучения, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Нур-Султан, Казахстан); alicar@inbox.ru

Ф.Х. АРСЛАНОВАНЫҢ ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ ҚИМАҚ ҚОҒАМЫНДАҒЫ ӘЙЕЛ МӘРТЕБЕСІ

Б.М. Хасенова

Ф.Х. Арсланованың ғылыми шығармашылығында гендерлік зерттеулер айтарлықтай орын алады. Автор, жерлеу мүкәммалдарында торевтика бұйымдары (сондай-ақ, бұл жерлеулер отбасылық топ және қорымның кеңістігінде өзіндік орналасумен ерекшеленеді) кездесетін жерлеулердегі әйелдердің әлеуметтік мәртебелерінің ерекше болғандығы туралы пікір айтады. Зерттеуші тарапынан қимақ ақсүйектерін жерлеу рәсімдері туралы маңызды мәліметтер алынғанына қарамастан, ғылыми тұрғыдан алғанда әйелдердің мәртебесі ғалымның басты қызығушылығын туғызған. Ф.Х. Арсланова Қазақстан археологиясында гендерлік зерттеулердің көшбасы болды.

Түйін сөздер: археология, Ф.Х. Арсланова, Шығыс Қазақстан, Ертіс жағалау, ортағасыр дәуірі, Қимақ қағанаты, археологиясы тарихы, қоғам, гендерлік зерттеулер, әйел, әшекейлер

THE STATUS OF A WOMAN IN KIMAK SOCIETY IN WORKS OF F.Kh. ARSLANOVA

B.M. Khassenova

In the scientific work of F.Kh. Arslanova significant place occupied by gender studies. The author expressed an opinion about the special social status of women, whose funeral inventory contained toreutics objects (these burials also differed by specific placement in the family group and in the burial space). Despite the fact that the researcher obtained the most important information on the funeral rite of representatives of the Kimak nobility, it is important to note that in scientific terms she was interested in the status of the woman. F.Kh. Arslanova became an innovator of gender studies in the archaeology of Kazakhstan.

Keywords: archaeology, F.Kh. Arslanova, Eastern Kazakhstan, Upper Irtysh, Middle Ages, Kimak Kaganate, history of archaeology, society, gender studies, woman, jewelry

REFERENCES

1. Arslanova, F. Kh. 1964. *Arkheologicheskie pamyatniki Srednego Priirtysh'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* (Archaeological sites of the Middle Irtysh: thes. dis. ... Cand. hist. sciences). Alma-Ata (in Russian).
2. Arslanova, F. Kh. 1981. In *Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v Zapadnoi Sibiri* (Methodological aspects of archaeological and ethnographic studies in Western Siberia). Tomsk 48-49 (in Russian).
3. Arslanova, F. Kh. 1987a. In *Problemy arkheologii stepnoi Evrazii* (Problems of the archeology of the steppe Eurasia), 2. Kemerovo 169-172 (in Russian).
4. Arslanova, F. Kh. 1987b. In *Istochniki po istorii Zapadnoj Sibiri. Istoriya i arkheologiya* (Sources on the history of Western Siberia). Omsk 50-69 (in Russian).
5. Arslanova, F. Kh. 1989. In *Margulanovskie chteniya* (Margulan reading-1989). Alma-Ata 156-160 (in Russian).
6. Arslanova, F. Kh. 1998. In *Voprosy arheologii Kazakhstana* (Questions of archaeology of Kazakhstan), 2. Almaty-Moscow 97-109 (in Russian).
7. Arslanova, F. Kh. 2013a. In *Arslanova F. Ocherki srednevekovoi arheologii Verhnego Priirtysh'ya* (Sketches of medieval archeology of the Upper Irtysh). Astana 28-92 (in Russian).
8. Arslanova, F. Kh. 2013b. In *Arslanova F. Ocherki srednevekovoi arheologii Verhnego Priirtysh'ya* (Sketches of medieval archeology of the Upper Irtysh). Astana 93-120 (in Russian).
9. Arslanova, F. Kh., Ermolaeva, A. S. 1984. In *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* (Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories). Omsk 141-145 (in Russian).
10. Arslanova, F. Kh., Klyashtorny, S. G. 1973. In *Tyurkologicheskij sbornik-1972* (Türkological collection -1972). Moscow 306-315 (in Russian).
11. Arslanova, F. Kh., Samashev, Z. S. 1984. In *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* (Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories). Omsk 161-165 (in Russian).
12. Arslanova, F. Kh., Samashev, Z. S. 1987. In *Problemy srednevekovoj arkheologii Urala i Povolzh'ya* (Problems of medieval archaeology of the Urals and Volga region). Ufa 122-133 (in Russian).
13. Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie b sohranenie* (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: the study and preservation), 1. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 11-64 (in Russian).
14. Zhukova, E. N., Stepanova, E. V. 2002. In *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii* (Tver, Tver land and adjacent territories), 5. Tver 389-400 (in Russian).
15. Lagutkina, E. V., Moikina, E. G. 2011. In Baitanayev, B. A., Beisenov, A. Z., (eds.) *Arheologiya Kazakhstana v ehposu nezavisimosti: itogi, perspektivy* (Archeology of Kazakhstan in the era of independence: results, prospects). Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 100-109 (in Russian).
16. Mogil'nikov, V. A., Pletneva, S. A. 2000. In *Tatarskaya arkheologiya* (Tatar archaeology), 1-2 (6-7), 214-224 (in Russian).

17. Peteneva, G. G. 2017. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstan: izuchenie b sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: the study and preservation)*, 1. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 149-152 (in Russian).

18. Samashev, Z. 2013. In Arslanova F. *Ocherki srednevekovoj arkheologii Verkhne-go Priirtysh'ya (Sketches of medieval archaeology of the Upper Irtysh)*. Astana, 17 (in Russian).

About the Author

Khassenova Bakyt M. Full-time doctoral student, Eurasian National University after L.N. Gumilyov; Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Nur-Sultan, Kazakhstan; alicar@inbox.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 22.09.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 01.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.10.2018.

ОБРАЗЫ ПТИЦ НА СКАЛАХ ЖЕТЫСУ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2019 г. Б.А. Железняков

Наскальное искусство широко распространено по всему миру. В своей массе самыми распространенными в Евразии являются петроглифы эпохи бронзы, именно о них и пойдет речь в статье. Обычно в них мы видим животных, окружавших наших предков, зачастую с подчеркнутыми определенными признаками, например гипертрофированных размеров, с закрученными рогами, символизировавшими, например, (восходящее) солнце. Да и среди зооморфных образов выбирались особые, «встраиваемые» в мифологию. В Сибири и Центральной Европе относительно много изображений птиц. Жетысу к подобным регионам не относится. Однако отдельные изображения птиц известны, очевидно, что они были выбиты не случайно. Были ли они частью «картины мира» на крупных плоскостях или их самостоятельные (отдельные) изображения преследовали ритуальные или иные цели? Окончательного решения вопроса пока нет.

Ключевые слова: археология, памятники наскального искусства Жетысу, петроглифы, эпоха бронзы, образ птицы, солнечные повозки, охота

Образу птиц в наскальных изображениях региона Жетысу посвящено не так много исследований, прежде всего благодаря исключительной редкости его в петроглифах эпохи бронзы. Специальных исследований по этому образу пока не опубликовано. Этот образ достаточно редок в Европе, Ближнем и Среднем Востоке. И, наоборот, в определенной мере был более распространен в Сибири. Из 261 памятника наскального искусства Северной Азии, доступного для статистического анализа, на 256 отмечены изображения 1875 птиц, относящихся к разным эпохам [Чигаева, 2017, с. 16].

В Европе, где подавляющее число петроглифов относится к эпохе бронзы, этот образ ассоциирует-

ся с представлением о возрождении жизни, особенно, это относится к водоплавающим птицам [Green, 1997, р. 204]. По мнению К. Кристиансена, известного исследователя наскального искусства и мифологии, именно водоплавающие птицы, чаще связки из трех лебедей, постепенно вытесняют упряжных лошадей для «солнечной лодки или повозки» (судна или транспорта с солярным божеством) - образ, который тиражировался на хорошо известных скандинавских бронзовых ножах. Эта смена в Северной Европе произошла в эпоху поздней бронзы. Также ученый приводит весьма распространенное европейское мифологическое представление о том, что солнце было доставлено с юга, точнее, из Греции в Скандинавию тремя

лебедями [Kristiansen, 2018, p. 72], также относящиеся к поздней бронзе. Известно множество легенд из ирландской, кельтской и иных мифологий относительно знаковых позиций птиц в них как предвестников переломных событий и постоянно сопровождавших божество или символизовавших божество. Лебеди имели особо тесное отношение к солярному божеству [Kristiansen, 2018, p. 71]. В местности Богуслан (Швеция, на границе с южной Норвегией) выбито множество изображений светила сходящими во все стороны «трехпальными отпечатками» от лап птиц, имитирующими лучи солнца (рис. 1).

Изображения птиц в Жетысу, например, стилизованных грифов иногда выбивались в сакскую эпоху: хорошо известны в Ешкиолмесе

[Байпаков, Марьяшев и др., 2005, с. 182], менее в Басбатыре [Железняков, Херманн, 2014, с. 36]. Сцены охоты с ловчими птицами были достаточно распространены в древнетюркское время, например в соседнем с известным ущельем Тамгалы отщелке «Сункарсай». Это может свидетельствовать о том, что в скифское время у птиц появляется ещё одна важная ипостась, которая постепенно становится доминирующей. Птицы выступают быстрокрылыми отважными хранителями силы и удачи, помощниками бесстрашных воинов [Чигаева, 2017, с. 11]. Вероятно, подходящими будут рассуждения антрополога-энциклопедиста Д.Н. Анучина: «Представления о птицах, как о существах способных быть носителями человеческих желаний и молений, а, с дру-

Рис. 1. Фото выбивки (прорисованной краской) солярного знака с «лапками» - бинарной символикой лучей и лап птиц. Эпоха бронзы. Танум (Аспебергет), Швеция. Фото автора

Fig. 1. Photo of carving (traced by paint) the solar sign with «paws» - binary symbolics of beams and paws of birds. Bronze Age. Tanum (Aspeberget), Sweden. Author's photo

гой стороны, – возвестителями воли богов, символами их покровительства и объектами, служившими для воплощения в них божественной мощи, – такого рода представления мы встречаем у народов, стоящих на самых различных ступенях культуры, от дикарей-шаманистов до народов древнего Востока и Греции, и от варваров далёкой Азии и Африки до народных масс современной христианской Европы» [Чигаева, 2017, с. 12].

Изображения птиц в эпоху бронзы Жетысу единичны и не столь выразительны, как образы подчеркнuto выражавших идеологию животных. Возможно, что редкие изображения птиц в Жетысу чаще ассоциируются с притоком мигрантов, например из региона Южной Сибири, где подобных изображений значительно больше. Изображения птиц чаще, чем изображения зверей и связываются с шаманизмом, оборотничеством/териоморфизмом именно в тех регионах, где исследователи связывают изображения с шаманизмом [Pásztor, 2018, p. 193–194]. У нанайцев и ульчей птица упоминается как ездовое животное шамана – он улeтал из загробного мира (буни – нан., були – ульч) верхом на птице поори [Окладников, 1972, с. 45]. Особая важность образа птицы не подвергается сомнению в сибирском шаманизме. Птица – это образ шамана, дух – помощник шамана. Костюм сибирского (и не только) шамана является олицетворением птицы и содержит орнитоморфную семантику. Возможно, что образы птиц были выбиты местным населением. В любом случае, это может быть связано с усилением миграционных процессов в эпоху поздней бронзы.

Интересные данные по изображениям птиц Центральной Европы можно почерпнуть в одном из по-

следних сборников, посвященных, главным образом, европейскому шаманизму. В статье Э. Пастор (Emília Pásztor), посвященной именно образам птиц (в петроглифах и артефактах: в керамике, ювелирных изделиях), проведен анализ генезиса образа птиц в эпоху бронзы и в раннем железном веке в Карпатах, а также роли этого образа в истории культуры всей Евразии [Pásztor, 2018, p. 193–194]. В статье прослеживается связь населения Карпат с населением другими регионами Европы, а также с Сибирью, в том числе культурных параллелей регионов Южной Сибири и Венгрии [Pásztor, 2018, p. 195–197]. Раскрывается религиозная природа этого образа, фактически доказывается, что подавляющее большинство изображений птиц имеет связь с шаманизмом [Pásztor, 2018, p. 198–200].

Редкие на памятниках наскального искусства Жетысу изображения птиц, значительно проигрывают по своей художественной ценности и степени эмоционального воздействия, главным образом эпохи бронзы: быка, коня, архара и многих других. Птицы все-таки присутствуют среди всего многообразия наскальных образов Жетысу и, возможно, географически «объединяют» европейские и сибирские аналогии, где этих изображений значительно больше.

Опыт систематизации наскальных изображений с участием птиц в эпоху бронзы в Жетысу можно свести к трем композициям. Они выбивались как отдельные, самостоятельные изображения на плоскости, а также иногда в составе сцен охоты, где присутствуют два–три персонажа. Третий вариант: когда птицы небольших размеров изображаются на крупных (алтарных плоскостях) размерами более 1 м в длину наряду с животными и ан-

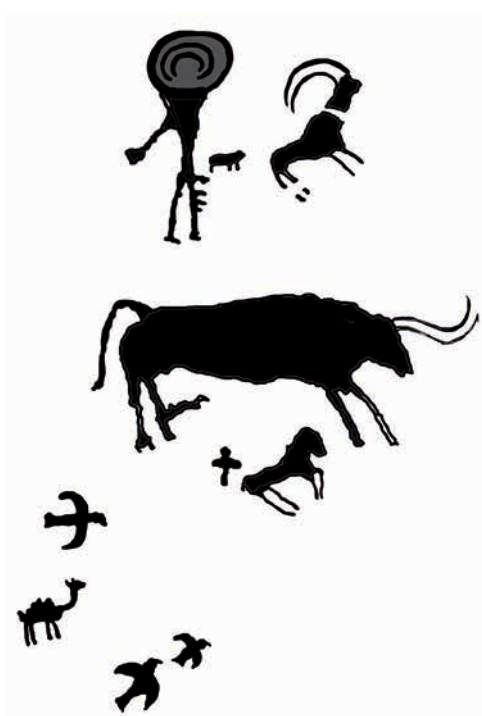

Рис. 2. Прорисовка плоскости с изображениями антропоморфного персонажа («луноголового») над быком, фоновыми животными и птицами (выполнена А.Б. Железняковым). Эпоха бронзы, Аккайнар

Fig. 2. The drawing of a carving of the panel with images of the anthropomorphous character ("lunar-head") over a bull, background animals and birds (it is executed by A. Zheleznyakov). The Bronze Age, Akkaynar

тропоморфными персонажами: (рис. 2) в Аккайнаре [Железняков и др., 2016, с. 108] и (рис. 3) в Кайши (Кайшы) [Железняков, 2017, с. 112].

В публикациях освещались вопросы хронологии (поздняя бронза), а также интерпретации. Несмотря на значительные размеры каменных плоскостей, изображения птиц на них не превышают 5–8 см в длину. Это свидетельствует об ограниченности их роли и влияния в мировоззрении населения региона в эпоху бронзы.

Изображение в Кулжабасы явно крупной и, возможно, водолавающей птицы (лапки не изображены, поскольку ниже уровня воды) [Садуакасулы и др., 2017, с. 132] (рис. 4), скорее всего, указывает на то, что передняя часть птицы отличается по выбивке. В первую очередь, это интерпретируется как отличие по цвету от ее крыльев и головы. Внимание к деталям птицы, а главное, нахождение ее выбивки вместе с изображениями отражающих «соляных» дисков, также небольших размеров (до 10 см), по-видимому, го-

Рис. 3. Прорисовка плоскости с парой крупных оленей, фоновыми животными и птицами (выполнена А.Б. Железняковым). Эпоха поздней бронзы, Кайши

Fig. 3. The drawing of a carving of the panel with couple of large deer, background animals and birds (it is executed by A. Zheleznyakov). The Late Bronze Age, Kayshi

Рис. 4. Изображение крупной (водоплавающей) птицы.

Эпоха поздней бронзы, Кулжабасы

Fig. 4. The image of a big (natatorial) bird.
The Late Bronze Age, Kuljabasy

ворит о том, что птица приближается к максимальному своему влиянию в мировоззрении населения региона, по-видимому, в позднюю бронзу.

Стоит отметить, что интерпретации «солнца с птичьими лапками» зачастую весьма близка к «солнцу, сопровождаемому птицами» и/или «солнечному диску», размещенному на конской упряжи, известной как «солнечной повозки». Это можно видеть по прорисовкам, скомпонованным в экспозиции музея наскального искусства Танум (Швеция) и по комментариям его директора Г. Милстро (рис. 5).

Особенно большое количество изображений отмечается в Аккайнаре. Именно здесь, помимо «безобидных» сцен с «парящими» и «сидящими» птицами, выбито изображение крупной хищной птицы [Херманн, 2016, с. 68], победившей человека (рис. 6).

Локально расположены и не публиковавшиеся до сих пор изображения крупных птиц, похожих на страусов или из семейства дрофовых (рис. 6–8).

Определенные аналогии птицам Аккайнара можно найти в рисунках Арал-Толгоя (Алтай),

которые были опубликованы В.Д. Кубаревым, Д.В. Черемисиным. Однако значительно различаются манеры. На Алтае, по мнению авторов публикации: «это одинаковая трактовка тел птиц из Арал-Толгоя в виде яйцевидного овала, а также присутствие рядом с ними или даже внутри абрисов фигур, специально выбитых углублений, округлой или овальной формы, (символов яйца?)» [Кубарев, Черемисин, 1984, с. 93]. Несколько различаются и подходы к хронологии изображений. Алтайские изображения авторами публикации признается логичным

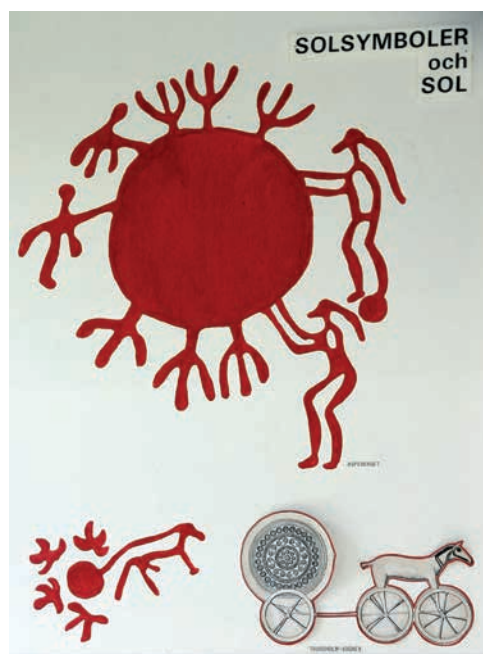

Рис. 5. Прорисовки наскальных изображений: солнце с «птичьими лапками», солнце, несомое небесным/солнечным конем в сопровождении птиц, а также артефакта из Трудхольма - «солнечная повозка». Экспозиция музея Танум. Эпоха бронзы. Фото автора

Fig. 5. The drawing of a carving: of the sun with "bird's pads" the sun, borne a heavenly/solar horse accompanied by birds - "the solar vehicle" and also an artifact from Trundholm: The Bronze Age. Author's photo

Рис. 6. Прорисовка петроглифа крупной хищной птицы и убитого ею (?) человека (выполнена Л. Херманном).

Эпоха поздней бронзы, Аккайнар

Fig. 6. The drawing of a carving of a large bird of prey and the person killed by it (?) (executed by L. Herrmann). The Late Bronze Age, Akkaynar

датировать эпохой бронзы, при этом не исключается и более ранняя их датировка [Кубарев, Черемисин, 1984, с. 91–95]. Датировку птиц из Аккайнара логично сузить до поздней бронзы.

В ходе обследования окрестностей горы Майтобе (доминирующая вершина в Кастекском хребте Иле Алатау), расположенной в Жамбылском районе Алматинской области, на вновь открытом в 2015 г. памятнике наскального искусства Майтобе [первое краткое сообщение об этом: Садуакасулы, Железняков, 2016, с. 10] было обнаружено небольшое прочерченное на поверхности камня изображение крупной птицы типа журавля, которое предварительно также датировалось поздней бронзой. Его датировка достаточно условна, поскольку прямых аналогов этому изображению нет. Изображение птицы прочерчено на поверхности гранита. Достаточно удачно переданы тонкие и длинные ноги с лапками, голова (с хохолком

и клювом) на длинной шее, пышное оперение хвоста. Крылья птицы переданы в расправленном состоянии, ноги соединены вместе. Птица передана в достаточно динамичной позе. Особенно, если учитывать предполагаемое время нанесения изображения – поздняя бронза. От птицы (шеи и верха головы) к некой фигуре – охотника (?) (чуть выше ее центра), находящейся слева от птицы, переданной весьма схематично вертикальными чертами, прочерчены две линии, которые можно интерпретировать как веревку или петлю (силки), накинутую на эту птицу. Фигурка птицы около 6 см высотой, человека – менее 5 см (рис. 10, 11). Тем самым, это изображение, несмотря на всю схематичность образа человека (?), можно интерпретировать как сцена поимки крупной птицы охотником. Это изображение небольших размеров выполнено в технике граффити. И это отличает его от предыдущих, выбитых изображений.

Тем самым можно констатировать, что весьма незначительное число изображенных на скалах Жетысу птиц связано с тем, что большинство явно шаманских или жреческих изображений связано с традицией обращения служителей культа в образ животного: волка, козла и других, но не птиц. Например, на таком значительном памятнике как Кулжабасы, где общее количество петроглифов составляет около 15 тыс., известно около пяти изображений птиц. На соседнем памятнике: Аккайнаре из 18 птиц – пять относится к эпохе бронзы, две к сако-усуньскому времени и 11 – к древнетюркскому времени [Херманн, 2016, с. 59]. К сожалению, на большинстве памятников наскального искусства Жетысу полный статистический анализ пока не проведен.

Рис. 7–9. Прорисовки крупных птиц (страусов или из семейства дроф?). Эпоха поздней бронзы, Аккайнар. Выполнены А. Железняковым на фото Л. Херманна

Fig. 7–9. The drawing of a carvings of birds (ostriches or from family of bustards?). The Late Bronze Age, Akkaynar. Executed by A. Zheleznyakov on L. Herrmann's photo

Тем не менее, общая тенденция достаточно очевидна, от эпохи бронзы к средним векам процентное содержание образа птицы значительно растет. Это происходит, в том числе и за счет

того, что роль птиц в материальной и духовной жизни у населения региона Жетысу возрастает.

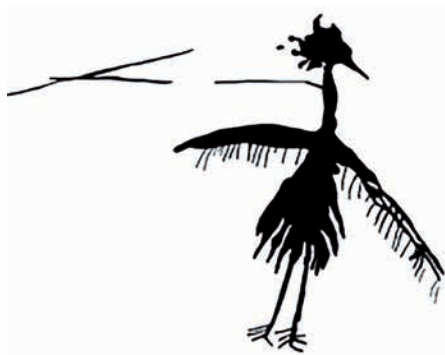

Рис. 10, 11. Прорисовка и фото крупной птицы (журавля?) и человека с петлей (?), сцена охоты.

Эпоха поздней бронзы, Майтобе

Fig. 10, 11. The drawing and photo of the carving of large bird (crane?) and the person with a loop (?), a scene of hunting. The Late Bronze Age, Maytobe

ЛИТЕРАТУРА

1. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Потапов С.А., Горячев А.А. Петроглифы в горах Ешкюльмес. Алматы, 2005. 226 с.
2. Железняков Б.А. Алтарные наскальные композиции с оленями Жетысу (Кайши, Актерек) // История и археология Семиречья. Алматы, 2017. Вып. 5. С. 111-126.
3. Железняков Б.А., Херманн Л. Петроглифы Басбатыра // Известия МОН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук. 2014. № 5 (297). С. 30-39.
4. Железняков Б.А., Садуакасулы А., Херманн Л. Новые петроглифы Тамгалы и Чу-Или // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района: сб. научн. ст. Алматы, 2016. С. 88-109.
5. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С. 87-99.
6. Окладников А.П. Центрально-азиатский очаг первобытного искусства, Новосибирск., 1972. 88 с.
7. Садуакасулы А., Железняков Б.А. История изучения историко-культурного наследия Жамбылского района // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района: сб. научн. ст. Алматы, 2016. С. 3-18.

8. Садуакасулы А., Железняков Б.А., Херманн Л. Наскальное искусство хребта Кулжабасы. Алматы, 2017. 240 с.
9. Соломатина В.В. Образ птицы в шаманизме народов дальнего востока // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 15. Новосибирск, 2013. С. 37-41.
10. Херманн Л. Наскальное искусство местности Аккайнар // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района: сб. научн. ст. Алматы, 2016. С. 52-72.
11. Чигаева В.Ю. Образы птиц в наскальном искусстве Северной Азии: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 174 с.
12. Green, M.A. Dictionary of Celtic Myth and Legend. London, 1997. 576 p.
13. Kristiansen K. The winged triad in Bronze Age symbolism: birds and their feet // Future Essays in Archaeology and Rock Art Studies in Honour of Dr. Phil. h.c. Gerhard Milstreu. Ed. by James Dodd & Ellen Meijer. Oxford, 2018. P. 70-75.
14. Pásztor P. Comments on Bird Symbolism of the Bronze Age Carpathian Basin and its Possible Relationship with Shamanism // Archaeological Approaches to Shamanism: Mind-Body, Nature, and Culture. Cambridge, 2018. P. 193-209.

Сведения об авторе:

Железняков Борис Анатольевич – докторант, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); boriszheleznyakov@mail.ru

**ЖЕТИСУ ЖАРТАСТАРЫНА САЛЫНҒАН ҚҰСТАРДЫҢ БЕЙНЕСІ:
МӘСЕЛЕНІҢ ҚОЙЫЛЫМЫ**

Б.А. Железняков

Жартас өнері әлем бойынша кеңінен таралған. Өзінің саны жағынан Еуразияда көп тарағаны қола дәуірінің петроглифтері болып табылатындықтан, мақалада осы мәселе сөз болады. Олардан ата-бабаларымызды қоршаған ортадағы жануарларды жиірек көреміз, көбіне олар белгілі бір белгілермен сызылған, мысалы, қалыптан тыс көлемі ұлғайтылған, бұратылған мүйіздер күн символын (көтеріліп шыққан күн) білдіреді. Жануарлардың арасынан қазіргі мифологиялық бейнелермен байланысты ерекше түрлерін де кездестіруге болады. Бірқатар аймақтарда: Сібір, Орталық Еуропада салыстырмалы түрде құс бейнелері көп. Жетісу мұндай аймаққа жатпайды. Дегенмен, жекелеген құс бейнелері кездеседі, бірақ олардың кездейсоқ соғылмағандығын көруге болады. Бұл «әлем көрінісінің» бір бөлігі немесе не ғұрыптық, не басқа да мақсатта болды ма екен? Осы сұрақтың нақты шешімі әзірге жоқ.

Түйін сөздер: археология, Жетісу жартас өнерінің ескерткіштері, петроглифтер, қола дәуірі, құс бейнесі, күн арбасы, аңшылық

**IMAGES OF BIRDS IN JETYSU'S ROCKS ART SITES:
TO STATEMENT OF THE PROBLEM**

B.A. Zheleznyakov

Petroglyphic art is widespread worldwide. Images of rock art of the Bronze Age is the most widespread in Eurasia in general and the article is devoted to this chronological frames. Most often between them we see the animals surrounding our ancestors, is frequent with emphasized certain signs, for example the hypertrophied sizes, the twirled horns symbolizing (ascending) sun. Among animals the special types which are embed in in modern to images mythology were chosen. In such regions as Siberia or Central Europe, relatively there are a lot of images of birds. Jetysu region doesn't treat to similar. However separate images of birds are available, it is obvious that they have been carved not accidentally.

Whether it was a part of “a world picture” or pursued ritual or other aims? There is no final decision of a question yet.

Keywords: archaeology, sites of rock art of Jetysu, petroglyphs, the Bronze Age, the image of a bird, solar chart, hunting

REFERENCES

1. Baypakov K.M., Mar'yashev A.N., Potapov S.A., Goryachev A.A. 2005. *Petroglify v gorah Eshkiol'mes (Petroglyphs in the mountains of Eshkiolmes)*. Almaty (in Russian).
2. Zheleznyakov, B. A. 2017. In *Istoriya i arheologiya Semirech'ya (History and archeology of Semirechye)* 5, 111-126 (in Russian).
3. Zheleznyakov, B. A., Hermann, L. 2014. In *Izvestiya MON RK, ser. obshchestv. i gumanit. nauk (News MES RK. Ser. societies and humanity of sciences)*, 5 (297), 30-39 (in Russian).
4. Zheleznyakov, B. A., Saduakasuly, A., Hermann, L. 2016. In *Drevnosti Jetysu. Pamyatniki arheologii Jambylskogo rajona (Antiquities Jetysu. Monuments of archaeology of Jambyl region)*. Almaty 88-109 (in Russian).
5. Kubarev, V. D., Cheremisin, D. V. 1984. In *Arheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka (Archeology of the south of Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 87-99 (in Russian).
6. Okladnikov A.P. *Central'no-aziatskij ochag pervobytnogo iskusstva (Central Asian center of primitive art)*. Novosibirsk 1972 (in Russian).
7. Saduakasuly, A., Zheleznyakov, B. A. 2016. In *Drevnosti Jetysu. Pamyatniki arheologii Jambylskogo rajona (Antiquities Jetysu. Monuments of archaeology of Jambyl region)*. Almaty, 3-18 (in Russian).
8. Saduakasuly, A., Zheleznyakov, B. A., Hermann, L. 2017. *Naskal'noe iskusstvo hrebta Kuljabasy (Rock art of the Kuljabasy range)*. Almaty (in Russian).
9. Solomatina V.V. 2013. In *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya (Scientific community of students of the XXI century)*, 15, 37-41 (in Russian).
10. Hermann, L. 2016. In *Drevnosti Jetysu. Pamyatniki arheologii Jambylskogo rajona (Antiquities Jetysu. Monuments of archaeology of Jambyl region)*. Almaty 52-72 (in Russian).
11. Chigaeva, V. Yu. 2007. *Obrazy ptic v naskal'nom iskusstve Severnoj Azii (The images of birds in the rock art of North Asia)*: thes. Cand. Diss. Kemerovo (in Russian).
12. Green, M.A. 1997. *Dictionary of Celtic Myth and Legend*. London.
13. Kristiansen, K. 2018. In Dodd, J., Meijer, E. (eds.) *Future Essays in Archaeology and Rock Art Studies in Honour of Dr. Oxford*, 70-75.
14. Pásztor, P. 2018. In *Archaeological Approaches to Shamanism: Mind-Body, Nature, and Culture*. Cambridge, 193-209.

About the Author:

Zheleznyakov Boris A. Doctoral Candidate, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; boriszheleznyakov@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 08.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 15.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 22.10.2018.

К ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСА О РЕМОНТЕ МАВЗОЛЕЯ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ в 1906–1908 гг.

© 2019 г. Ю.А. Ёлгин

Неосуществлённый ремонт мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, масштабную программу которого в 1906 г. разработал гражданский инженер В.С. Гейнцельман, – это абсолютно неизвестная страница в историографии тимуровского архитектурного шедевра. В данной статье впервые рассматривается проблема финансирования этого проекта, нашедшая отражение во множестве документов, отложившихся в фондах Центрального государственного архива Республики Узбекистан. Анализ этого материала показал отношение к туркестанскому мавзолею самых разных социальных слоёв: от местного духовенства г. Туркестана – до императора Николая II, от передовой научной и творческой интеллигенции – до колониальной бюрократии. В итоге было достигнуто понимание непреходящей научной и художественной ценности памятника, значения его для верующих Туркестанского края, а также необходимости сохранения его для будущих поколений.

Ключевые слова: мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, Императорская археологическая комиссия, В.С. Гейнцельман, Д.И. Субботич, Н.И. Гродеков, А.А. Бобринский, ремонт, сбор пожертвований, смета, финансирование

11 февраля 1906 г. из усыпальницы мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави была похищена верхняя часть одного из шести подсвечников (так долгое время в обиходе и литературе называли бронзовые светильники – сакральные дар Тимура мавзолею). Это событие вызвало всплеск интереса к памятнику среди общественности Туркестанского края более сильный, чем состоявшаяся в 1905 г. экспедиция в г. Туркестан для снятия планов и зарисовок обликов мавзолея под руководством профессора Н.И. Веселовского. Администрация края также озабочилась безопасностью посетителей святыни и аварийным состоянием самого здания.

12 апреля 1906 года в г. Туркестан был командирован гражданский инженер В.С. Гейнцельман, в течение многих лет служивший чиновником особых поручений по строительной части при Туркестанском генерал-губернаторе. По результатам осмотра мавзолея Ясави 18 апреля 1906 г. он сделал письменный доклад Туркестанскому генерал-губернатору Д.И. Субботичу* [*далее: «Доклад» – прим. авт.]. Его доклад, занимающий главное место в обширном деле «О неисправности мечети Хазрета Ахмета Ясави и о передаче 2-х подсвечников», хранящийся в ЦГА РУз, стал своего рода масштабной программой ремонта и первоочередных противоаварийных мероприятий на турке-

станском памятнике [Ёлгин, 2018]. Вопросы финансирования этих начинаний занимают важное место в «Докладе», а также в других документах названного архивного дела.

Не имея возможности провести предварительные исследования и обмеры, В.С. Гейнцельман стоимость предстоящего ремонта оценивал довольно приблизительно. Тем не менее, вопрос о финансах был проработан так же основательно, как и другие положения «Доклада». Вторая часть «Доклада» – это, по сути, своего рода резюме первой, аналитической части и выработка мероприятий, направленных на ликвидацию многочисленных трещин в стенах и куполах, предотвращение обрушения аварийных сводов, укрепление северо-западного угла здания (мечети) и тыловой стороны пештака, устройство кровли, проведение мелких ремонтных работ. Особо выделены предварительные работы, включающие углубленное изучение конструкций, сопровождаемое фиксацией и обмерными чертежами.

Оценочная стоимость как отдельных видов работ, так и итоговые суммы предварительной сметы периодически (хотя и незначительно) менялись и самим Гейнцельманом, и в переписке должностных лиц. В «Докладе» В.С. Гейнцельман предполагает сумму от 40 до 55 тыс. руб [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 15 об.]. Эту же сумму называет туркестанский генерал-губернатор Д.И. Субботич в письме к председателю ИАК графу А.А. Бобринскому [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 27]. Исправляющий должность Туркестанского генерал-губернатора после экстренной отставки Субботича подтвердил сумму в 50 тыс. руб. [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 90]. Через год с небольшим Военный губернатор Сырдарьинской области поднимает её до 70 тыс. руб. [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 27].

Вопрос финансирования стал основным содержанием письма Гейнцельмана от 10 июня 1907 г. Этот документ свидетельствует о том, что В.С. Гейнцельману приходилось отстаивать не только теоретические положения своей программы ремонта мавзолея Ясави, но и обосновывать сметную стоимость всех видов работ. Но настроен он был решительно и нацелен на результат, поскольку считал, что «...достаточно иметь несколько тысяч рублей, чтобы начать работы, необходимые для прочности здания и безопасности людей» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 52].

Итоговая сумма колебалась постоянно. «Доклад» признал «безусловно необходимой сумму в 20–30 тысяч рублей» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 52]. Между тем только «укрепление подземной части мечети» [*мавзолея – прим. авт.], исправление окон, дверей, полов, составление «конструктивных чертежей» должно было обойтись в 20 тысяч рублей [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 51 об.].

Безусловно, В.С. Гейнцельман понимал всю тщетность усилий его как архитектора и властей как организатора и куратора ремонта без определения конкретных источников его финансирования. Выбор был не особенно велик. В первую очередь, государство (правительство). Затем сбор пожертвований среди мусульманского населения, главным образом, среди потомков святого Ясави; аналогичная акция среди научной и творческой интеллигенции Туркестанского края, группирующейся вокруг ТКЛА.

18 мая 1906 г. Д.И. Субботич обратился с письмом в ИАК к графу А.А. Бобринскому по поводу ремонта мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави и просьбой о финансовой поддержке. Ответ был предсказуем – денежных средств ИАК не имеет [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 27]. Тем не

менее, выразителем мнения ИАК по поводу судьбы мавзолея Ясави стал возглавляющий её граф А.А. Бобринский, археолог, не чуждый восточноведному направлению в археологии, куда поначалу относилась и мусульманская средневековая архитектура. В письме Туркестанскому генерал-губернатору от 22 сентября 1907 года А.А. Бобринский пишет: «Не может быть никакого сомнения, что русское правительство обязано отпустить необходимую на ремонт сумму, так как упомянутая мечеть* [*мавзолей Ясави – прим. авт.] принадлежит к числу важных и редких памятников древности» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 42]. Далее граф советует главе Туркестанского края обратиться по поводу ассигнования к Военному министру, обещая поддержать просьбу своим ходатайством. Но и в этом случае речь идёт о «сравнительно не очень большой сумме», достаточной только для поддержания северозападного угла мавзолея и исправления кровли с водостоками [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 42 об., 43].

Несмотря на то, что прецеденты финансирования из казны ремонтных работ в г. Туркестане всё же были (ремонт 1872, 1884–1886, 1886–1887 гг.), на сей раз государство *de facto* устранилось от финансовой поддержки собственных же инициатив. Если власть в лице крупных сановников (Туркестанские генерал-губернаторы Д.И. Субботич и Н.И. Гродеков, Российский Императорский консул, Генеральный консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский, камергер, гофмейстер Двора Его Величества, член Государственного Совета граф А.А. Бобринский) всецело поддерживали идею масштабного ремонта и сохранения мавзолея Ясави, то чиновники местной администрации сопротивлялись инициативам Ташкента и Петербурга и зачастую начинали действовать в пику их указаниям.

Если в начале 1908 г. Исправляющий должность Военного губернатора СДО представляет Туркестанскому генерал-губернатору подробнейший план работ, а Областной инженер Габбин составляет смету исследовательских работ и архитектурных обмеров, то спустя три месяца он же пишет в Канцелярию Туркестанского генерал-губернатора, что «... вся затрата на предварительные исследования мечети* [*мавзолея Ясави – прим. авт.] может оказаться бесцельною и не соответствовать желаниям и директивам указанных учреждений» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 73]. При этом, чтобы уйти от решения финансовых вопросов по мавзолею в Туркестане, местная администрация проявляет чудеса бюрократической изворотливости и весьма изобретательна в своей аргументации. Военный губернатор СДО тут же ссылается на Ст. 76 Строительного устава, согласно которой на местные административные органы возлагается «...обязанность воспрепятствовать разрушать памятники древности, но не возлагается заведование ими и производство работ по ремонту, и тем более реставрацию этих памятников» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 73]. В подтверждение этого Военный губернатор вспоминает циркуляр Департамента общих дел, утверждённый 4 ноября 1866 г. (!) [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 73]. Также согласно Ст. 78 Строительного устава, работы на памятнике архитектуры невозможны без согласования с ИАК и Императорской Академией художеств, забывая, что представители и той, и другой принимали участие в обсуждении «Доклада» В.С. Гейнцельмана [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 73]. По линии ИАК в судьбе памятника приняли участие её председатель граф А.А. Бобринский и профессор Н.И. Веселовский, со стороны ИАК – её выпускник архитектор А.И. Горохов, принимавший

участие в изучении мавзолея в составе экспедиции 1905 г.

Главным аргументом против исследования и ремонта памятника, по мнению Венного губернатора СДО, был тот факт, что мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави не был казённым зданием, никогда не находился в ведении Строительного отделения Сырдарьинского областного правления, а «находился в ведении и эксплуатации рода ходжей» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 73].

И хотя, как не без сарказма заметил Военный губернатор СДО, весь сбор на ремонт мавзолея Ясави на 1908 г. составил 4 рубля, именно на участие ходжей в сборе пожертвований возлагались определённые надежды.

В год, когда выпускник Института гражданских инженеров коллежский секретарь В.С. Гейнцельман прибыл к месту службы в Ташкент [Елгин, 2018, с. 202], Туркестанский уездный начальник подполковник А.Г. Реймерс обратился с рапортом от 24 июля 1879 г. к Военному губернатору СДО с предложением разрушить мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави «...для устранения опасности». Резолюция на рапорте Главного начальника края: «Не могу взять на себя разрешить уничтожить памятник. По моему мнению, следовало бы его реставрировать»* [*стилистика документа сохранена – прим. авт.] [ЦГА РУз, ф. И-17, оп. 1, д. 19184, л. 1]. Тогда же началось довольно продолжительное обсуждение проблемы сохранения мавзолея в г. Туркестане и его неотложного ремонта, документы которого отложились в двух архивных делах «О разрушении памятника, выстроенного Тамерланом в 1390 г.» [ЦГА РУз, ф. И-17, оп. 1, д. 19184] и «О расходах по ремонту мечети Хазрета и минарета в г. Туркестане Сыр-Дарьинской области: Дело Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора от 8/VIII 1879–10/VII

1882 № 7 с актом осмотра мечети и сведениями об её вакуфах» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 24, д. 73]. Из них следует, что смета В.С. Гейнцельмана, хоть и отмечена продуманностью, многообъемлющим характером и профессионализмом, была далеко не первой. В 1880 г. Секретарь Строительного комитета СДО правления Амбросвич представил смету, в которой только материалов на ремонт мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави насчитывалось на 10500 рублей. К ней прикладывались чертежи (не обнаружены) [ЦГА РУз, ф. И-17, оп. 1, д. 19184, л. 3 об.]. Ещё одну смету в 1889 г. составил Младший инженер Строительного отделения СДО правления капитан Раббин, приложив её к Отчёту по осмотру мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави [Архив Главного управления памятников материальной культуры и музеев Министерства культуры РУз, Я²³³²_{III 31}, л. 1]. И хотя имел место ремонт 1884–1886 и 1887 гг., вопрос о выделении средств на содержание мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави на протяжении десятилетия 1879–1889 гг. стоял очень остро. Тогда же, в 1884 г. Главному начальнику края явилась спасительная мысль о сборе средств среди жителей-мусульман, которую он выразил в резолюции на полях доклада инженера Амбросевича [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 5 об.]. Чиновники уровнем ниже к этой идее относились крайне скептически. Военный губернатор СДО в своём рапорте от 4 августа 1879 г. на имя генерал-губернатора докладывал: «По моему мнению, этот памятник следовало бы реставрировать **на правительственные средства**»* [*выделено нами – прим. авт.] и, также в крайнем случае, т.е. при отказе в деньгах, возможно было бы допустить на возобновление памятника сбор пожертвований с туземного населения края, хотя последняя мера, по моему мнению, ничтожна и

неудобна» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 24, д. 73, л. 12 об.]. Несмотря на это, при отсутствии правительственных субсидий, эта мысль казалась едва ли не единственным путём для реализации программы по ремонту мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави.

Полагаем, Младший инженер Строительного отделения СДО правления, а с 1884 г. – ташкентский городской архитектор и по совместительству чиновник особых поручений по строительной части при Туркестанском генерал-губернаторе В.С. Гейнцельман, был в курсе дел по ремонту и содержанию мавзолея Ясави. Неудивительно, что пожертвования мусульман г. Туркестана и всего Туркестанского края он счёл важной частью финансирования ремонта мавзолея Ясави. «В существовании этого здания, – пишет он в своём «Докладе», – заинтересовано всё местное мусульманское население края, наследники святого, а также сарты [города] Туркестана, имеющие немало дохода от богомольцев-мусульман. Надо полагать, что необходимые средства нетрудно будет собрать, если на то последует разрешение» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 18 об.]. При этом он оговаривается, что «...данными средствами здание только будет обезопасено от разрушения, и будет достаточно удобное пользование им для богослужения»* [стилистика документа сохранена – прим. авт.] [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 15 об.].

Идея сбора средств на ремонт мавзолея Ясави была подхвачена общественностью Туркестанского края. Газета «Туркестанские Ведомости» печатает передовицы и заметки о направлении средств на ремонт памятника [ЦГА РУз, ф. Р2810, оп. 1, д. 15, л. 9; О направлении пожертвований..., 1907; [Передовая], 1907; Ремонт мечети..., 1908]. Решение о сборе средств понравилось Н.Ф. Петровскому и было поддержано Тур-

кестанским генерал-губернатором Н.И. Гродековым [ЦГА РУз, ф. Р2810, оп. 1, д. 15, л. 8; Семёнов, 1926, с. 123]. Однако, как писал в 1922 году А.А. Семёнов, попытки эти имели «не полный успех» [Семёнов, 1926, с. 123]. Об этом докладывал в 1908 г. Исправляющий должность Военного губернатора СДО Туркестанскому генерал-губернатору: «Поступление пожертвований идёт крайне слабо, что объясняется неосведомлённостью туземного населения, особенно богатых представителей, о намерении администрации поддержать погибающий памятник» [Семёнов, 1926, с. 123].

Организацией сбора денежных средств администрация Туркестанского края снимала с себя часть забот по поддержанию памятника архитектуры в Туркестане, но в тоже время не могла пустить это движение на самотёк. Пока точно не установлено, когда был учреждён особый Комитет в г. Туркестане «с представителями колониальной администрации для сбора пожертвований и контролем за их расходом» [ЦГА РУз, ф. Р2810, оп. 1, д. 15, л. 11; Семёнов, 1926, с. 123]. Впервые об этом упоминает В.С. Гейнцельман в своём письме от 10 января 1908 г. в Канцелярию Туркестанского генерал-губернатора [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 60]. Предполагалось, что «это даст блестящий результат и потребную на ремонт сумму в 70 тыс. руб.» [ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 57].

Эти ожидания, однако, не оправдались. Только через два года после воззвания о сборе пожертвований в основном шейхами мавзолея Ясави была собрана сумма в 12000 руб. и проведён частичный ремонт в 1910 г., далёкий от амбициозных планов Гейнцельмана [Массон, 1930, с. 11; ЦГА РУз., ф. Р2810, оп. 1, д. 15, л. 10; ЦГА РУз., ф. Р2810, оп. 1, д. 16, л. 11]. Причём шейхи мавзолея Ясави вошли в частное соглашение с од-

ним из членов Строительного отделения СДО, наблюдавшим за ходом работ [не имеется ли в виду морской техник Н.А. Козловский? – прим. авт.]. Архитектор, пишет А.А. Семёнов, пострадал за участие в этой акции, администрация усмотрела в его действиях многие нарушения и отдала его под суд [Семёнов, 1926, с. 123–124].

В ходе переписки 1906–1908 гг. по ремонту мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави обозначился третий возможный источник поступления денежных средств. В мае 1906 г. генерал-губернатор Д.И. Субботич пишет председателю ИАК графу А.А. Бобринскому, что объявленный сбор средств на ремонт мавзолея Ясави в Туркестане может вызвать усиление поборов шейхами, что могло вызвать (дело происходило, заметим, в неспокойное послереволюционное время) протесты населения. Он просит графа о государственном ремонте [ЦГА РУз., ф. Р2810, оп. 1, д. 15, л. 10]. В своём письме к Исправляющему должность Туркестанского генерал-губернатора (Д.И. Субботич к этому времени ушёл в отставку и ввиду тревожной обстановки почти тайно покинул Ташкент) А.А. Бобринский сообщает, что ИАК денежных средств на ремонт мавзолея не имеет [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 27]. Бобринский обещал лишь научное содействие по изучению памятника, а также похлопотать перед государем. Николай II на докладе графа ему об этом начертал о своём желании отобрать тимуровские подсвечники у шейхов в обмен на даровой ремонт мавзолея [ЦГА РУз., ф. Р2810, оп. 1, д. 15, л. 10]. В письме управляющего Канцелярией

Туркестанского генерал-губернатора полковника Мустафина Чимкентскому уездному начальнику поручается довести до сведения шейхов волю императора [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 33]. Стоимость подсвечников, как следует из письма председателя ИАК Туркестанскому генерал-губернатору от 11 декабря 1906 г., не покрывала всех расходов на ремонт, и граф Бобринский ведёт речь уже о 5–6 тысячах рублей, что едва хватило бы на частичный ремонт наиболее угрожающих обрушением частей здания [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 27].

Шейхи мавзолея Ясави на уступки не пошли и провели в 1910 г. упоминавшийся выше ремонт. А.А. Бобринский надежд не терял и в марте 1908 г. обратился к П.А. Столыпину с просьбой о выделении средств на ремонт туркестанского мавзолея [ЦГА РУз., ф. Р2810, оп. 1, д. 15, л. 10]. В конце концов, проект по спасению одного из трёх великих зодческих творений Тимура, разработанный подробнейшим образом опытным архитектором и прекрасно начинавшийся при поддержке учёных-востоковедов и широкой общественности, окончательно заболтали. В декабре 1908 г. В.С. Гейнцельман был уволен от службы в администрации Туркестанского генерал-губернатора [Ёлгин, 2018, с. 202]. Лишь спустя 20 лет его начинания по мавзолею Ходжи Ахмеда Ясави были отчасти осуществлены в ходе ремонта в 1928 г., проводившегося под руководством архитектора Н.М. Бачинского, но уже с иных идеологических позиций и на основе других материально-технических условий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ёлгин Ю.А. В.С. Гейнцельман и его программа ремонта мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в 1906–1908 гг. // *Қазақстан археологиясы*. 2018. № 1–2. С. 201–214.
2. Маньковская Л.Ю. К истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане // *ЦГА РУз.*, ф. Р2810, оп. 1, д. 15.

3. Маньковская Л.Ю. Ремонты и реставрация мавзолея Ахмада Ясави в городе Туркестане Казахской ССР // ЦГА РУз., ф. Р2810, оп. 1, д. 16.

4. Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент: Типо-тит. № 2 Узполиграфтреста, 1930. 22 с.

5. О направлении пожертвований на ремонт мечети Ахмеда Ясеви // ТВ. 1907. № 75.

6. О неисправности мечети Хазрета Ахмета Ясави в г. Туркестане и о продаже 2-х подсвечников // ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828.

7. О разрушении памятника, выстроенного Тamerланом в 1390 г. // ЦГА РУз., ф. И-17, оп. 1, д. 19184.

8. О расходах по ремонту мечети Хазрета и минарета в г. Туркестане Сыр-Дарьинской области: Дело Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора от 8/VIII 1879 – 10/VII 1882 № 7 с актом осмотра мечети и сведениями об её вакуфах // ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 24, д. 73.

9. [Передовая]: О необходимости ремонта мечети Ходжа Ахмеда Ясеви // ТВ. 1907. № 56.

10. Ремонт мечетей Шейхантаур в Ташкенте и Хазрета в Туркестане // ТВ. 1908. № 65.

11. Семёнов А.А. Мечеть Ходжи Ахмеда Есевичского в г. Туркестане: Результаты осмотра в ноябре 1922 г. // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). 1926. Вып. I. С. 121–130.

12. Шахурин К.А. Научно-археологический отчёт по работам на памятнике архитектуры Ходжа-Ахмед-Ясеви в г. Туркестане в 1952 г. // Архив Главного управления памятников материальной культуры и музеев Министерства культуры РУз., Я ²³³²/_{III 31} .

Сведения об авторе

Ёлгин Юрий Андреевич – старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан); yolginiuriy@gmail.com

1906–1908 жж. ҚОЖА АХМЕТ ЯСАУИ МАВЗОЛЕЙІНЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН ЖӨНДЕУ ЖҰМЫСТАРЫ ТУРАЛЫ МӘСЕЛЕНІ ЗЕРТТЕУГЕ ҚАТЫСТЫ

Ю.А. Ёлгин

1906 ж. азаматтық инженер В.С. Гейнцельманның дайындаған кең ауқымды бағдарламасы бойынша Қожа Ахмет Ясаудің мавзолейіне жөндеу жұмыстарының жүргізілмей қалғандығы – бұл тимурлық сәулет жауһарының тарихнамасындағы осы күнге дейін ашылмаған беттері екені даусыз. Бұл мақалада алғаш рет Өзбекстан Республикасының Орталық мемлекеттік архивінің қорларында жатып қалған көптеген құжаттарда берілген осы жобаны қаржыландыру мәселесі қарастырылады. Осы материалдарға талдау жасау нәтижесінде түркістандық мавзолейге деген әртүрлі әлеуметтік топтардың: Түркістан қаласының дін басыларынан бастап – Николай II императорға дейін, алдыңғы қатарлы ғылыми және шығармашылық зиялылардан бастап – отарлау бюрократиясына дейінгілердің оған деген көз қарасы анықталды. Нәтижесінде ескерткіштің ғылыми және көркемдік құндылығының уақытша емес екендігін, Түркістан өлкесінің діндарлары үшін маңызы, сондай-ақ келер ұрпақ үшін оны сақтаудың қажеттілігін түсінуге қол жеткізілді.

Түйін сөздер: Қожа Ахмет Ясауи мавзолейі, Императорлық археологиялық комиссиясы, В.С. Гейнцельман, Д.И. Субботич, Н.И. Гродеков, А.А. Бобринский, жөндеу жұмыстары, құрбандық шалу жиынтығы, смета, қаржыландыру

TO THE STUDY OF KHOJA AHMED YASAWI MAUSOLEUM
REPAIR WORKS IN 1906-1908

Yu.A. Yolgina

Unrealized repair of Khoja Ahmed Yasawi Mausoleum, which large-scale program was developed in 1906 by civil engineer V.S. Heinzelman, is a completely unknown page in the historiography of Timur architectural masterpiece. In this article, the problem of financing this project is considered for the first time, reflected in a variety of documents deposited in the funds of the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. The analysis of this material showed the attitude towards the Turkestan mausoleum of the most diverse social layers: from the local clergy of Turkestan to the Emperor Nicholas II, from the advanced scientific and creative intelligentsia to the colonial bureaucracy. As a result, understanding of the continuing scientific and artistic value of the monument, its significance for the believers in the Turkestan region, and the need to preserve it for future generations, was achieved.

Keywords: Khoja Ahmed Yasawi Mausoleum, Imperial Archaeological Commission, V.S. Heinzelman, D.I. Subbotich, N.I. Grodekov, A.A. Bobrinsky, repair, collection of donations, estimates, financing

REFERENCES

1. Yolgina, Yu. A. 2018. In *Kazakhstan Archeology*, 1–2, 201–214 (in Russian).
2. Mankovskaya, L. Yu. In *Central State Archive of the Republic of Uzbekistan*, f. R2810, op. 1, d. 15 (in Russian).
3. Mankovskaya, L. Yu. In *Central State Archive of the Republic of Uzbekistan*, f. R2810, op. 1, d. 16 (in Russian).
4. Masson, M. E. 1930. *Mavzolei Hodzha Ahmeda Yasevi (Mausoleum of Khoja Ahmed Yasevi)*. Tashkent: Uzpologafrest Publ. (in Russian).
5. In *Turkestanskije vedomosti (Turkestan Gazette)*, 1907, 75 (in Russian).
6. In *Central State Archive of the Republic of Uzbekistan*, f. I-1, op. 12, d. 828 (in Russian).
7. In *Central State Archive of the Republic of Uzbekistan*, f. I-17, op. 1, d. 19184 (in Russian).
8. In *Central State Archive of the Republic of Uzbekistan*, f. I-1, op. 24, d. 73 (in Russian).
9. In *Turkestanskije vedomosti (Turkestan Gazette)*, 1907, 56 (in Russian).
10. In *Turkestanskije vedomosti (Turkestan Gazette)*, 1908, 65 (in Russian).
11. Semyonov, A. A. 1926. In *Izvestiya Sredneaziatskogo komiteta po delam muzeev, ohrany pamyatnikov stariny, iskusstva i prirody (Sredazkomstaris) (News of the Central Asian Committee on Museums, Protection of Ancient Monuments, Art and Nature)*, I, 121–130 (in Russian).
12. Shahurin, K. A. In *Archive of the General Directorate of monuments of material culture and museums of the Ministry of Culture of the Republic of Uzbekistan*, Я ²³³² III 31.

About the Author:

Yolgina Yuri A. Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; yolginiuriy@gmail.com

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 29.01.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 05.02.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 12.02.2019.

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
В ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ в 2018 году
(предварительное сообщение)¹**

© 2019 г. Т.Б. Мамиров, Н.М. Баиров, Е.Е. Клышев,
К.Б. Мамиров, С.Р. Куандык

В статье приводятся предварительные сведения о полевых исследованиях, проведенных сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана на стоянках каменного века в бассейне р. Деркул в 2018 г. Памятники Вавилино 1 и Деркул 1 расположены в долине р. Деркул и имеют сохранившиеся культурные слои, что делает эти памятники уникальными для изучения каменного века региона, так как памятников с сохранившимся культурным слоем в Западном Казахстане единицы. Проведенные в 2018 г. археологические раскопки показали наличие мощных культурных отложений на памятниках, богатые археологические находки в виде каменных артефактов, фрагментов керамики, костных остатков. Памятники предварительно датируются неолит-энеолитическим временем, более точный возраст будет получен по результатам радиоуглеродного анализа. Наличие большого количества костных остатков животных позволит определить их видовую принадлежность, а также решить вопросы доместикации некоторых из них в регионе. В настоящее время памятники относятся к категории аварийных, что также вызывает необходимость их скорейшего исследования.

Ключевые слова: археология, каменный век, неолит, энеолит, стратиграфия, костные остатки, культура, индустрия, керамика, каменное сырье

В полевом сезоне 2018 г. сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана были проведены археологические работы на памятниках каменного века Деркул 1, Вавилино 1 и Ешкитау (рис. 1). Если на палеолитической стоянке Ешкитау работы велись для определения границ памятника, то на первых двух памятниках были получены интересные материалы неолит-энеолитического времени.

Памятник Деркул 1, расположен на левом берегу одноименной реки в пределах 1 км от пос. Бирлик

(Кузнецово). Через памятник проходит водозащитный вал, который вскрыл северную часть памятника, южнее памятника расположены водосборники. Севернее памятника находится сопка сложенная кварцитовидным песчаником (сырье для каменных изделий), на которых встречены изделия палеолитического облика.

Стоянка Вавилино 1 расположена на правом берегу р. Деркул в 2 км к ЮВ от пос. Бастау (Вавилино). Памятник относится к категории аварийных, вдоль берега проведен искусственный вал для водотока,

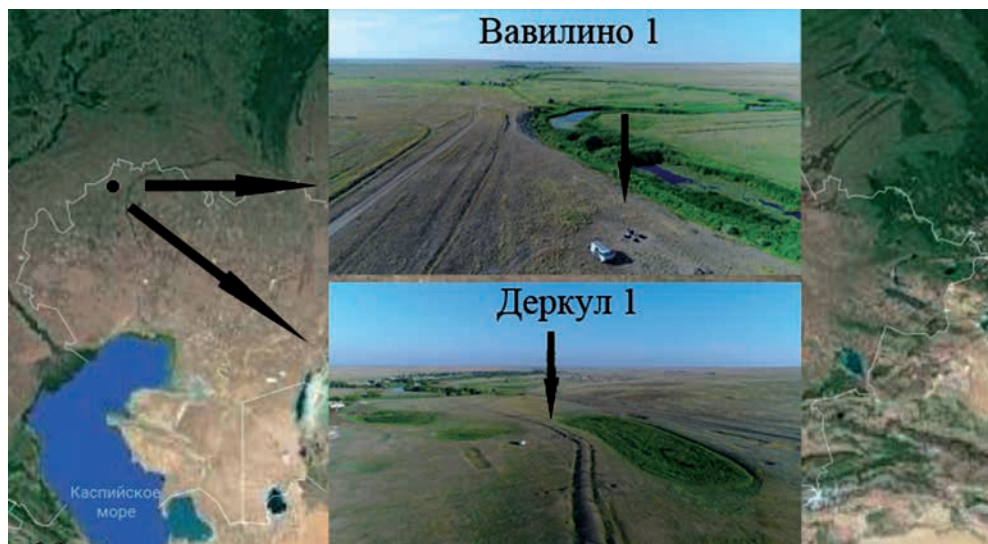

Рис. 1. Расположение памятников Вавилино 1 и Деркул 1. Фото Т.Б. Мамирова

Fig. 1. Location of the sites Vavilino 1 and Derkul 1. Photo by Mamirov T. B.

восточнее расположены огороды и водосборники, юго-западнее проведен газопровод и находятся пашни. Обрыв подмывают воды Деркула, обнажая культурные слои.

Впервые памятники в бассейне р. Деркул были обнаружены в 1986 г. Приволжской экспедицией Саратовского государственного университета под руководством Н.М. Малова [Малов, 1986]. Основной целью экспедиции было выявление памятников срубной культуры для составления Свода памятников данной культуры в Волго-Уральском междуречье. В ходе разведочных работ в бассейне реки Деркул было обнаружено более 20 памятников неолит-энеолитического времени.

На стоянке Вавилино 1 (Вавилово 2 по Н.М. Малову)² был собран подъемный материал на площади 25×80 кв.м, это каменные артефакты из кварцита (303 экз.), кремнистых пород (49 экз.), фрагменты керамики (26 экз.) и костные остатки. По типу изделий артефакты из кремнистых пород были отнесены автором к не-

олитическому времени, а из кварцита - к энеолиту.

На стоянке Деркул 1 был собран подъемный материал с площади 40×140 м, отмечено, что по процентному соотношению большинство артефактов выполнено из кварцита и единично - из кремнистых пород, в соотношении 303 на 39. Притом кремнь больше использован в пластинчатой индустрии (82%), а кварцит в отщеповой (77%). Также на памятнике был обнаружены фрагменты керамики (35 экз.), из которых два имеют следы орнамента. Памятник был отнесен автором к энеолитическому времени [Малов, 1986, с. 16].

В 1988 г. Волго-Уральской археологической экспедицией под руководством Н.М. Малова были проведены повторные поверхностные сборы на вышеуказанных памятниках, а также раскопки на памятнике энеолита Кузнецово 1. По характеру каменной индустрии были отнесены к эпохе неолита-энеолита [Малов, 1988]. Материалы сбора артефактов со стоянки Деркул по-

зволили исследователю отнести его к типу самарско-прикаспийских энеолитических памятников [Малов, 1989, с. 86].

В 1991 г. исследования на памятниках были проведены Оренбургской археологической экспедицией под руководством Н.Л. Моргуновой [Моргунова, 1991].

На стоянке Вавилино 1 Н.Л. Моргуновой были заложены два раскопа общей площадью 28 кв.м, в которых обнаружены 445 каменных артефактов, 14 фрагментов неорнаментированной керамики, 46 костей животных, из которых определимы кости крупного быка, лошадей и сайги. Памятник исследователем предварительно отнесен к неолитическому времени, а керамика соотнесена с раннеэнеолитической елшанского типа [Моргунова, 1991, с. 6–7]. Памятник предположительно определялся как самая южная точка елшанской культуры: «Если дальнейшие раскопки Вавилинской стоянки подтвердят ее связь с кругом елшанских памятников, то это будет самая южная точка распространения данной культуры» [Моргунова, 1995, с. 224].

На стоянке Деркул 1 в 1991 г. на месте большей концентрации артефактов также был заложен раскоп площадью 20 кв.м, в котором было обнаружено 17 фрагментов керамики, 480 каменных артефактов, 123 кости животных, из которых определимы кости куланов, сайги, волка,

овцы, КРС, лошадей, туров. В целом памятник отнесен к энеолитическому времени [Моргунова, 1991, с. 6–7]. К сожалению, несмотря на перспективность исследований, работы на памятниках по ряду определенных обстоятельств были прекращены.

В 2016 г. сотрудником Западно-Казахстанского областного центра археологии, истории и этнографии Д.В. Марыксиним [устное сообщение – прим. авт.] в районе стоянки Вавилино 1 были проведены разведочные работы с зачисткой кромки обрыва и небольшими сборами. Размыв водами р. Деркул культурного слоя памятника создавал угрозы уничтожению уникальных стоянок с сохранившимися культурными слоями. В 2018 г. сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана были предприняты работы по исследованию аварийных (на данный момент) памятников Деркул 1, Вавилино 1 и проведены разведочные работы.

На стоянке Вавилино 1 был заложен раскоп площадью 16 кв.м западнее раскопа 2 (1991 г.) (рис. 2). Раскопочные работы велись послойно по 10 см, с просеиванием грунта через сито. На дневной поверхности был поднят один вторичный скол из кварцитовидного песчаника без обработки, размерами 21,7×27,8×6,9 мм. В слое, глубиной до 50 см, выявлены более 1000 каменных артефактов, фрагментов керамики, костных остатков и дерева (табл. 1).

Таблица 1
Количество артефактов по глубинам на стоянке Вавилино 1
Table 1
Number of artifacts by depth in the settlement of Vavilino 1

Артефакты	0 см	0–10 см	10–20 см	20–30 см	30–40 см	40–50 см	Итого
Кремнистые породы		3	46	40	43	18	150
Кварцитовидный песчаник	1	115	262	344	124	34	880
Фрагменты керамики		3	1	6	5	3	18

Рис. 2. Стоянка Вавилино 1, вид с юга. Фото Т.Б. Мамирова

Fig. 2. Site Vavilino 1, view from the south. Photo by Mamirov T.B.

Как видно на приведенной таблице, основным каменным сырьем для орудий послужили кремнистые породы и кварцитовидный песчаник. Соотношение артефактов из сырьевого материала в процентном отношении распределяется следующим образом: в верхних слоях кремнистое сырье составляет всего 2,5%, дальше по глубине его количество растет до 34,6% в нижних слоях.

На глубине 0–10 см выявлены всего три артефакта из кремнистого сырья, представленные двумя концевыми скребками и медиальным фрагментом пластины. Артефакты из кварцитовидного песчаника (115 экз.) представлены такими орудиями (12 экз.), как концевые скребки, угловой скребок, фрагменты пластин с ретушью, фрагменты сколов с ретушью.

На глубине 10–20 см орудийный набор из кремнистого сырья составляет 41,3% из всех артефактов из этого сырья. Орудия представлены следующими категориями: скребки различных модификаций, фрагменты пластин и сколов с ретушью, проколка, 8% изделий изготовлено из кварцитовидного песчаника. Орудия представлены концевым скребком, фрагментами пластин с ретушью, отщепами с выемчатыми и зубчатыми лезвиями, а также геометрическим микролитом (трапеция).

На глубине 20–30 см орудийный набор составляет 35% от артефактов из кремнистого сырья, представлен концевыми скребками, перфоратором, пластиной и фрагментами пластин с ретушью, фрагментами сколов с ретушью. Орудия из кварцитовидного песчаника составляют 6,4%,

представлены концевыми скребками, скреблом, выемчатым орудием, фрагментами пластин и сколов с ретушью, геометрическим микролитом (трапецией).

На глубине 30–40 см орудийный набор составляет 23,2% от артефактов из кремнистого сырья, представлен скребками, фрагментами пластин и сколов с ретушью. Орудий из кварцитовидного песчаника - 4%, они представлены скребком, фрагментами пластин и сколов с ретушью. В коллекции находится один одноплощадочный односторонний призматический нуклеус для пластин (рис. 3).

На глубине 40–50 см орудийный набор составляет 18,8% от артефактов из кремнистого сырья, представлен скребками и фрагментом пластины с ретушью. Орудий из кварцитовидного песчаника - 5,9%, представлены скребком и фрагментом пластины с ретушью.

Фрагменты керамики плохой сохранности, на памятниках были взяты пробы на ряд анализов для определения абсолютного возраста памятника и палеоклиматических условий. Индустрия отличается по составляющей сырья, для кварцитовой характерна отщеповая индустрия, для кремневой – пластинчатая. Наличие в окрестностях выходов кварцитовидного песчаника позволила населникам использовать его в большом количестве, а также производить на стоянке орудия, об этом свидетельствует наличие нуклевидных форм, а также множество отходов производства в виде фрагментов пластин, отще-

пов, чешуеек. Результаты технико-типологического анализа согласуются с предыдущими результатами, полученными в ходе изучения материалов данной стоянки. На памятнике были отобраны серии проб для получения абсолютной даты памятника и установления палеоклиматической обстановки в районе стоянки.

На памятнике Деркул 1 был заложен раскоп площадью 16 кв.м, в виду насыщенности культурными остатками, до глубины 170 см было пройдено 8 кв.м. В результате было обнаружено большое количество каменных находок (более 4000), костных остатков животных. Концентрация находок очень большая, поэтому грунт тщательно просеивался через сито для извлечения всех артефактов (рис. 4). Сырьевая база практически однородная (98,2%) – кварцитовидный песчаник желтовато-серого и светло-серого оттенка, выходы которого расположены на ближайшей сопке к северу от памятника, крем-

Рис. 3. Раскопки на стоянке Деркул 1.
Фото Т.Б. Мамирова

Fig. 3. Excavations at the site Derkul 1.
Photo by Mamirov T.B.

нистое сырье использовано единично. Судя по большой мощности культурного слоя, на памятнике происходило быстрое накопление аллювия в энеолитическое время. Это было долговременное поселение энеолитического времени, где основным видом хозяйства были охота и скотоводство, об этом свидетельствуют наличие костей таких животных (определение П.А. Косинцева), как тура, КРС, лошади и др. [Моргунова,

1991, с. 10]. Для получения точных данных о палеоэкологической обстановке и хронологической рамке существования памятника были взяты образцы на радиоуглеродный анализ, микробиоморфный, гуминовый и др. Работы по исследованию каменных коллекций, костных остатков стоянок Вавилино 1 и Деркул 1 продолжаются, и они дополняют предварительные сведения.

Рис. 4. Каменные изделия стоянки Вавилино 1 (глубина 30–40 см): 1 – нуклеус; 2–3 – концевые скребки; 4–5 – фрагменты пластин с ретушью.
Фото Т.Б. Мамирова

Fig. 4. Stone products of the Vavilino 1 site (30–40 cm depth): 1 – nucleus; 2–3 – scrapers; 4–5 – fragments of blade with retouching. Photo by Mamirov T.B.

Примечания:

1 – Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта AP05134087).

2 – Следует отметить, что нами принято наименование памятника Вавилино 1 (по Н.Л. Моргуновой), так как первое наименование Вавилово 2 не соответствует административному наименованию близлежащего населенного пункта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малов Н.М. Отчет об археологических разведках произведенных в Каменском районе Уральской области в 1986 году // Архив ИН КН МОН РК, ф. 11, оп. 2, д. 3046
2. Малов Н.М. Разведки на Деркуле // Археологические открытия 1986 года. М.: Наука, 1988. 486 с.

3. Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул за 1988 г. // Архив ИН КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2234

4. Моргунова Н.Л. Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул у с. Кузнецово Каменского района Уральской области по Открытому листу, выданному Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова /от 24.06.91 г./ // Архив ИН КН МОН РК, ф. 2, оп. 1, д. 2362

5. Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Южный Урал, 1995. 224 с.

Сведения об авторах:

Мамиров Талгат Базарбаевич – кандидат исторических наук, директор, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Нур-Султан (г. Нур-Султан, Казахстан); tmamirov@mail.ru

Баиров Нурсултан Малибаевич – магистр педагогического образования, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); nmbairov91@mail.ru

Клышев Ерлан Ерсайнович – магистр истории, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); Klishev_erlan82@mail.ru

Мамиров Кайрат Базарбаевич – специалист истории, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); kairatm_1985@mail.ru

Қуандық Самрат Русланұлы – магистрант археологии и этнологии очной формы обучения, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); s.r.kuandyk@mail.ru

2018 ЖЫЛҒЫ БАТЫС ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫНДАҒЫ ТАС ДӘУІРІНЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР (алдын ала хабарлау)

**Т.Б. Мамиров, Н.М. Баиров, Е.Е. Клышев,
К.Б. Мамиров, С.Р. Қуандық**

Мақалада 2018 ж. Деркул өзені алабындағы тас ғасыры тұрағына Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты жүргізген далалық зерттеулер туралы алдын ала мәліметтер келтіріледі. Вавилино 1 және Деркул 1 ескерткіштері Деркул өзенінің алқабында орналасқан, бүлінбеген мәдени қабатының болуы бұл ескерткіштерді аймақтың тас ғасырын зерттеу үшін бірегей болып табылады, себебі Батыс Қазақстанда мәдени қабаты сақталған ескерткіштер өте сирек. 2018 жылы жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары ескерткіштердегі қуатты мәдени шөгінділердің бары және тас артефактілері, қыш сынықтары, сүйек қалдықтары түріндегі бай археологиялық жәдігерлердің бар екенін көрсетті. Алғашқы күндері неолит-энеолиттік дәуірінің ескерткіштеріне сәйкес мерзімделді, нақтырақ жасы радиокөміртекті талдаудың негізінде анықталады. Сүйек қалдықтарының санының көп табылуы олардың түрлік сұрыпталуының анықталуына қолайлы жағдай туғызады, сондай-ақ өңірдегі олардың кейбір түрлерінің қолға үйретілуі мәселелері де анықталуын шешуі мүмкін. Қазіргі уақытта ескерткіштер апаттық санатқа жатады, сондықтан оларды жылдамырақ зерттеу қажеттілігі туындап отыр.

Түйін сөздер: археология, тас ғасыры, неолит, энеолит, стратиграфия, сүйек қалдықтары, мәдениет, өнеркәсіп, керамика, тас шикізаты

**FIELD STUDIES OF THE STONE AGE
IN THE WESTERN KAZAKHSTAN REGION IN 2018
(preliminary report)**

T.B. Mamirov, N.M. Bairov, E.E. Klyshev, K.B. Mamirov, S.R. Kuandyk

This article is devoted to presents a preliminary information about the field research conducted by the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology in the Stone Age sites in the basin of the Derkul river in 2018. Sites Vavilino 1 and Derkul 1 are located in the valley of the river Derkul, and have preserved cultural layers, which makes these monuments unique for the study of the stone age of the region, as there are only a few monuments with a preserved cultural layer in Western Kazakhstan. The archaeological excavations in 2018 showed the presence of powerful cultural deposits, rich archaeological finds: stone artifacts, fragments of ceramics, bone remains. Monuments are pre-dated to the Neolithic-Eneolithic time, radiocarbon data will give a more accurate age. The presence of a large number of bone residues will determine their species identity, and it is also possible to solve the questions of the domestication of some of them in the region. Currently, the monuments are classified as emergency, so their study is of great relevance.

Keywords: archaeology, Stone Age, Neolithic, Eneolithic, stratigraphy, bone debris, culture, industry, ceramics, stone raw materials

REFERENCES

1. Malov, N. M. 1986. In Archive A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, fund 11, inv. 2, dossier 3046 (in Russian).
2. Malov, N. M. 1988. In *Arheologicheskie otkrytiya 1986 goda (Archaeological Discoveries in 1986)*. Moscow: "Nauka" Publ., 486 (in Russian).
3. Malov, N. M. 1989. In Archive A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, fund. 2, inv. 2, dossier 2234 (in Russian).
4. Morgunova, N. L. 1991. In Archive A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, fund. 2, inv. 1, dossier 2362 (in Russian).
5. Morgunova, N. L. 1995. *Neolit i jeneolit juga lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ja (Neolithic and Eneolithic of the south of forest-steppe of the Volga-Ural interfluvie)*. Orenburg: "Yuzhnyi Ural" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Mamirov Talgat B. Candidate of Historical Sciences, Director, Branch of the A.Kh. Margulan Archeology Institute in Nur-Sultan (Nur-Sultan, Kazakhstan); tmamirov@mail.ru

Bairov Nursultan M. Master of Education, Junior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan); nmbairov91@mail.ru

Klyshev Yerlan Y. Master of History, Junior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan); Klishev_erlan82@mail.ru

Mamirov Kairat B. A history specialist, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan); kairatm_1985@mail.ru

Kuandyk Samrat R. Master student of archaeology and ethnology full-time tuition, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; s.r.kuandyk@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 07.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 15.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 23.10.2018.

РАБОТЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ НА ПАМЯТНИКАХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ИЛЕКСКОГО МИКРОРАЙОНА (предварительные итоги)

© 2019 г. А.А. Бисембаев, А.И. Хаванский, Г.А. Ахатов,
М.Н. Дуйсенгали, А.М. Мамедов, Н.Т. Бидагулов, А.Б. Урзова,
В.А. Амелин, Н.М. Баиров

В статье отражены результаты исследований памятников ранних кочевников Илекского локального микрорайона Приаральско-Мугалжарского региона, полученные за последние несколько лет. Работы ведутся с 2015 г. Планомерные исследования сосредоточены в окрестностях села Родниковка (Мартукский р-н, Актюбинская обл.). Данная группа памятников приурочена к бассейну р. Илек и выделена в соответствующий микрорайон. Раскопками исследовались курганы на могильниках Бисоба, Шпаки II, Кураша I и Кайынбулак II. Новые данные, а также материалы, полученные в 1960–1980-х гг., позволяют говорить о значительной концентрации населения и элитарном характере кочевых групп, проживавших здесь в середине I тыс. до н.э. Значительные размеры объектов, обнаруженные бронзовые котлы, литые предметы конской сбруи, каменные жертвенники, предметы вооружения и многое другое, являются яркими признаками доминирующей группы в регионе.

Ключевые слова: археология, Илек, Бисоба, Шпаки, Кураша, ранние кочевники, сарматы, погребальный обряд

Исследования, проводимые с 2015 г. в Западном Казахстане, связаны с его природно-географическим районированием. Восточная часть этой территории находится в пределах Актюбинской области и относится к Приаральско-Мугалжарскому географическому региону. Западный Казахстан характеризует значительное разнообразие, последовательная смена крупных природных зон – от лесостепи в долине Урала до пустынь Северного Приаралья. Поэтому изучение памятников различных эпох и наиболее многочисленных – раннекочевнических – весьма перспективно, исходя именно из природно-географического районирования.

Природно-географические характеристики рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних кочевников. Оформление природно-климатических характеристик в тех чертах, что мы наблюдаем сегодня, отразилось на хозяйственных занятиях населения, проявилось в формировании пастбищно-кочевой системы – основы экономики nomadных обществ [Акишев, 1972, с. 31]. У кочевых образований на левом берегу Урала в VI–IV вв. до н.э. сложился крупный племенной союз, консолидирующая группа (элита) которого избрала местом своего обитания сред-

нее течение магистральной артерии, по обоим берегам наиболее крупного левобережного притока. Иллюстрацией этому служат яркие комплексы Кырык Оба, Лебедевка, Покровка и т.д. Особенность данной ситуации была подмечена К.Ф. Смирновым еще в период первых исследований в бассейне Илека, вынесшим географическую локализацию в название монографии [Смирнов, 1975].

Система гидросети, направленность и сосредоточие водных артерий являются важнейшими факторами влияния на кочевую экономику, характер проживания населения, его концентрацию и т.д. Западный Казахстан расположен в европейской и азиатской частях Евразии с соотношением по площади порядка 7:3. Граница между этими частями света в пределах Казахстана проводится по Мугалжарам, Эмбе и по геологическим разломам в северной части акватории Каспийского моря – озера. Природные различия между западной и восточной частями региона, к востоку от р. Эмба, очевидны: ландшафт резко приобретает азиатский характер (главным образом из-за смены состава биот и биомов). Регион имеет наибольшее протяжение с севера на юг – около 900 км, с запада на восток около 1200 км и занимает площадь в 729,2 тыс. кв.км.

Факторы природно-географического характера представляют собой исторический фон, обусловивший, в конечном итоге, расположение, количественный состав и специфику памятников кочевого населения в раннем железном веке. Важность и необходимость анализа региональных особенностей, возникающие из территориального фактора – значительных размеров и, соответственно, различных природно-географических

условий Западного Казахстана, для раннего железного века приобретает особую актуальность [Бисембаев, 2009, с. 217]. В этой связи появляется возможность внутрирегионального сравнения памятников по локальным микрорайонам, применение как внутренней корреляции, по признакам погребального обряда и основным элементам материальной культуры, так и внешней, связанной с сравнением с памятниками крупных соседних регионов – Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Южного Приаралья, Центрального и Северного Казахстана. Локализация и картографирование выявленных памятников ранних кочевников в рассматриваемом регионе позволяет провести предварительное районирование, вычленение группы микрорайонов, привязанных к бассейнам степных рек левобережья Урала. В перспективе направление исследований будет ориентировано на сравнительный анализ между микрорайонами: Илекским, Темиро-Эмбенско-Сагизским, Ор-Иргизским и Уило-Кобдинским. На территории обозначенных микрорайонов присутствуют свои элитарные группы памятников, являвшиеся, соответственно, консолидирующими центрами племенных группировок в рамках пастбищно-кочевой системы.

Аридность и континентальность климата, нарастающие с севера на юг и с запада на восток, являются важными характеристиками, определяющими уровень роста растительности, связанной с кормовой базой, численностью разводимого скота, и соответственно, с численностью проживавшего населения. Приспособление человека в сложных условиях привело к созданию максимально эффективной экономики, сообразно окружающей

среде, и, в конечном итоге, выразилось в увеличении численности населения в середине I тыс. до н.э. Памятники ранних кочевников по территории левобережья Урала численно доминируют над памятниками других эпох. Занимая возвышенные территории – гребни водоразделов, вторые надпойменные террасы, платообразные возвышенности, археологические объекты ранних кочевников образуют комплексы памятников от одиночных и парных курганов, до могильников с сотнями насыпей [Ахатов, Бисембаев, 2015, с. 503–515].

При развитии кочевого скотоводства в его локальных и региональных вариантах важное значение приобретает гидросеть, ее густота, насыщенность и обеспечение потребностей кочевого хозяйства. Поверхностные воды региона состоят из водотоков (постоянных и временных), бессточных озер. Реки принадлежат к внутренним замкнутым бассейнам Каспийского и Аральского морей. Характер гидрографической сети, режим и сток рек региона существенно зависит от широтной зональности климата и ландшафтов. В связи с дефицитом влаги, особенно в пустынных районах, поверхностный сток мал, речная сеть разрежена, а реки маловодны. С ландшафтно-климатической зональностью связана неравномерность густоты речной сети. В степной зоне она равна 0,1–0,5 км/км², в пустыне снижается до 2 м/км² и даже до 0 [Физическая..., 1998, с. 79]. Важным фактором, напрямую связанным с гидрографическими условиями и оказывающим самое непосредственное влияние на динамику скотоводческого хозяйства, демографические аспекты (концентрация или дисперсность в локализации кочевых группировок), является объем биомассы

растительного покрова. Распределение растений и самой растительности подчинено общему закону горизонтальной и вертикальной зональности. По растительному покрову Приаральско-Мугалжарский регион содержит элементы четырех зон. По берегу Урала незначительно, но присутствует лесостепь. Далее, проходит зона настоящих степей, значительная средняя часть региона включается в зону пустынных степей или полупустынь, южная часть находится в зоне пустынь.

Илек – магистральный, левобережный приток Урала, несущий свои воды по меридиану, и таким образом максимально комфортен для кочевания с севера на юг вдоль его берегов. Он полноводен и сам имеет богатые притоки, способные обеспечить жизнедеятельность больших скотоводческих коллективов. Среднее течение проходит по Приаральско-Мугалжарскому региону и весьма насыщенно право- и левобережными притоками.

Илекский археологический микрорайон насыщен интересными и высокоинформативными памятниками раннего железного века. В начале XXI в. здесь были изучены могильники Бисоба, Шпаки II, Кураша I, Кайынбулак II. В данной публикации будут рассмотрены наиболее яркие и показательные погребальные комплексы этих могильников.

Могильник Бисоба, расположенный на полях АО «Родники», подвергался регулярной распашке, постепенно теряя свои первоначальные размеры. После длительных переговоров было достигнуто соглашение между руководством Акционерного общества и КГУ «Центр исследования, реставрации и охраны историко-культурного наследия», позволившее

исследовать в полевом сезоне 2018 г. три кургана №№ 3, 8, 9. Могильник, зафиксирован в начале XX в. С.П. Банновым. Он расположен севернее пос. Родниковка (Мартукский р-н, Актюбинская обл.) и приурочен к правому берегу Илека, в его среднем течении. Памятник находится на обширном плато южнее начала Киялы-Буртя и севернее Терис-Бутака. Объекты могильника раскапывались в 1977 и 1986 гг. [Китов, Мамедов, 2014, с. 14–15].

Курган № 8 диаметром 48 м и с сохранившейся, после многолетней распашки, высотой 2 м. Параметры объекта свидетельствуют о том, что его сооружение изначально было связано с высокой степенью трудозатрат, а также указывают на принадлежность погребенных к элитным группам населения. При исследовании насыпь была снята тремя траншеями, с оставлением стратиграфических профилей по линии 3–В. В насыпи кургана в западной его части выявлены кости лошади без элементов узда; в юго-восточной – кости животных: мелкого и крупного рогатого скота, а также интересный экземпляр акинака со следами вторичного использования. В северной части кургана кроме костей лошади обнаружены две пары двусоставных двуколычатых железных удил.

В центральной части кургана был сооружен «помост» из дерева и коры, диаметром около 17–18 м, со следами посыпки мелом. На помосте расчищено погребение № 1, содержащее останки трех человек, с южным сектором ориентировки. Сопровождающий предметный комплекс представлен тремя деформированными разными по размеру котлами с ручками, имевшими грибовидные выступы; акинаками; наконечниками стрел;

зеркалом; развалами сосудов; массивным наконечником копья; железной портупейной обоймой, декорированной плакированным листком золотой фольги зигзагообразным орнаментом; золотым кольцом на мизинце левой руки второго погребенного (рис. 1). Второе погребение находилось под «помостом», юго-западнее центра. Погребение № 3 конструктивно отличается от предыдущего, так как имеет западную ориентировку; выполнено в виде глубокой и значительной по размерам катакомбы(?), с обрушившимся сводом, протянутой по линии 3–В, и перпендикулярным по линии С–Ю входом «дромосом» с входными ступенями. Сопровождающий инвентарь представлен круглым каменным жертвенником с ножками в виде голов волка, наконечниками стрел, крупным плоским бронзовым зеркалом, гадальными камешками, железными стержнями (рис. 2, 3).

Курган № 3 расположен несколько западнее самого крупного объекта могильника, диаметром 24 м и с сохранившейся высотой около 20 см. В насыпи зафиксированы кости лошади и предметы конской упряжи из железа и бронзы. Центр кургана изрезан норами грызунов, сильно потревоживших погребения. Погребения 1 и 3 имели южную ориентировку захороненных и весьма богатый сопровождающий инвентарь – каменный жертвенник на двух ножках, акинак с бабочковидным перекрестием и зооморфным навершием, зеркала, наконечники стрел и остатки сосудов (рис. 2, 1, 2). Из погребения 1 подняты пять экземпляров оригинальных зооморфных бронзовых подвесок размерами около 3,5×2,5×1,5 см, представлявших собой соединение двух фигур животных, в двух плоскостях – горизонтальной и вертикальной.

Рис. 1. Могильник Бисоба, к. № 8, п. 1. 1 – придонная часть погребения;
2 – бронзовый котел. Фото А.А. Бисембаева

Fig. 1. Burial site Bisoba, mound number 8, grave 1. 1 – the bottom part of the burial;
2 – bronze cauldron. Photo by Bisembayev A.

Рис. 2. Погребения из курганов №№ 3 и 8 могильника Бисоба. 1 – к. № 3, п. 1; 2 – к. № 3, п. 2; 3 – к. № 8, п. 3. Фото А.А. Бисембаева

Fig. 2. Burials from the mounds No. 3 and 8 of the Bisoba burial. 1 – mound number 3, burial 1; 2 – mound number 3, burial 2; 3 – mound number 8, burial 3.
Photo by Bisembayev A.

С одной стороны – это грифон с головой, повернутой назад и небольшим плоским хвостом. С другой стороны – это черепаха (скорпион, ящерица?). При этом хвост грифона служит ее головой, а голова грифона – согнутым в кольцо хвостом. Идентичные образы авторам раскопок не известны.

Курган № 9, расположенный в юго-восточной части могильника, погребальных ям не содержал. Вероятно, он представляет собой ритуальное сооружение, в пользу чего свидетельствует мощный, до 15 см толщиной, слой прокаленной почвы, а также зола и угольки, выявленные в различных частях этого сооружения. Кроме того, здесь зафиксированы вкрапления мела. По внешним параметрам объект обнаруживает сходство с курганом № 3, но он несколько выше (до 0,3 м).

В целом, данные полученные в ходе исследования могильника Бисоба, - ориентировка погребенных (запад и юг); инвентарный комплекс, содержащий каменные жертвенники, акинаки, наконечники стрел, бронзовые котлы и предметы конской упряжи, зеркала и лепные сосуды, относящиеся к рубежу VI–V вв. до н.э., - пополняют источниковую базу по памятникам Илекского микрорайона.

Наиболее близким по локализации и по топографической ситуации к описанному выше памятнику (расположение на обширном плато с выходом к руслам пересохших и действующих родников и ручьев), является могильник **Шпаки II**. Он также в течение длительного времени подвергался распашке, что привело к потере первоначальных размеров и форм насыпей. Здесь исследованы два кургана.

Курган № 3 расположен в центральной части могильника, диамет-

ром около 22 м и с сохранившейся высотой менее 1 м. В ходе раскопок объекта была отработана фиксация материала и предпринята попытка построения трехмерной модели. Для чего последовательно, после полного документирования, был вынесен весь грунт насыпи, включая и бровки. Фотофиксация велась вкруговую, с одних и тех же точек, после снятия слоев насыпи. С целью сохранения элементов подкурганных конструкций первоначально по периметру насыпи были заложены радиальные шурфы.

В результате полного выбора грунта был сохранен и полностью прослежен основной элемент подкурганной погребальной конструкции – земляной вал, в диаметре составлявший 14,5 м. Максимальная ширина вала была зафиксирована в северо-западной части и составила 2,3 м. Наиболее узкая ширина вала выявлена в южной части – 1,2 м. Поверхность вала представлена светло-желтым суглинком с примесью песка (рис. 3, 1). Основное, интересное по погребальному обряду и инвентарному набору, погребение № 2 располагалось в центральной части кургана. Общие размеры могильной ямы составили 3,8×3,1 м, глубина 1,5 м. Зафиксированы остатки деревянного перекрытия, оказавшегося продавленным внутрь на 1,12 м и представлявшего собой конус, направленный вершиной вниз. На дне погребения были зачищены хорошо сохранившиеся два скелета (рис. 3, 2). Оба костяка ориентированы в восточном направлении. В северной и восточной части погребения, у стен были обнаружены кости МРС и лошади. Между костяками животных зафиксированы два керамических лепных сосуда различной сохранности. Первый, сохра-

Рис. 3. Могильник Шпаки II, к. № 3. 1 – общий вид раскопа; 2 – погребение 2.
Фото А.А. Бисембаева

Fig. 3. Burial ground Shpaki II, barrow number 3. 1 – a general view of the excavation;
2 – burial 2. Photo by Bisembayev A.

нившийся, сосуд имел яйцевидное тулово и плоское дно. Высотой 10,7 см, диаметром: венчика 8 см, дна - 7,5 см. Второй был разрушен при завале могильной ямы.

Сосуды похожих очертаний и пропорций, несколько более крупных размеров, располагались между костяком № 2 и костями МРС (обнаруженных вдоль подножия ЮВ стенки). Инвентарь погребения представлен железными акинаками хорошей сохранности, на тазовых костях обоних костяков, имитирующими стандартное расположение в ножнах. Они имели определенное различие в размерах, но в остальном прослеживается сходство. Общая длина кинжала у костяка № 2 составила 28 см. Лезвие в длину составляет 17 см, ширина у перекрестия - 3,5 см. Перекрестие бабочковидное, навершие брусковидное. Длина рукояти - 8,5 см, ширина 3,3 см. Кроме того, обнаружены костяная игла, железная ворворка, колчаный крюк, бронзовые наконечники стрел, амулет из кабаньего клыка. У ладони костяка № 2 был найден оригинальный костяной предмет, выполненный в зооморфном стиле. Вероятно, это рукоять нагайки, длиной 29,5 см, диаметр сечения 1,8 см. На концах предмета прослеживаются украшения скульптурами волка с оскаленной пастью. На одном из концов видны следы сильной потертости.

Погребение № 1 было врезано в основное погребение (№ 2) в центральной части кургана (в 50 см к западу от условного центра). На поверхности погребения прослеживалось надмогильное сооружение из камней прямоугольной формы со скругленными углами. Камни различных форм и величины были углублены в материк. Высота сооружения

от уровня материка составила 65 см, длина 1,8 м, ширина 97 см. В процессе вскрытия погребения, на дне, был расчищен скелет взрослого человека, головой ориентированного на ЮЮЗ. Погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. Инвентарь скуден и представлен фрагментом железного изделия, разрушенным сосудом, фрагментом железного изделия и акинаком. Длина акинака составила 27 см. Перекрестие - бабочковидное. Форма навершия меча в виду плохой сохранности не устанавливается. Лезвие сужалось от рукояти к острию. Ширина лезвия у перекрестия - 3 см, длина - 22 см. Ширина рукояти достигает - 3 см, длина - 5 см.

Курган № 4 (диаметр 20 м, высота 0,8 м). В ходе исследования насыпи в центральной траншее были выявлены остатки деревянной конструкции, сожженной еще в древности. Поверх конструкции находились элементы каменной выкладки, скорее всего, разброс камней образовался в результате распахки насыпи. Также в центральной траншее были обнаружены фрагменты керамических сосудов и пряслице, выполненное из керамики. В центральной части кургана были обнаружены кости МРС. Помимо костей животных, в насыпи фиксировались и кости человека (рис. 4, 1).

Из погребения № 1, обнаруженного в 3 м к северу от основного погребения кургана, подняты гадальные камни, выложенные в пирамидальную конструкцию, жертвенник на двух ножках между правым боком и рукой погребенной, бронзовое зеркало, бусы, каменное пряслице. Ориентировка погребенного человека - западная. Могильная яма неглубокая - 83 см, размеры подпрямоугольной по форме ямы 2,3×1,72 м (рис. 4, 2).

Рис. 4. Могильник Шпаки II, курган № 4. 1 – общий вид раскопа; 2 – погребение I.
Фото А.А. Бисембаева

Fig. 4. Burial ground Shpaki II, barrow no. 4. 1 – general view of the excavation; 2 – burial I. Photo by Bisembayev A.

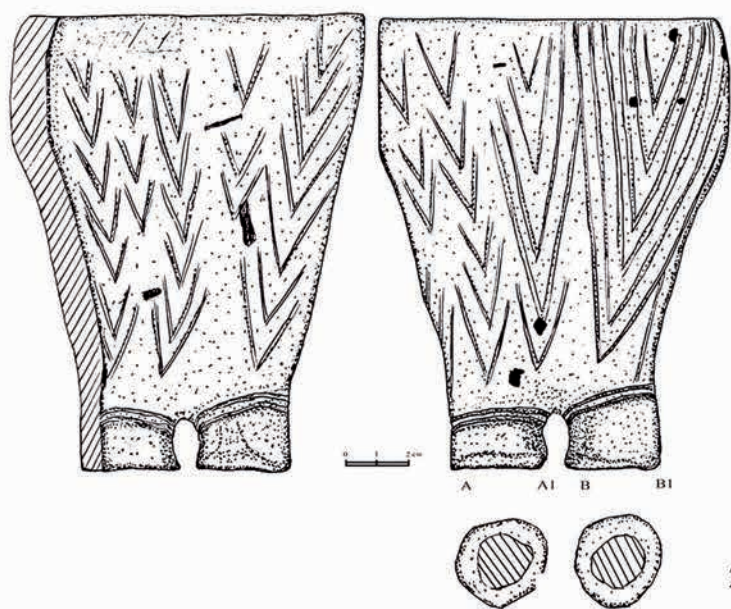
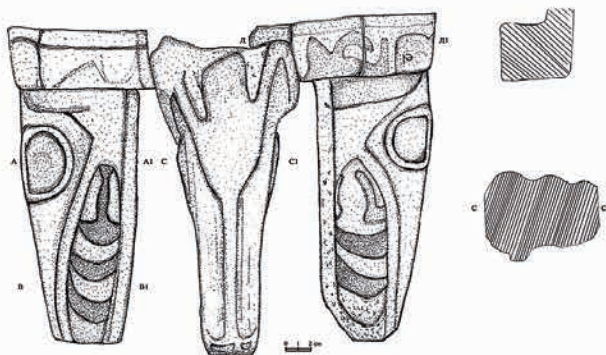

Рис. 5. Курган Кураша I, п. 1. 1 – придонная часть погребения; 2 – курильница.
Фото А.А. Бисембаева

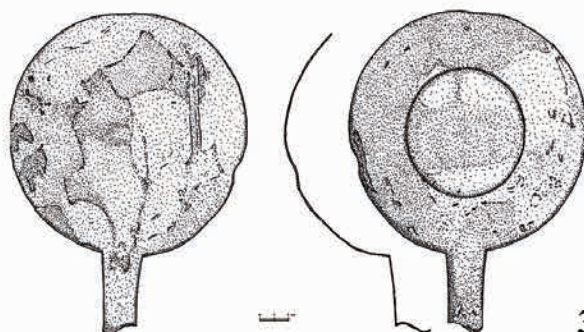
Fig. 5. Mound of Kurash I, burial 1. 1 – bottom part of the burial; 2 – incense burner.
Photo by Bisembayev A.

1

2

3

Рис. 6. Курган Кураша I, п. 2. 1 – придонная часть погребения; 2 – каменный алтарь; 3 – бронзовое зеркало. Фото А.А. Бисембаева

Fig. 6. Mound Kurasha I, burial 2. 1 – the bottom part of the burial; 2 – stone altar; 3 – a bronze mirror. Photo by Bisembayev A.

На дне погребения № 2, выявленного в 4 м к югу от условного центра кургана, был зачищен хорошо сохранившийся скелет мужчины, ориентированный головой на запад. Левая нога согнута в коленном суставе – погребенному придана атакующая поза. В плане могила имела прямоугольную форму со скругленными углами, размерами 3,7×3 м, глубина 1,95 м. В ходе спуска в погребение была обнаружена обожженная деревянная конструкция, на юго-западной окраине которой, на уровне материковой почвы, была зафиксирована часть обломанного жертвенника. Длина чаши составила 11 см, ширина – 13 см. Ножки цилиндрической формы длиной 3–3,9 см, диаметром 5 см. Из погребения происходят керамический сосуд, бронзовые наконечники стрел различных типов (65 штук), керамическая курильница, костяная ложечка, колчаный крюк.

Погребение № 3, расположенное ближе к центру, подверглось ограблению в древности – на уровень материка выброшены кости человека и животных. В дромосном погребении обнаружен яйцевидный по форме сосуд, с горловиной средней высоты, прямой, венчик слегка отогнут по краю. Размеры сосуда: высота – 20,8 см, диаметры: венчика – 11 см, донца – 6 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) – 19,5 см.

Курган **Кураша I** расположен в 11 км восточнее пос. Родниковка, на водоразделе к северу от балки Кураша, относящейся к р. Жаздыбай, притоку р. Жаксы-Каргалы, правобережному притоку Илека.

Даже после многолетних пахотных работ размеры кургана на начало раскопок были внушительные – диаметр около 40 м и сохранившаяся высота 1,3 м. При снятии насыпи обнару-

жены фрагменты деревянного столба – основы шатровой деревянной конструкции. Вокруг погребальной площадки был выложен глиняный кольцевой вал. Под курганной насыпью были обнаружены два погребения. Погребение № 1 находилось к северу от условного центра под глиняным валом (рис. 5). Погребение № 2, являвшееся основным, располагалось в центральной части погребальной площадки (рис. 6).

Могильная яма представляла собой дромосное захоронение глубиной 240 см. Яма также оказалось богатой на находки разнообразных предметов, в том числе и культовых. В юго-западной части дна погребения, на глубине 2,4 м, был обнаружен костяк № 1 плохой сохранности. У правой руки усопшего был расположен железный акинак. Также в яме были обнаружены золотые накладки, бронзовое зеркало, каменный алтарь, бронзовые наконечники стрел в количестве 183 штук. Оригинальными предметами, происходящими из данного памятника, являются железная обойма с золотой аппликацией и крупный каменный жертвенник на трех ножках. Обойма была обнаружена справа от костяка № 1. Рядом находились фрагменты железного ножа плохой сохранности, железные поясные пряжки, покрытые желтым металлом. Обойма представляла собой железное изделие подквадратной формы с длиной сторон 60×65 мм. Лицевая сторона изделия плакирована листовым золотом, художественно оформленным в зверином стиле.

В 2017 году в Илекском локальном микрорайоне исследовался могильник **Кайынбулак II**. Акцент в исследованиях был сделан на памятниках групп населения, обслуживающего илекскую кочевую элиту, со-

1

2

3

Рис. 7. Могильник Кайынбулак I, к. № 4. 1 – центральная траншея; 2 – погребение 1; 3 – погребение 3. Фото А.А. Бисембаева

Fig. 7. Kayynbulak I burial ground, barrow no. 4. 1 – central trench; 2 – burial 1; 3 – burial 3. Photo by Bisembayev A.

средоточенных в восточной половине могильника. Курганы незначительных размеров, потерявшие внешние признаки на сегодняшний день, выявлялись путем сплошного снятия гумусного слоя с поля, на котором они располагались. В результате выноса значительного объема грунта были обнаружены почти все курганы, отраженные в планах 1980-х гг. Инвентарные комплексы в этих памятниках достаточно насыщены и своеобразны для своего круга (рис. 7).

О хроно-культурной принадлежности исследованных памятников предварительные выводы были сделаны ранее в ряде работ [Серик, Амелин, 2016, с. 182; Бисембаев и др. 2018]. Новые памятники Илекско-

го локального микрорайона, периода VI–IV вв. до н.э., подчеркивают особую роль данной территории в географических рамках Западного Казахстана, выраженную как в насыщенности микрорайона памятниками, так и в их яркости и оригинальности, как в элементах погребального обряда, так и в комплексе сопровождающего инвентаря. В условиях благоприятной экологической ниши бассейна среднего течения Илека находилась кочевая элита середины – начала второй половины I тыс. до н.э. Следует подчеркнуть, что исследовались аварийные памятники, подвергшиеся антропогенному воздействию, не самые крупные в могильных полях, расположенные по периферии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: «Наука», 1972. С. 31-46.
2. Ахатов Г.А., Бисембаев А.А. Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории: сб. научн. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 503-513.
3. Бисембаев А.А. Заметки к аспектам региональной истории: общее и особенное Западно-Казахстанского региона // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2009. № 3 (70). С. 217-222.
4. Бисембаев А.А., Ахатов Г.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Жанузак Р.Ж. Исследование памятников кочевников Приуральско-Мугалжарского региона в 2015–2017 гг. // Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие: сб. матер. Междунар. научн.-практ. конф. Алматы–Актобе, 2018. С. 28-42.
5. Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: издат. гр. филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 352 с.
6. Серик Г.С., Амелин В.А. К вопросу об изображениях оленей в искусстве ранних кочевников // Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования: матер. междунар. научн.-методич. конф. «VIII Оразбаевские чтения». Алматы: «Қазақ университеті», 2016. С. 182-184.
7. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
8. Физическая география Республики Казахстан / Под ред. Джанаалиевой Г.М. Алматы: «Қазақ университеті», 1998. 265 с.

Сведения об авторах:

Бисембаев Арман Ауганович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, представитель Института археологии им. А.Х. Маргулана в Западном Казахстане (г. Актобе, Казахстан); abissembaev@mail.ru

Хаванский Алексей Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, Казахстан); Arkaim01@yandex.ru

Ахатов Газиз Аманжолович – старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); g_akhatov@mail.ru

Дүйсенғали Мейрам Нурланович – и.о. директора, Актюбинский областной историко-краеведческий музей (г. Актөбе, Казахстан); daisenglimeiram@mail.ru

Мамедов Аслан Маликович – директор, Центр исследования, реставрации и охраны историко-культурного наследия (г. Актөбе, Казахстан); mamedovaslan@mail.ru

Бидагулов Нурбол. Т. – старший научный сотрудник, отдел «Археология и этнография», Актюбинский областной историко-краеведческий музей (Актөбе, Казахстан)

Уразова Асель Бейбутовна – старший научный сотрудник, отдел «Археология и этнография», Актюбинский областной историко-краеведческий музей (г. Актөбе, Казахстан); urazova-asel@mail.ru

Баиров Нурсултан Майлибаевич – научный сотрудник, отдел «Археология и этнография», Актюбинский областной историко-краеведческий музей (г. Актөбе, Казахстан); nmbairov91@mail.ru

Амелин Виктор Алексеевич – научный сотрудник, отдел «Археология и этнография», Актюбинский областной историко-краеведческий музей (г. Актөбе, Казахстан); vityara2706@mail.ru

ІЛЕ МИКРОАЙМАҚЫНЫҢ ЕНШІЛІК НОМАДАЛАРЫНЫҢ ЖЫЛҒЫ ЖЫЛДАРЫ (алдын ала нәтижелер)

**А.А. Бисембаев, А.И. Хаванский, Г.А. Ахатов, М.Н. Дүйсенғали, А.М. Мамедов,
Н.Т. Бидагулов, А.Б. Уразова, В.А. Амелин, Н.М. Баиров**

Мақалада Арал маңы-Мұғалжар аймағының Елек жергілікті ықшам ауданындағы ерте көшпелілер ескерткіштерінің соңғы жылдардағы зерттеу нәтижелері көрсетілген. 2015 жылдан бастап Ақтөбе облысының Мәртөк ауданы Родниковка ауылы маңында ерте көшпелілер ескерткіштерін жоспарлы зерттеу жүргізіліп келеді. Ескерткіштер тобы Елек өз. бассейніне тиісті және соған сәйкес ықшам ауданға жатқызылған. Соңғы жылдардағы Бисоба, Шпаки, Кураша және Қайынбұлақ бейіттеріндегі зерттеулер, сонымен қатар 60-80-ші жж. алынған материалдар б.з.д. I мың ж. Елек ықшам ауданындағы халықтың қоныстануы мен көшпелі топтардың элиталық сипаттары туралы айтуға мүмкіндік береді. Нысандардың айтарлықтай үлкендігі, табылған қола қазандар, ат әбзелдері, құрбандық тастары, қару-жарақтары және т.б. аймақтағы басым болған топтардың жарқын белгілері болып табылады.

Түйін сөздер: археология, Елек, Бисоба, Шпаки, Кураша, ерте көшпелілер, сарматтар, жерлеу ғұрпы

WORKS OF THE RECENT YEARS ON MONUMENTS OF EARLY NOMADS OF THE ILEK MICROREGION (preliminary results)

**A.A. Bisembayev, A.I. Khavansky, G.A. Akhatov, M.N. Duisengali, A.M. Mamedov,
N.T. Bidagulov, A.B. Urazova, V.A. Amelin, N.M. Bairov**

This article is devoted to results of studies of the last years of the monuments of the early nomads of the Ilek local microdistrict of the Aral-Mugaljar region. Beginning in 2015, systematic studies of the monuments of early nomads in the vicinity of Rodnikovka village of Martuk district of the Aktobe region are conducted. This group of monuments is belong to the Ilek river basin and is allocated to the corresponding microdistrict. Studies of the recent years of burial mounds in the burial grounds of Bisoba, Shpaki, Kurasha and Kaiynbulak, as well as materials obtained in the 1960-1980s, allow us to speak about the significant concentration of the population and the elite character of the nomadic groups that lived in the middle of I millennium BC in the Ilek local microdistrict. Significant sizes

of objects like found bronze boilers, cast items of horse harness, stone altars, armaments and much more are bright signs of the dominant group in the region.

Keywords: archaeology, Ilek, Bisoba, Shpaki, Kurasha, early nomads, Sarmatians, funeral rite

REFERENCES

1. Akishev, K. A. 1972. In Akishev, K. A. (ed.) *Poiski i raskopki v Kazakhstane (Searches and excavations in Kazakhstan)*. Alma-Ata: «Nauka» Publ., 31-46 (in Russian).
2. Akhatov, G. A., Bisembayev, A. A. 2015. In Baitanayev, B. A. (ed.) *Kazakhskoye khanstvo v potoke istorii (Kazakh Khanate in the flow of history)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 503-513 (in Russian).
3. Bisembayev, A. A. 2009. In *Vestnik YENU im. L.N. Gumileva (Bulletin of the Eurasian National University named L.N. Gumilyov)*, 3, 217-222 (in Russian).
4. Bisembayev, A. A., Akhatov, G. A., Mamedov, A. M., Duysengali, M. N., Amelin, V. A., Bidagulov, N. T., Januzak, R. J. In *Margulan okulary–2018 (Margulan readings–2018)*. Almaty–Aktobe, 28-42 (in Russian).
5. Kitov, Ye. P., Mamedov, A. M. 2014. *Kochevoye naseleniye Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke (The nomadic population of Western Kazakhstan in the early Iron Age)*. Astana (in Russian).
6. Serik, G. S., Amelin, V. A. 2016. In *VIII Orazbayevskiy chteniye (VIII-th Orazbayev readings)* Almaty: “Qazaq University” Publ., 182-184 (in Russian).
7. Smirnov, K. F. 1975. *Sarmaty na Ilike (Sarmaty on Ilek)*. Moscow: «Nauka» Publ. (in Russian).
8. *Fizicheskaya geografiya Respubliki Kazahstan (Physical Geography of the Republic of Kazakhstan)*. 1998. Janalieva, G. M. (ed.) Almaty: “Qazaq University” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Bisembayev Arman A. Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Aktobe, Kazakhstan; representative of the A.Kh. Margulan Archeology Institute in Western Kazakhstan; abissembaev@mail.ru

Khavansky Alexey I. Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; Arkaim01@yandex.ru

Akhatov Gaziz A. Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute; g_akhatov@mail.ru

Duisengali Meiram N. Acting director, Aktobe regional museum of local lore, Aktobe, Kazakhstan; daisenglimeiram@mail.ru

Mamedov Aslan M. Director, Center for Research, Restoration and Protection of Historical and Cultural Heritage, Aktobe Kazakhstan. mamedovaslan@mail.ru

Bidagulov Nurbol T. Senior researcher, Department of Archeology and Ethnography, Aktobe Regional Museum of Local History, Aktobe, Kazakhstan

Urazova Asel B. Senior researcher, Department of Archeology and Ethnography, Aktobe Regional Museum of Local History, Aktobe, Kazakhstan; urazova-asel@mail.ru

Bairov Nursultan M. Research associate, department “Archaeology and Ethnography”, Aktobe regional museum of local lore, Aktobe, Kazakhstan; nmbairov91@mail.ru

Amelin Viktor A. Research associate, department “Archaeology and Ethnography”, Aktobe regional museum of local lore, Aktobe, Kazakhstan. vityara2706@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 21.09.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 28.09.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 05.10.2018.

Памяти Карла Молдахметовича Байпакова

© 2019 г. Г.С. Джумабекова

Казахстанская наука понесла невосполнимую утрату. В ноябре 2018 г. перестало биться сердце выдающегося археолога – Карла Молдахметовича Байпакова. Творческий путь исследователя начинается с альма-матер – университета с глубокими, стойкими традициями, воспитавшего плеяду известных специалистов. Становление и дальнейшая карьера К.М. Байпакова неразрывно связаны с отделом археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, а с 1991 г. – переломного года в истории нашей страны – с созданием специализированного научного учреждения – Института археологии им. А.Х. Маргулана. Карл Молдахметович навсегда запомнится своей интеллигентностью, эрудированностью, сдержанностью, особым чувством юмора.

Ключевые слова: археология, К.М. Байпаков, археолог, отдел археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, организатор науки

23 ноября 2018 г. не стало Карла Молдахметовича Байпакова. Ученого, археолога, гражданина.

К.М. Байпаков родился в 1940 году в г. Талгар Алма-Атинской области в семье учителей. Окончив в 1963 г. кафедру археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета, поступил в аспирантуру Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР. В годы учебы Карлу Молдахметовичу посчастливилось слушать лекции известных ученых, признанных классиков советской археологии – М.И. Артамонова, М.П. Грязнова, Б.Б. Пиотровского, В.М. Массона.

Начав трудовую деятельность еще в 1966 г. в стенах ИИАЭ АН КазССР в качестве младшего научного сотрудника, Карл Молдахметович в сентябре 1991 г. возглавил Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

*К.М. Байпаков, 2006 г.
Фото О.В. Белялова*

*K.M. Baipakov, 2006.
Photo by O.V. Belyalov*

Этапами научного пути стали кандидатская диссертация, подготовленная под руководством К.А. Акишева; докторская диссертация, а также высокие звания члена-корреспондента Национальной Академии наук РК (1994) и профессора археологии (1995), академика НАН РК (2003).

Свою жизнь К.М. Байпаков посвятил изучению городской культуры Южного Казахстана, взаимодействия города и степи, участвуя с 1963 г. в археологических экспедициях Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (ЮККАЭ), с 1978 г. как руководитель казахской группы Казахско-Киргизской археологической экспедиции, с 1984 г. - начальник Таразской археологической экспедиции, затем - Археологической экспедиции Свода памятников и с 1989 г. - начальник ЮККАЭ.

Города Казахстана, величественные свидетели мощной цивилизации - Отрар, Куйрыктобе, Кок-Мардан, Мардан-Куик, Тараз, Костобе, Орнек, Луговое, Краснореченское, Талгар, Коялык сегодня известны во многом благодаря многолетним исследованиям под руководством К.М. Байпакова. Значителен вклад Карла Молдахметовича в изучение возраста города Алматы, его древней и средневековой истории.

Конечно, определенным символом и главным объектом многолетних исследований К.М. Байпакова и археологов сначала отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, затем Института археологии им. А.Х. Маргулана был город Отрар и Отрарский оазис одной из археологической экспедиций (1969) и Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (1971). Среди наиболее известных открытий, получивших известность в

*К.М. Байпаков на Отраре, 1962 г.
Фото О.В. Медведева*

*K.M. Baipakov at the Otrar, 1962.
Photo by O.V. Medvedev*

ближнем и дальнем зарубежье, следует назвать также изучение дворцового комплекса на городище Куйрыктобе с уникальным резным деревом, свидетельствующим о высокой художественной культуре населения; раскопки Костобе, отождествляемого со средневековым Джамукатом, прославившимся удивительной художественной резьбой по глине; выявление и раскопки буддийского храма на городище Коялык; исследование буддийского монастыря-крепости Аблайкит. Благодаря длительным скрупулезным раскопкам на средневековых памятниках, в Казахстане сложилась своя археологическая школа.

К.М. Байпаков являлся ведущим специалистом в области средневековой археологии не только Казахстана, но и Центральной Азии. Он внес не-

*Учитель и ученик. К.А. Акишев и
К.М. Байпаков, 1964 г. Городище Сумбе*

*K.A. Akishev and K.M. Baipakov, 1964.
Sumbe settlement*

оценимый вклад в изучение кангюйской проблемы, истории Караханидов, средневековых городов Казахстана, взаимосвязи города и степи, кочевых и оседлых цивилизаций, в охрану памятников археологии. В сферу интересов К.М. Байпакова входили также проблемы исторической географии, вопросы духовной культуры и религиозных воззрений населения региона в древности и средние века, тюркской цивилизации.

Неразрывно связано с проблемой города и степи изучение феномена Великого Шелкового пути, его исторического пространства, которому К.М. Байпаков посвятил годы своей жизни.

В 1989 году К.М. Байпаков возглавил Археологический центр ИИАЭ, в 1991 г. - впервые созданный в Казахстане Институт археологии им. А.Х. Маргулана. Под руководством академика К.М. Байпакова Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК успешно реализовал Государственную программу «Культурное наследие: памятники археологии», а также «Национальная идея».

К.М. Байпаков, возглавляя фундаментальные научные исследования Института археологии им. А.Х. Маргулана, осуществлял их в тесном сотрудничестве со специалистами различных научных центров Республики Казахстан: Евразийского университета им. Л.Н. Гумилева, Северо-Казахстанского университета, Казахского государственного национального университета им. аль-Фараби, Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова, а также России, Кыргызстана, Франции, Бельгии, Италии, Японии, Кореи, США. Программы, выполняемые Институтом археологии им. А.Х. Маргулана, охватывали широкий спектр научных исследований от полевых археологических работ до теоретического моделирования и реконструкции палеоэкологической обстановки и системы жизнеобеспечения населения в эпоху камня, хозяйственно-культурных процессов, вопросов, идеологии и искусства в бронзовом веке, исторического процесса на территории Казахстана от раннего железного века до эпохи средневековья.

Результаты исследований К.М. Байпакова нашли отражение в научных трудах – монографиях и статьях, в которых разработаны вопросы развития отарско-каратауской куль-

*К.М. Байпаков докладывает о ходе раскопок. Отрар, лето 1971 г.
Фото О.В. Медведева*

*K.M. Baipakov reports about the excavation. Otrar, summer 1971.
Photo by O.V. Medvedev*

туры на Сырдарье; развития городов и городской культуры Южного Казахстана и Жетысу; взаимодействия и взаимовлияния города и степи, решены актуальные проблемы истории Шелкового пути, представлены методические разработки по ряду насущных тем.

К.М. Байпаковым опубликовано более 100 авторских и коллективных монографий, альбомов, каталогов, учебников и учебных пособий, свыше 700 научных и научно-популярных статей и заметок в газетах и журналах, как в Казахстане, так и в России, Узбекистане, странах дальнего зарубежья - Франции, Германии, Южной Корее, Китае, Пакистане, Италии, США.

К.М. Байпаков издал ряд фундаментальных исследований, в том числе результаты важнейших разработок по вопросам урбанизации Казахстана

(2012, 2013, 2014, 2016). К.М. Байпаков внес свой весомый вклад в развитие музейного дела и охрану памятников, приняв участие в создании Музея археологии АН КазССР, экспозиций областных историко-краеведческих музеев в гг. Шымкенте и Таразе, Отрарского музея-заповедника в с. Шаульдер, издании первого тома «Свода памятников истории и культуры Казахстана (Южно-Казахстанская область)» (1994). К.М. Байпаков возглавлял работы по созданию 10-ти томного «Свода памятников истории и культуры Республики Казахстан».

К.М. Байпаков в соавторстве с К.А. Акишевым выпустил первый учебник для вузов по археологии Казахстана (1979); а также участвовал в написании учебных пособий для вузов (1993, 2006, 2007). Карл Молдахметович являлся автором разделов

многотомных изданий Истории Казахской ССР и Истории Казахстана, учебников по истории для учащихся средних школ.

Конечно, К.М. Байпаков передавал свои знания и опыт студентам, соискателям, докторантам, молодым ученым, в том числе осуществлял руководство в подготовке кандидатских и докторских диссертаций.

К.М. Байпаков представлял успехи и достижения казахстанской археологии мировому научному сообществу в докладах на многочисленных международных и республиканских совещаниях и конференциях, в числе которых VII Генеральная Ассамблея «ИКОМОС» в Дрездене, III советско-американский симпозиум в Вашингтоне, а также на лекциях для студентов и симпозиумах в Токио,

Сеуле, Париже, Анкаре, Вашингтоне, Тегеране, Лахоре, Пекине, Риме, Венеции...

В 1998 г. К.М. Байпакову было присвоено звание Заслуженного деятеля науки и техники Республики Казахстан, он являлся лауреатом премии им. Ч.Ч. Валиханова (1988), членом научного общества Дунхуано-Турфановедения (с 1992 г.), Казахского Национального комитета «Великий Шелковый путь» (с 1991 г.), членом Международного комитета ЮНЕСКО по подготовке шеститомной «Истории цивилизации Центральной Азии» (с 1991 г.), руководителем секции «Памятники археологии» Общественного совета по реализации Государственной программы «Культурное наследие», международным экспертом ЮНЕСКО про-

К.А. Акишев, С.М. Ахинжанов, К.М. Байпаков изучают находки из Оtrar. Музей АН КазССР. Август, 1973 г. Фото из семейного архива К.М. Байпакова

K.A. Akishev, S.M. Akhinjanov, K.M. Baipakov study finds from Otrar. Museum of the Kazakh SSR. August 1973. Photo from the family archive of K.M. Baipakov

екта Казахстан–Япония–ЮНЕСКО «Сохранение древнего городища Отрар» (2001–2004), по подготовке трансграничной номинации «Великий Шелковый Путь: Китай - Центральная Азия»; членом Высшей научно-технической комиссии при Правительстве Республики Казахстан и Комиссии по присуждению Государственных премий Республики Казахстан; академиком Академии социальных наук Республики Казахстан, членом-корреспондентом Германского археологического Института (Германия, г. Берлин), членом Международного комитета ЮНЕСКО по подготовке многотомной

Отрар. Археологическая база в с. Шаульдер, начало 1980-х гг. Слева-направо: С.М. Ахинжанов, В.А. Грошев, Б.Н. Нурмуханбетов, К.А. Акишев, К.М. Байпаков

Otrar. Archaeological base in Shaulder, early 1980s. From left to right: S.M. Akhinjanov, V.A. Groshev, B.N. Nurmukhanbetov, K.A. Akishev, K.M. Baipakov

истории Центральной Азии, членом Национального комитета «Великий Шелковый путь». К.М. Байпаков - За-

После награждения К. А. Акишева знаком «Заслуженный деятель науки». Слева направо: Л.Б. Ерзакович, К.М. Байпаков, Т.В. Савельева, К.А. Акишев, Р.А. Бектуреева, М.Х. Илтаев. Август, 1989 г. Фото О.В. Медведева

After awarding K.A. Akishev with the "Honored Worker of Science" sign. From left to right: L.B. Erzakovich, K.M. Baipakov, T.V. Savelieva, K.A. Akishev, R.A. Bektureeva, M.Kh. Iltaev. August, 1989. Photo by O.V. Medvedev

служенный деятель науки и техники Республики Казахстан (1998 г.), кавалер ордена Республики Казахстан «Парасат» (2003), ордена «Барыс» III степени (2010), обладатель нагрудного знака «За вклад в развитие науки РК» (2002), победитель 5 конкурса «Алтын-Адам» и Фестиваля «Выбор года» в номинации «Деятель науки» (2005). Награжден медалью ЮНЕСКО «За вклад в изучение Великого Шелкового пути - пути диалога культур и вклад в мировую науку» (2005), межгосударственным дипломом и памятным знаком за вклад в изучение духовного развития мусульманских стран Экономического Содружества в номинации «История, культура, литература и изобразительное искусство» (2006), серебряной медалью им. А. Байтурсынова Ассоциации вузов Республики Казахстан «Лучший автор» (2008), является лауреатом Независимой премии «Платиновый Тарлан» в номинации «Наука и просвещение РК» (2007), лауреат государственной премии Республики Казахстан в области науки и техники имени аль-Фараби (2017).

Последние годы К.М. Байпаков возглавлял «Центр сближения культур» Министерства культуры и спорта РК.

Сухие строки биографии отражают плодотворную, насыщенную творческую, научную жизнь К.М. Байпакова. Но умалчивают о его человеческих качествах, то, каким запомнился нам, археологам, Карл Молдахметович.

*К.М. Байпаков на Акыртасе. 2017 г. Стоп-кадр
В.Ю. Задвицкого*

*K.M. Baipakov at the Akyrtaş. 2017.
Photo by V.Yu. Zadvitsky*

Подтянутый, пунктуальный, корректный в общении, Карл Молдахметович всегда был открыт для разговора, быстро и оптимально решал возникающие вопросы и проблемы, был прост и доброжелателен.

Обладая феноменальной эрудицией и широтой взглядов, К.М. Байпаков практически по любой теме или вопросу древней и средневековой истории Казахстана мог высказать авторитетное мнение.

Карл Молдахметович удивлял своей необыкновенной работоспособностью, он очень плодотворно и много писал, был постоянно в разъездах – в экспедициях, участвовал во многих масштабных конференциях.

Интеллигентный, умный, эрудированный, сдержанный, обладающий особым чувством юмора. Таким он запомнился.

Список основных публикаций академика НАН РК К.М. Байпакова*

Авторефераты:

1. Средневековые города и поселения Семиречья (VII–XII вв.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата: Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, 1966. 22 с.
2. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI – начале XVIII в. (динамика и основные этапы развития): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: Институт археологии АН СССР, 1985. 48 с.

Монографии, книги-альбомы:

1. Западнотюркский и Тюргешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. 398 с. с илл. (на каз., рус. яз.).
2. Археологическое культурное наследие г. Алматы. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. 164 с. (на каз., рус., англ. яз.).
3. Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы–Самарканд: МИЦАИ, 2012. 284 с., илл. (на каз., рус. и англ. яз.).
4. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье // Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы, 2012. Кн. 1. 390 с., илл., цв. вкл.
5. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. // Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы, 2013. Кн. II. 516 с., цв. илл.
6. Урбанизация Казахского ханства во второй половине XV – XVIII в. // Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы, 2014. Кн. III, ч. 2. 534 с., илл.
7. Урбанизация в XIII – первой половине XV в. // Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы, 2016. Кн. III, ч. 1. 596 с., илл.
8. Древнее золото Казахстана. Кургan Иссык: фотоальбом. Астана: ОФПТИ «ALAU», 2013. 144 с. (на англ., рус. яз.) (*фото О.В. Белялова*).
9. Все дороги ведут в Туркестан. Памятники. Персоны. Алматы, 2013. 266 с., цв. илл. (*в соавт. с Азимхан А.*).
10. Петроглифы Малого Каратау и западной оконечности Киргизского Алатау. Алматы, 2013. 120 с., цв. илл. (*в соавт. с Марьяшевым А.Н.*).
11. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Алматы, 2013. 320 с., цв. илл. (на каз., рус., англ. яз.) (*в соавт. с Капековой Г.А., Воякиным Д.А., Марьяшевым А.Н.*).
12. Выдающиеся археологические памятники Казахстана. Алматы, 2014. 504 с., илл. (*в соавт. с Воякиным Д.А.*).
13. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов на территории Казахстана. Алматы, 2014. 264 с., ил. (*в соавт. с Петровым П.Н., Воякиным Д.А.*).
14. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: Археологическая экспертиза, 2016. 672 с., ил. (*в соавт. с Воякиным Д.А., Захаровым С.В.*).
15. Археологические исследования городищ Пшакшитобе и Бесиншитобе в Отарском оазисе. Алматы, 2017. 160 с., илл. (на каз., рус., англ. яз.) (*в соавт. с Авицовой А.К., Акылбек С.Ш.*).

16. Потенциальное влияние объектов всемирного наследия на образование в духе глобальной гражданственности в Республике Казахстан. Пособие для преподавателей общеобразовательных учебных программ основного среднего и общего среднего образования. Алматы: АРСЕІU, НКВН, 2017. 122 с., илл. (в соавт. с Воякиным Д. А., Диканем М.Е., Масановым М.Н., Сарсеновой Э.А., Шайгозовой Ж.Н.).

17. История военного искусства Казахстана: фортификация древних и средневековых городов Южного Казахстана (по материалам археологических исследований округов Фараб-Отрар и Шавгар-Туркестан). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 164 с., илл. (на каз., рус., англ. яз.). (в соавт. с Камалдиновым И.Р.).

18. История религий в Казахстане (древность и средневековье). Алматы: Servis Press, 2018. 553 с., 567 илл. (в соавт. с Ерофеевой И.В., Казизовым Е.С., Терновой Г.А.).

Участие в книгах:

1. Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Жамбылский район. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. (на каз., рус. яз.).

2. Из истории изучения археологического и культурного наследия Отрара, Отрарского оазиса и Казахстана // Кузнецова О.В. Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии (ЮККАЭ). Научные биографии участников и библиография исследований: матер. междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 40-летию работ ЮККАЭ (Шаульдер, 18–19 октября 2011 г.). Алматы, 2014. С. 11–49.

3. Казахстан. Традиционные верования и шаманизм // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Самарканд: МИЦАИ, 2016. Т. I. С. 9–92 (в соавт. с Терновой Г.А.).

Статьи:

1. Тенденции и перспективы развития археологии Казахстана // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие: сб. научн. тр., посвящ. 70-летию К.М. Байпакова. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. С. 67–88.

2. Урбанизация в древнем и средневековом Казахстане // Традиции древней и средневековой городской культуры Средней Азии. 70 лет кафедре археологии Национального университета Узбекистана. Ташкент, 2010. С. 6–9.

3. Арабское завоевание и исламизация Южного Казахстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1(274). С. 91–100.

4. Изучение, сохранение и использование культурного наследия в Казахстане // Сопровождение региональных специалистов. Культурное наследие Центральной Азии и вклад Японии (гг. Ташкент–Самарканд, 12–16 марта 2008 г.). Токио, 2010. С. 73–101 (в соавт. с Воякиным Д.А.).

5. Исследование городища Джанд // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1 (274). С. 100–122 (в соавт. с Воякиным Д.А., Умарходжиевым А.А.).

6. Алматы – 1000 лет // Алматы. История тысячелетия: матер. междунар. научн.-практич. конф. «Древняя и средневековая урбанизация Евразии: взаимодействие, развитие и возраст города Алматы» (г. Алматы, 17–18 ноября 2010 г.). Алматы, 2012. Вып. 3. С. 8–18 (в соавт. с Савельевой Т.В.).

7. Отырар және оның маңындағы қазбаларының кейбір нәтижелері // Отырар. Тарихи-мәдени, ғылыми-танымдық журнал. 2013. № 1 (2). 5–11 б. (в соавт. с Алдабергеновым Н.О.).

8. Жилая застройка Отрара X – начала XIII в. // Известия НАН РК. Серия обществ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 174–186 (в соавт. с Воякиным Д.А., Акылбек С.Ш.).

9. Изучение городища Оксыз // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 133–147 (в соавт. с Камалдиновым И.Р.).
10. Жетытобе – курганы сакских царей // Промышленность Казахстана. 2013. № 2. С. 94–98 (в соавт. с Воякиным Д., Сейткалиевым М.).
11. Учитель // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. научн. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана, 2014. С. 21–22.
12. Учитель // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 9–20.
13. Города и поселения Казахского ханства // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 343–383.
14. Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан и задачи отечественной археологии (к подготовке 10-ти томной истории казахов и Казахстана) // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2014. № 5. С. 226–232.
15. Локализация городов Казахского ханства // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2014. № 5. С. 75–133.
16. Городище Сыгнак: мавзолеи // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2014. № 5. С. 45–51 (в соавт. с Акылбек С.Ш., Воякиным Д.А., Жолдасбаевым С.Ж.).
17. Геоинформационные системы как инструмент защиты и анализа археологического наследия Республики Казахстан // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2014. № 5. С. 195–206 (в соавт. с Воякиным Д.А., Амировым Е.Ш., Сейткалиевым М.К.).
18. Города Казахского ханства // 550-летие Казахского ханства – судьбоносный этап национальной истории: сб. матер. научн.-практ. конф. (Астана, 16 февраля 2015 г.). Астана: Сенат Парламента РК, 2015. С. 52–66.
19. Об этническом составе населения городов Казахского ханства // Казахское ханство в потоке истории: сб. научн. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 19–49.
20. Раскопки городища Пшакчитобе и Бесиншитобе в Отрарском оазисе // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6. С. 182–214 (в соавт. с Авизовой А.К.).
21. Торговля и денежное обращение в городах Казахского ханства в XV–XVIII вв. // Казахское ханство в потоке истории: сб. научн. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 73–110 (в соавт. с Бурнашевой Р.З.).
22. Кескен Куюк-кала – столичный центр огузов // Казахское ханство в потоке истории: сб. научн. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 214–228 (в соавт. с Воякиным Д.А., Ильиным Р.В.).
23. О локализации городов Илийской долины Казахстана в XIII–XIV вв. // Казахское ханство в потоке истории: сб. научн. ст., посвящ. 550-летию образования Ка-

захского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 229–270 (в соавт. с Савельевой Т.В.).

24. Изучение культурного наследия Казахстана. Взаимодействие Республики Казахстан и ЮНЕСКО: изучение культурного наследия и укрепление межкультурного диалога в целях сближения культур // Модернизация общественного сознания: модель Нурсултана Назарбаева: матер. научн.-практ. конф. Астана: Министерство культуры и спорта Республики Казахстан, 2017. С. 36–38.

25. Сержан Ахинжанов – выдающийся археолог и востоковед Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. I. С. 174–180.

26. Тамгообразные знаки на керамике с памятников Отрарского оазиса доарабской эпохи // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 155–167 (в соавт. с Авизовой А.К.).

27. Средневековые городища на северо-каратауском участке Великого Шелкового пути // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017. № 1 (311). С. 160–167 (в соавт. с Воякиным Д.А.).

28. Архитектурно-археологический комплекс Акыртас // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 116–130.

29. Международная научно-практическая конференция «Центральная Азия на Великом Шелковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности» // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 129–134 (в соавт. с Даишковым П.К.).

Литература о жизни и деятельности академика НАН РК, д.и.н. К.М. Байпакова:

1. Байпаков Карл Молдахметович // Промышленность Казахстана. 2018. № 3 (104). С. 90–92.

2. Даишковский П.К., Савельева Т.В. Байпаков Карл Молдахметович – выдающийся ученый и организатор науки Казахстана // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19) (в печати).

3. Карл Молдахметович Байпаков. Биобиблиографический указатель. Сост. О.В. Кузнецова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2000. 52 с.

4. Карл Молдахметович Байпаков. Материалы к биобиблиографии ученых Казахстана. Гл. ред. М.Ж. Журинов. Отв. ред. Б.Е. Кумеков. Сост. Т.В. Савельева, Д.А. Воякин. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Археологическая экспертиза, 2010. 52 с.

5. Карлу Молдахметовичу Байпакову – 75 лет // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6. С. 243–244.

6. Кумеков Б.Е., Воякин Д.А. Взгляд, меняющий науку. Карлу Молдахметовичу Байпакову – 75 лет // Вестник НАН РК. 2015. № 6. С. 229–232.

Сведения об авторе:

Джумабекова Гульнара Саиновна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); gdzhuma@mail.ru

*Приводится список основных публикаций за 2010–2019 гг., составленный д.и.н. Т.В. Савельевой. По работам, изданным ранее, существует два биобиблиографических указателя, изданных в 2000 и 2010 гг. (см. выше).

**Карл Молдахметұлы Байпақовтың рухына
Г.С. Жұмабекова**

Қазақстан ғылымы орны толмас қайғыға ұшырады. 2018 жылдың қараша айында көрнекті археолог Карл Молдахметұлы Байпақовтың жүрек соғысы тоқтады. Зерттеушінің творчестволық жолы белгілі мамандардың қатарын тәрбиелеген терең де тұрақты дәстүрі бар университеттен басталды. К.М. Байпақовтың қалыптасуы мен одан кейінгі еңбек жолы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтының археология бөлімімен, ал 1991 жылдан бастап біздің еліміздің тарихындағы сыни жылда құрылған арнайы ғылыми мекеме Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтымен тікелей байланысты. Карл Молдахметұлы өзінің жоғарғы білімділігімен, тәрбиелілігімен, ұстамдылығымен, ерекше қалжыңымен мәңгі есте қалады.

Түйін сөздер: археология, К.М. Байпақов, археолог, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтының археология бөлімі, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, ғылымды ұйымдастырушы

**To the memory of Karl M. Baipakov
G.S. Jumabekova**

Kazakhstan science has suffered a grievous loss. In November 2018, the heart of an outstanding archaeologist, Karl M. Baipakov, stopped beating. The creative development of the researcher began with the alma mater – a university with deep, enduring traditions, that brought up a galaxy of eminent specialists. Establishment and further career of K.M. Baipakov were intimately connected with the Department of Archaeology of Ch.Ch. Valikhanov Institute of History, Archaeology and Ethnography, and since 1991 – a turning point in the history of our country – with the creation of a specialized scientific institution – A.Kh. Margulan Institute of Archaeology. Karl M. Baipakov will forever be remembered for his intelligence, erudition, restraint, and special sense of humor.

Keywords: archaeology, K.M. Baipakov, archaeologist, Department of Archaeology of Ch.Ch. Valikhanov Institute of History, Archaeology and Ethnography, A.Kh. Margulan Archeology Institute, science organizer

About the Author:

Jumabekova Gulnara S. Candidate of historical sciences, leading researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; gdzhuma@mail.ru

АРХЕОЛОГ, ШЫҒЫСТАНУШЫ ҒАЛЫМ САҒЫНТАЙ СҰҢҒАТАЙ

© 2019 г. М.Х. Әбусейітова, Ж. Ошан

Археолог, шығыстанушы Сағынтай Сұңғатай 2019 жылы 9 ақпанда қайтыс болды. Бірнеше тілде (қазақ, қытай, ұйғыр) еркін сөйлеген зерттеуші артына қомақты еңбектерін мұраға қалдырды. Ғылыми жұмысын 1990 жылдары Іле өңірін ерте темір дәуірінде қоныстанған халықтардың мәдениетін зерттеуден бастаған ол, Қазақстан тәуелсіздікке қол жеткізген кезде, өзінің тарихи Отанына оралуға атсалысты әрі ғылыми жұмысты өз елінде жалғастырды. Ол Қазақстан мен Қытайда көп жыл далалық жұмыстармен шұғылданды әрі үлкен тәжірибелер жинады. С. Сұңғатай саналы ғұмырында қытай-америкалық, қазақ-француздық, қазақ-француз-италиялық және ресейлік-қазақстандық қатарлы төрт үлкен халықаралық экспедицияға қатысуға мүмкіндік алды. Өмірінің соңғы жылдарында С. Сұңғатай ҚР БҒМ Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтында жұмыс істеді. «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша жобаларды жүзеге асыруға белсене қатысып, қытай, манжур, ойрат, шағатай тілдерінде жазылған Қазақ хандығының тарихына қатысты 3500-ден астам құжатты анықтауға өз үлесін қосты.

Түйін сөздер: археология, С. Сұңғатай, археолог, шығыстанушы, экспедиция, аударма

Сағынтай Сұңғатайұлы 1967 жылы 28 ақпанда қазіргі ҚХР ШҰАР Санжы облысы Фукаң ауданында дүниеге келген. Ол 1989 жылы Шынжаң университетінің Тарих факультетін бітіргеннен кейін еңбек жолын Шынжаң Ғылым академиясы Археология институтында бастайды. 1990–1991 жылдары ҚХР ШҰАР қоғамдық ғылымдар академиясы Археология институты ұйымдастырған Оңтүстік Шынжаң археологиялық экспедициясының құрамында Қызылсу қырғыз облысы Ақши, Ұлықшат, Ақтау аудандарында археологиялық барлау және қазба жұмыстарын атқарады. Сол жылы профессор Ван Бинхуа мен Роберт Ньюман басшылық

еткен Қытай-Американ біріккен археологиялық-этнографиялық экспедициясы құрамында Іле Қазақ автономиялы облысының Іле, Тарбағатай, Алтай аймақтарында жүргізілген археологиялық және этнографиялық барлау-тексеру жұмыстарына қатысады. 1992–1993 жылдары аралығында белгілі археолог Люй Эньго мен Чжан Те-нань жетекшілік еткен экспедиция құрамында Тұрфан аймағындағы Субашы, Яңхай қорымдарында жүргізілген «Субашы мәдениетіне» жататын көне жұрттарда қазба жұмыстарға қатысады. 1994 жылы Го Цзяньго басшылығындағы Құмыл (Хами) археологиялық экспедициясы құрамында болады әрі Құмыл аймағына қарасты Баркөл

*Сағынтай Сұңғатай
(Фото А.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты
архивтен алынған)*

*Sagintay Sungatay (Photo from the
archives of the A.Kh. Margulan Archeology
Institute)*

Қазақ автономиялы ауданы мен Аратүрік аудандары аумағындағы Ақтас, Ханьчигоу, Цзюньмачан қатарлы ерте темір дәуіріне жататын қорымдарда жүргізілген «Янбулақ мәдениеті» деп аталған көне мәдениет жұртында жүргізілген қазба жұмыстарға қатысып, құнды кәсіптік тәжірибелер жинақтайды.

Сағынтай Сұңғатай Қазақстан егемендігін алған кезде алғашқылардың бірі болып тарихи Отанына оралған қазақтың бірі. Ол 1994 жылы Қазақстанға ат басын тірегеннен кейін, 1994–1997 жылдар аралығында ҚР ҰҒА Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтында аспирантурада оқыды. 1994 жылдың 10 қазанына бастап тарих ғылымдарының докторы А.Х. Марғұлан атындағы Археология

институтының директоры Қ.М. Байпақовтың бұйрығымен С. Сұңғатайдың ғылыми жетекші болып К.А. Ақышев тағайындалды. Диссертация тақырыбы: «Ежелгі Усунның материалдық және рухани мәдениеті (б.д.д. II ғ. – V ғ.)» деп белгіленіп, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 1994 ж. 16 қарашада өткен ғылыми кеңесінің отырысында мақұлданды* [*Ред. ескертпесі]. 1998 жылдан бастап Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында, кейін Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтында ғылыми жұмыстармен шұғылданды.

С. Сұңғатай өзінің тарихи Отанына оралған алғашқы жылдардан бастап-ақ Қазақстанның археология саласындағы өз жұмысын бастап кетті. 1994 жылы Б. Нұрмұханбетовтің жетекшілігіндегі экспедиция құрамында Алматы облысы аумағындағы Шарын өзені бойында және Қарғалы кентінде жүргізілген қазба жұмыстарына қатынасты. Келесі жылы, яғни 1995 жыл 3. Самашев басшылығындағы Қазақ-Француз біріккен археологиялық экспедициясының құрамында Жетісу Алатауы бөктеріндегі Баянжүрек археологиялық кешеніндегі экспедициялық жұмыстарға, 1997 жылы Шығыс Қазақстан облысы Большенарым ауданындағы Майемер қорымында жүргізілген қазба жұмыстарына қатысты.

Археолог ғалым С. Сұңғатай өміріндегі олжалы оралған экспедициялық жұмыстың бірі 1998–2000 жылдары аралығында Қазақ-Француз-Италия біріккен экспедициясының Шығыс Қазақстан облысы Қатонқарағай ауданы Берел қорымында жүргізілген кешенді археологиялық қазба

жұмысы болатын. Еліміздің беделді археологтары қатарында С. Сұңғатай қатысқан бұл реткі ғылыми экспедиция құрамында еліміз археологтарынан тыс бірқатар елдердің беделді археологтары мен ғылымның әр саласының мамандары болды. Кезекті халықаралық экспедиция Алтайдың қақ төрінен бұдан 24 ғасыр бұрын өмір сүрген көшпелі сақ тайпасының көсемі жерленген мәңгілік тоң басқан патша обасын қазып, одан бірегей археологиялық олжаларды тапты. Берел обасындағы ерекше жерлеу құрылысы, онан табылған аса бай ақыреттік заттар, тоң астында бұзылмай сақталған адам және сайкүлік ат мүрделері, сәнді ат әбзелдері мен алуан түрлі өнер бұйымдары елімізде ғана емес, шетелдерде де орасан зор қызығушылық туғызды. Ол туралы сол тұстағы Франция, Италия сынды батыс елдерінің мерзімді баспасөзі «XX ғасырдың археология ғылымындағы ең соңғы әлемдік ғылыми сенсациясы» деп бағалап жатты. С. Сұңғатайдың бұл жылдары атқарған жұмыстары мұнымен ғана шектелген жоқ, аталған жылдардың кезекті археологиялық маусымдарында Шығыс Қазақстан облысы Күршім және Зайсан ауданы аумағында Қазақстан-Ресей біріккен Марқакөл археологиялық отрядын бастап, аталған өңірден Шеміршек мәдениетінің және ерте темір дәуірінің ескерткіштерін барлады, тексеріп-анықтады және қазба жұмыстар жүргізді. Бұл жұмыстардың нәтижелері Ресейдің беделді ғылыми басылымдарында жарияланды.

Сағынтай Сұңғатайдың ғылыми зерттеу ауқымы өте кең, ол өзінің

саналы ғұмырында Орталық Азия елдерінің ерте темір дәуірі мен орта ғасырлардағы археологиялық мәдениеті, ежелгі дәуір мен орта ғасырлардағы Еуразия даласының этномәдени үрдістері, тарихи-мәдени дәстүрлер сабақтастығы, палеоэтнография және деректану т.б. ғылыми бағыттарда еңбек етті. Біз бұл жерде оның тарих ғылымының аса маңызды бір саласы болып саналатын деректану бағытында атқарған еңбегін айрықша бағалай аламыз. Елбасымыздың тікелей бастамасымен қолға алынған «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасын орындау барысында ол ҚР БҒМ Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтында бізбен бірге еңбек етті. 2004–2005 жылдары Институт жасақтаған ғылыми экспедиция құрамында ҚХР Пекин, Нанкин, Си-ань, Тайюань, Үрімжі, Құлжа қалаларында және Моңғолияның Ұланбатыр қаласы мен Баянөлги аймағында тарихи-архивтік және археологиялық материалдарды жинау, зерттеу жұмыстарына қатысты. Ғылыми экспедициялық топ бұл жолы ҚХР Пекин қаласындағы Гугун архивінде XVIII–XIX ғасырларда хатталған Қазақ хандығына қатысты қытай, маньжур, ойрат, шағатай тіл-жазуында жазылған 3500 ден астам архив құжаттарын тапты. Кейін келе бұл құжаттардың Қазақ хан-сұлтандарының Циң империясының патшасына, патшалықтардың Құлжа мен Тарбағатайдағы ұлықтарына жолдаған хаттары, өзара саудасаттық, шекаралас аймақтардағы азаматтық-кылмыстық дауларға, елшілік қатынастар мен шекара мәселелеріне қатысты құжаттар екені анықталды. Экспедициялық іссапар

кезінде ҚХР-ның солтүстік-батыс өлкелерінен табылған археологиялық материалдар да молынан жинақталып, елге жеткізді және отандық тарих ғылымына айналымға енгізілді. Бұл дүниелердің барлығы Қазақстанның ежелгі тарихы мен мәдениетіне тікелей қатысты аса құнды ғылыми материалдар болатын.

«Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасының келесі кезектегі жұмыстары алыс-жақын шетелдерден елге жеткізілген Қазақстанның тарихы мен мәдениетіне қатысты деректерді жүйелеп, аударып, арнаулы топтамалар бойынша баспадан шығарумен өз жалғасын тапты. Бұл жолы да Сағынтай Сұңғатай ауқымды еңбек етті. Ол «Қазақстан тарихы туралы Қытай деректемелері» І т. (Саяхатнамалар мен тарихи-географиялық еңбектерден таңдамалылар) және «Қазақстан тарихы туралы Қытай деректемелері». II т. (Тарихи-мәдени жәдігерлер) қатарлы екі томның жұмысына қатынасып, қатысты деректемелерді көне қытай тілінен мемлекеттік тілге аударып, ғылыми түсініктемелер мен ескертпелер жазу негізіндегі кешенді деректанулық зерттеулерді жүргізді.

Жалпы С. Сұңғатайдың еңбектері осы ғана емес, өзінің шекті ғұмырын туған халқының тарихын зерделеуге арналған ғалымның қазақ, қытай, орыс, ұйғур тілдерінде жазған

*К.М. Байпақов және С. Сұңғатай.
Құлжа мұражайы, 2008 ж.
Фото К.М. Байпақовтың жеке архивінен алынды*

*K.M. Baipakov and S. Sungatay
in the museum Gulja, 2008.
Photo from the family archive of K.M. Baipakov*

50-ден астам ғылыми мақаласы мен 40-тан астам энциклопедиялық және ғылыми-танымдық мақалалары түрлі басылымдарда жарияланды және бірқатар республикалық және халықаралық ғылыми конференцияларда оқылды.

Археолог, шығыстанушы, аудармашы Сағынтай Сұңғатайдың Қазақстан ғылымына берері әлі де көп еді. Бірақ, дәл қазір ол біздің арамызда жоқ. Ол 2019 жылдың 9 ақпанында мәңгілік сапарға аттанып кете барды. «Ғалымның

хаты өлмейді» демекші оның артында өшпес мұрасы – «хаттары» қалды. Біз күні кеше ғана бірге жүрген Сағынтай әріптесімізді сағына еске ала отырып, оның ғылыми өмірі

мен шығармаларын қысқаша ғана таныстырып өттік. Мұрқұмның жаны жәннәтта болсын деп дұға-тілегімізді білдірдік.

Авторлар туралы мәліметтер:

Әбусейітова Меруерт Қуатқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ұлттық Ғылым академиясының корреспондент-мүшесі, директор, Тарихи материалдарды зерттеу орталығы, Р.Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институты (Алматы қ., Қазақстан); mabusseitova@hotmail.com

Ошан Жынымхан – тарих ғылымдарының кандидаты, бөлім меңгерушісі, Азия-Тынық мұхиты аймағы бөлімі, Р.Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институты (Алматы қ., Қазақстан); zhan918@mail.ru

Сағынтай Сунгатай – археолог, востоковед

М.Х. Абусейітова, Ж. Ошан

Археолог и востоковед Сағынтай Сунгатай ушел из жизни 9 февраля 2019 г. У исследователя, свободно владевшего несколькими языками (казахским, китайским, уйгурским), осталось много нереализованных замыслов. Среди них – изучение культуры населения раннего железного века Иле, которой он серьезно занимался с середины 1990-х годов, когда с обретением Казахстаном независимости принял серьезное намерение вернуться на свою историческую родину. За плечами исследователь имел большой опыт полевой работы, приобретенный как в Китае, так и в Казахстане. С. Сунгатаю довелось принимать участие как минимум в четырех международных экспедициях - китайско-американской, казахско-французской, казахско-французско-итальянской, российско-казахстанской. В последние годы жизни С. Сунгатай работал в Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК. Он принимал активное участие в реализации проектов в рамках программы «Культурное наследие», выявил более 3500 документов по истории Казахского ханства, написанных на китайском, маньчжурском, ойратском, чагатайском языках.

Ключевые слова: археология, С. Сунгатай, археолог, востоковед, экспедиция, переводы

Sagyntay Sungatay – archaeologist, orientalist

M.Kh. Abuseitova, Zh. Oshan

Sagyntay Sungatay, the archaeologist and orientalist died on the 9th of February 2019. The researcher, who was fluent in several languages (Kazakh, Chinese, Uigur), had a lot of unrealized ideas. Among them is the Early Iron Age Ile population culture study, which he seriously engaged in since the mid-1990s, when with the attainment of independence by Kazakhstan, he took a serious intention to return to his historic homeland. The researcher had extensive field experience, acquired both in China and in Kazakhstan. S. Sungatay had a chance to take part in at least four international expeditions – Chinese-American, Kazakh-French, Kazakh-French-Italian, Russian-Kazakh. In the last years of his life S. Sungatay worked at the Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov of the Science Committee of the Ministry of Education and Science

of the Republic of Kazakhstan. He took an active part in the implementation of projects under the program “Cultural Heritage”, revealed more than 3500 documents on the history of the Kazakh Khanate, written in Chinese, Manchu, Oirat, Chagatai languages.

Keywords: archaeology, S. Sungatay, archaeologist, orientalist, expedition, translations

About the Authors:

Abuseitova Meruyert Kh. Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director, Republican Centre for the Study of Historical Materials, Suleymenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan; mabusseitova@hotmail.com

Oshan Zhanymkhan. Candidate of Historical Sciences, Head of the Department, Department of the Asia-Pacific Region, Suleymenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan; zhan918@mail.ru

САРАБДАЛ САҒЫНТАЙДЫ САҒЫНҒАНДАҒЫ СУСЫҒАН СЫРЛАР...

© 2019 ж. Ғ.Қ. Омаров

Еске алу мақаласы өмірден ерте кеткен археолог – Сағынтай Сұңғатайға арналған. С. Сұңғатайдың ата-бабалары 90 жылдан астам бұрын ШҚО Марқакөл ауданынан тағдыр тәлкегімен Қытайға ауған. Жылдар өте келе Шыңжаң университетінде археология мамандығы бойынша білім алып (1989 ж.), Үрімші қаласындағы Археология институтында бірнеше жыл жұмыс істеп (1989–1994 жж.) Сағынтай тарихи ата-мекеніне оралуға шешім қабылдайды. Осы жолдардың авторы еліміздің шығысындағы әртүрлі экспедицияларда бірге болған сол бір күндерін ыстық сағынышпен еске алады. С. Сұңғатай – тек қана археология ғана емес, сондай-ақ әдебиет, философия, музыкамен айналысқан, өмірде болып жатқан жаңалықтардан сырт қалмаған сан қырлы тұлға.

Түйін сөздер: археология, С. Сұңғатай, Шығыс Қазақстан, археолог

...Сағыныш тегі ар-намыс,
Сағынған жанның зары ерен.
Ермұрат Зейіпхан

Адам өмірінің тым қысқа екендігін кеше ғана қасыңда жүрген іні-дос, әріптес жанның бір-ақ күнде жоқ болғанында ғана біледі екенсің. Іштей егіле солбір бірге жүрген күндердің керемет сәттерін сағынышпен көз алдыдан өткізе отырып елжірей еске аласың. Шынында да ойладық па, Сақаңнан осындай тез айырылып қаламыз деп. Сыр бүккен қара нөпір ішкі ойының ақтарылмаған талай тұмса тың туындыларын өзімен бірге ала кетті. Амал нешік...

Қайтыс болған адамның соңынан естелік жазу оңай шаруа емес, қиынның қиыны. Ол оның үстіне ең бір етжақын көретін жақын жаның болса. Дегенмен мен алғашқы

танысқан күндерден бастап есте қалаған кейбір мөлтек сәттерді еске түсіруге тырысайын.

Сағынтаймен алғашқы танысуым 1996 жылы болуы керек, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтына жолым түсіп бара қалсам Зекең (Зайнолла Самашев): «Әй, Ғани, мына туысыңмен таныс» – деп мен бұрын көрмеген көзіне көзілдірік таққан, өзім сияқты «кіркөтерімді» жігітті нұсқады. Таныстықтан кейін қандай «туысым» болды екен деп жөн сұрассам, Қытайдан келгендігін, елінің – Найман екендігін айтты. Мен де «оның ішінде қайсысың?» – деп бастырмалатып жатырмын. Қойшы, сонымен екеуімізге де ортақ Қожамбет

атамызға барғанда құшақтай алып-пын. Жалпы арғы аталарының мен өскен Марқакөл жерінен аттай 90 жылдай бұрын кеткендіктерін айта келе, онда туысқандары тұратындығын, елге бару арманы екенін де еш бүкпесіз айтып өтті. Өстіп сол күннен бастап қамшының қос өріміндей ағалы-інілік, достық, әріптестік ғұмырымыз басталды. Сонан кейін ара-тұра кездесіп тұрғанымызбен, шынайы бір-бірімізді жақыннан тануымыз 1997 жылы 3. Самашевтың басқаруындағы Қазақ-француз-итальян біріккен Шығыс Қазақстан халықаралық археологиялық экспедициясында болды. Сол экспедицияға сайдың тасындай бір-бірінен өтетін азаматтар жиналған еді. Дала археологиясының «қара нары» – Жұмаш Жетібаев, қазба жұмысының нағыз майталманы – Дәулет Қожақов, қандай жұмысқа

салсаң да мыңқ етпейтін, «орыс» мінезді – Ойрат Ишманов, ата жұртқа Мұңғылиядан оралған этнограф – Досымбек Қатыран, Қытайдан келген археолог – Сағынтай Сұңғатай және осы жолдардың авторы бір шатырға жайғастық. Кешке қарай жұмыстан соң тек қана археология ғылымы ғана емес, тарих, әдебиет, өнер туралы пікір таластырамыз. Сол кезде бір байқағаным Сағынтайдың аталған салалар бойынша 1989 жылы Шынжаң университетінің Тарих факультетін бітіргендігі білімі, 1989–1994 жылдары Үрімші қаласындағы Шынжаң Археология ғылыми зерттеу институтында ғылыми қызметкер болып жүрген уақытта халық арасында көп болғаны, сондай-ақ көп оқығандығы болар кез-келген тақырыпта айтар өз ойы, ұстанымы болатын. Дәл осы жерде айта кетейін, Университеттегі дипломдық

Маймердегі экспедицияда, 1997 ж. Солдан оңға қарай: Ғ. Омаров, Д. Қатыран, С. Сұңғатай, Д. Қожақов және Ж. Жетібаев. Фото Ю.Ф. Черкашиндікі

In the expedition. Maymer, 1997. From left to right: G. Omarov, D. Katyran, S. Sungatay, D. Kojakov, J. Jetibayev. Photo by Yu. Cherkashin

жұмысы негізінде жазылған «Не-
сториан дінінің тарихта қазақтар
арасында таралуы» атты ғылыми
мақаласына 1994 жылы ШҰАР
қоғамдық ғылымдар академиясы
тарапынан «Қоғамдық ғылымдар
бойынша II дәрежелі таңдаулы
ғылыми мақала» деп танылып,
жеңімпаз болса, сол мақала ерек-
ше қызығушылық туғызғандықтан
2001 жылы Қытайдың «Синьцзян
вэнь-у» журналы әдейілеп аударып
басқан екен.

1997 жылы Шығыс
Қазақстанның Маймер ауылындағы
Қазақ-француз-итальян біріккен
халықаралық археологиялық экспе-
дициясына барған кезде Алтай
тауының шалғай бір қуысында
күнделікті оқитын газет, журнал
атаулы жоқ. Шағын радиодан
ғана хабар бар ма деп қоссақ

Қазақстандық толқынның ешқайсы-
сы алмайды. Өзінің Қытайдан
әкелген кішкене радиосын алып бір
жотаға – Сағынтай, екінші жотаға
– Досымбек кетеді. Біз қалғанымыз
күнделікті жаңалықтарды Қытай мен
Мұңғылияның радио толқындары
арқылы білеміз. Сағынтайды
«Қытайдың», ал Досымбекті
«Мұңғылияның шпионы» – деп
қалжыңдай келе, ақыры екеуіне
құлақ тосамыз. Сақан қай уақытта
да газетті үзбей оқыды, өмірде өтіп
жатқан жаңалықтардан ешқашан
сырт қалмады.

Сағынтай, әсіресе, әдебиетке
жақын еді. Тіпті әдебиет майданына
түскен уақыты да болды. «Ақжол
Қазақстан» газетінің 2004 жылғы № 1
номерінде «Біздің «қытайтанушылар»
ғылымды неге былғайды? Немесе
қазақ әдебиеті тарихына еніп кеткен

*Берел, 1998. Солдан оңға қарай: С. Сұңғатай, З. Самашев, Ж. Құрманқұлов.
Фото Ю.Ф. Черкашиндікі (?)*

*Berel, 1998. From left to right: S. Sungatay, Z. Samashev, Zh. Kurmankulov.
Photo by Yu. Cherkashin (?)*

жалған ақын туралы бірер сөз» атты мақаласында Сағынтайдың тілімен айтсақ «... исі түрік тарихында болмаған, Қытай ғалымдары саясат үшін ойлап тапқан» Кегменер Үлгеұлы деген қолдан жасалған ақынды еліміздің филологтары антологияға енгізіп жібергеніне қатты күйініп Әбдімәлік Нысанбаев, Дүкен Мәсімхан, Мұхтархан Оразбай сынды «пәлсапа және әдебиетшілерді» дәйекті фактілерді келтіре келе мақтамен бауыздаған еді. Сағынтайдың әдебиетке байланысты мақалаларының бұл бір парасы ғана.

Сағынтайдың ерекше қабілетінің арқасы болар, орыс тілінде таза сөйлей алмаса да, орыс тілінен қазақ тіліне жетік аударуды тез арада меңгеріп алды. Кейбір сөздердің адам таппайтын аудармасын, не баламасын орынды әрі төбесінен түскендей дәл таба қоятын. Сондай еңбектерінің ішіндегі ғылыми аударманың нағыз үлгісіндей 2002 жылғы И.Н. Тасмағамбетовтың «Құлпытас» атты иллюстрациялы альбом-кітабы және 2005 жылы З. Самашев, Ф. Григорьев, Г. Жұмабековалардың «Древности Алматы» атты кітаптарын орысшадан қазақшаға аударды. Кейінгі уақыттарда «Көрші» дейтін журналға Қытай мәдениетіне қатысты мақалаларды қытайшадан қазақшаға аударуға да ат салысты. Бұл мен білетін аударма ісіндегі жұмыстарының бір парасы ғана, білмейтінім қаншама?!

Сақаның музыкаға жақындығын да сол бір Майемер даласында жүргенде алғаш байқаған едім. Француздармен біріккен экспедицияда соларға арнап аудандық әкімшілік арнайы іс-шара өткізді. Большенарым аудандық мәдениет үйінің әртістері концерт

қойды. Қонаққәде ретінде Сағынтай қазақ әндерімен бірге қытайша (ұмытпасам) «Қызыл гаулен» атты әнді гитарада орындады. Оның жақсы көретін әндерінің қатарында «Ғалия» әнімен бірге досы марқұм Ермұрат Зейіпханның «Мен жүрген жайлаудың биігі» атты әндерін сезімге берілген сәттерінде ерекше шабытпен шырқайтын. Ермұратты жақсы көрді. Ермұрат та реті келгенде әндерін халық алдына ұсынбас бұрын Сағынтайға тыңдатып алып, оның пікіріне әрдайым құлақ асып отыратындығын, Сақаң досын сағына отырып бірнеше рет айтып еді. Оның дәлелі Ермұраттың Сағынтайға арнап жазған өлеңі «Дүние ғапыл» атты жинағында жарық көрген. Амал нешік... Екеуі де жоқ.

Туған жерге, ата жұртына деген махаббаты да шексіз болатын. 2007 жылы шілдеде алдын-ала уағдаластықпен Үрімші жаққа баратын болып, мен Шілікті археологиялық экспедициясында жүргенде сонда келді. Екеуіміз Майқапшағай кеденінен өтіп, алдымен Алтай қаласына, сонан соң Фуқаң қаласына бірге бардық. Сонда жүргенде Үш Боғда тауына барар жолда Сянгу ауылынан асып Угар сайының Сянгу өзеніне қосылатын жеріне дейін барып, одан қайта құлдилай келе Шұбарсай аузына дейін жаяу жүре отырып келген сәттерімізде ол өзінің оқыған мектебін, ата-бабаларының мәңгілік мекенін сондай бір сүйіспеншілікпен айтқаны бар еді. Ол жердің тарихына қатысты жазған алғашқы мақалаларының бірінің жай-жапсарынан сол жолы мағлұмат алып едім. Сол жердегі ағайындардың тарихы мен этнографиясына да өзіндік зерттеу жұмыстарын жүргізумен қатар,

Қазақстанның Марқакөл, Күршім өңіріндегі туған-туыстарын тауып алып, олармен тығыз қарым-қатынас орнатты. Оны мен 1999 жылы Ресей-Қазақстан біріккен археологиялық экспедициясында және менің ғылыми жобам бойынша 2012 жылы археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізген сәттерімде анық көз жеткіздім. Шежіре бойынша көрмеген туысқандарын да тап басып айта алатын.

Сағынтаймен 2011 жылдың тамызында Шыңжаңдағы археологиялық ескерткіштермен танысу мақсатында біраз күн бірге болдық. Алтай, Қаба (ондағы Доғаты сынды ескерткіштер), Шеміршек, Тұрфан жеріндегі небір ескерткіштерді көрсетіп, Үрімшідегі Археология музейіндегі жәдігерлермен таныстырды. Ондағы материалдарды мықты білетіндігін, мен Қазақстанда жүргенде-ақ байқағанмын. Үрімшіде оқыған кезіндегі ұстазы, әріптесі үш бірдей археологиялық мәдениетті ашқан Лу Енгомен сол жолы Тұрфандағы музейде таныстырып еді. Ол да Сағынтайды көргенде қатты қуанып, іздеп келгеніне туған бауырын көргендей болып бір жасап қалды.

Жалпы Сағынтайдың ұстаздары мен аға-бауырларына деген сыйластығы мен ізгілік ниеті ерекше еді. Оған тарихи Отанына

келгенде археологияда нағыз мықты адамдар жолықты. Ежелгі үйсіндер тақырыбын берген Алматыдағы алғашқы жетекшісі – Кемал Ақышұлы Ақышев болса, онан кейінгі жетекшісі – Карл Молдахметұлы Байпақов болды. Үрімшідегі студент күндерінен бастап өмірінің соңғы сағаттарына дейінгі ұстазы, әрі рухани ағасы – Нәбижан Мұхаметханұлы болды. Осындай атпал азаматтармен қатар ол Алматыға келгеннен кейін Бекмұханбет Нұрмұханбетұлы, Зайнолла Самашев, Нұрсан Әлімбайұлы ағаларының экспедицияларында, мекемелерінде болып, олардың тәлім-тәрбиесін алды. Сонымен қатар Бақыт Еженханұлы, Арман Зияденұлы Бейсенов, Жұмаш Мұқашұлы Жетібаев, Нәпіл Базылханұлы, Досымбек Қатыран, Нұржан Қуантайұлы сынды қатарлас аға, достарымен бірге жүрді. Археология, тарих, әдебиет саласына қатысты өз ой-толғамдарымен бөлісіп, пікір алысты. Қайтейік, жаман ауру жабысып, алдына қойған мақсаттарының орындалуы іске аспай қалды. Тек қана артында қалған ғылыми еңбектерін жинап, жинақ болып жарияланатындығына шүкіршілік етеміз.

Сағынтай бауырымыздың жатқан жері жәннәтта, орны жұмақта, топырағы торқа болсын.

Список основных публикаций С. Сунгатая*

Участие в книгах, альбомах:

1. Берел. Алматы: Общественный фонд «Берел», 2000. 56 с. (в соавт. с Самашевым З., Базарбаевой Г., Джумабековой Г.).
2. Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. I т. Саяхатнамалар мен тарихи географиялық еңбектерден таңдамалылар. Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. 396 б. (Еженханұлы Б., Ошан Ж. мен бірге).
3. Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. II т. Тарихи-мәдени жәдігерлер. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 80 б. + 132 бет жапсырма (Еженханұлы Б. мен бірге).

4. Исследования археологических памятников раннего периода бронзового века в Восточном Казахстане (1998–2000 годы) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. 1. Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. / Сост. и научн. ред. А.А. Ковалев. СПб.: Изд-во ЛЕМА, 2014. С. 9–151 (в соавт. с Ковалевым А.А., Самашевым З.).

Статьи, изданные в Казахстане:

1. Түрік қағанының кесенесі табылды // Қазақ тарихы. 1995. № 6. 5-6.
2. Несториан дінінің ортағасырлық қазақ тайпалары арасында таралуы // Қазақ тарихы. 1996. № 1. 14–18-бб.
3. Ежелгі Үйсін ұлысы – қазақ мемлекеттілігінің қайнар бастауы // Қазақ тарихы. 1997. № 1. 17–20-бб.
4. Исследование культуры древних кочевников Казахстанского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 1998. С. 174–202 (в соавт. с Самашевым З.С., Франкфортом А.-П., Ермолаевой А.С., Джумабековой Г., Гий Э., Жетибаевым Ж., Омаровым Г.).
5. Ежелгі берелдіктердің ғажайып мәдениеті // Қазақ тарихы. 1999. № 2. 57–65-бб. (в соавт. с Самашевым З., Жұмабековой Г.).
6. Қазақ Алтайының скиф-сақ дәуіріндегі мәдениеті // Отан тарихы. 1999. № 4. 60–70-бб. (в соавт. с Самашевым З., Жұмабековой Г., Базарбаевой Ф.).
7. Алтайдағы Берел обалары // Абай. 2000. № 1. 6–10-бб. (в соавт. с Самашевым З., Жұмабековой Г.).
8. Көне түркілердің алтын маскасы // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2001. № 5. (234). С. 16–19.

Зарубежные публикации:

1. Христиан дінінің тарихта қазақтар арасына таралуы // Синьцзян қоғамдық ғылымы. 1991. № 1.
2. Қазақ даласының ежелгі археологиялық мәдениеті туралы // Синьцзян қоғамдық ғылымы. 1992. № 2.
3. Санжы өңіріндегі кейбір тарихи-мәдени ескерткіштер // Үйрену және ғылым. 1992. № 1.
4. Фуқаң ауданынан табылған қарақытай қола айнасы қола дәуірінің тас кетпені және тас шар // Синьцзян қоғамдық ғылымы. 1993. № 3.
5. Фуқан сянь фасянь сияло тунцзин чинтун шидаи шичу цзи шицю // Синьцзян ван-у. 1993. № 1.
6. Фуқан фасянь сияло тунцзин // Чжунго вэн-у бао. 1993.04.25.
7. Іленің жоғарғы аңғарындағы ежелгі усундердің археологиялық мәдениеті // Синьцзян қоғамдық ғылымы. 1995. № 1.
8. Қазақ даласы петроглифтеріндегі баксы-абыздар бейнесі // Синьцзян қоғамдық ғылымы. 1996. № 1 (в соавт. с Самашевым З., Франкфортом А.-П., Жетибаевым Ж.).
9. Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: АлтГУ, 1999. С. 159–164. (в соавт. с Самашевым З., Джумабековой Г.).
10. Қазақстан Алтайындағы ежелгі көшпелілердің тыңынан ашылған археологиялық ескерткіштері // Синьцзян қоғамдық ғылымы. 1999. № 2 (в соавт. с Самашевым З., Жұмабековой Г.).

Переводческая деятельность:

1. Жұптасқан құс мүсінді қанжарлардың Солтүстік Қытай мәдени аймағына таралуы. Перевод статьи Ян Цзяньхуа с кит. на каз. яз. // Кадырбаевские чтения–2010: сб. матер. II междунар. научн. конф. / Научн. ред. А.А. Бисембаев. Ақтобе, 2010. С. 106–108. Оригинал статьи на кит. яз. на с. 108–112.

*Список публикаций С. Сунгатая составлен Г.А. Базарбаевой и Г.С. Джумабековой на основе данных из личного дела аспиранта С. Сунгатая из фондов архива Института археологии им. А.Х. Маргулана. Благодарим Ж. Ошан за уточнения по публикациям Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова.

Автор туралы мәліметтер:

Омаров Ғани Қалиханұлы – тарих ғылымдарының кандидаты, Археология, этнология және музеология кафедрасының меңгерушісі, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы қ., Қазақстан); gani.omarov@kaznu.kz

Памяти С. Сунгатая (1967–2019)

Г.К. Омаров

Воспоминание посвящено безвременно ушедшему из жизни археологу – Сагынтаю Сунгатаю. Семья С. Сунгатая более 90 лет назад вынуждена была эмигрировать в Китай с территории Маркакольского района ВКО. Спустя годы, получив образование в Синьцзянском университете по специальности археолог (1989 г.) и несколько лет проработав в НИИ в г. Урумчи (1989–1994 гг.), Сагынтай принял решение вернуться на историческую родину. Автора строк связывают с С. Сунгатаем самые теплые воспоминания о поре совместного участия в различных экспедициях на востоке нашей страны. С. Сунгатай – многогранная личность, он живо интересовался не только археологией, но и литературой, философией, музыкой. Всегда находился в курсе современной ситуации.

Ключевые слова: археология, С. Сунгатай, Восточный Казахстан, археолог

In memory of S. Sungatay (1967–2019)

G.K. Omarov

The memory is dedicated to the archeologist Sagyntay Sungatay. The family of S. Sungatay more than 90 years ago was forced to emigrate to China from the territory of Markakol region of the East Kazakhstan. He received an education in the Xinjiang University as an archeologist (1989) and after several years he was working in a research institute in the city of Urumqi (1989–1994). Then Sagyntay decided to return to his historic homeland. The author wrote the warmest memories about S. Sungatay, their joint participation in various expeditions in the east of our country. S. Sungatay was a multifaceted personality. He was keenly interested not only in archeology, but also in literature, philosophy, and music. He was always aware of the current situation.

Keywords: archaeology, S. Sungatay, East Kazakhstan, archeologist

About the Author:

Omarov Gany K. Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan); gani.omarov@kaznu.kz

О КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 90-летию со дня рождения А.Д. ГРАЧА

© 2019 г. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова

Заметка кратко знакомит читателей с конференцией, проходившей 10–14 декабря 2018 г. в Санкт-Петербурге и посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога А.Д. Грача. Город на Неве является знаковым для казахстанской археологии. Здесь происходило становление таких выдающихся личностей отечественной науки, как Ч.Ч. Валиханов (Ш. Уалиханов), А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, А.М. Оразбаев, М.К. Кадырбаев, К.М. Байпаков. Казахская делегация представила на конференции доклады, в которых рассматривались различные аспекты изучения памятников раннего железного века Сарыарки.

Ключевые слова: археология, А.Д. Грач, Санкт-Петербург, ИИМК РАН, конференция, доклады

В первой половине декабря минувшего года в Институте истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) состоялась вторая всероссийская с международным участием конференция «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», посвященная 90-летию со дня рождения выдающегося исследователя центральноазиатских древностей и европейского города Нового времени Александра Даниловича Грача. Организаторами конференции выступили ИИМК РАН, Государственный Эрмитаж, Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера) и Русское географическое общество [Интернет-ресурс].

В течение пяти дней, с 10 по 14 декабря, в стенах Русского географического общества, Института истории материальной культуры и Государственного Эрмитажа были за-

слушаны доклады исследователей из различных научных центров России, Казахстана, Великобритании (фото).

Примечательным и запоминающимся было открытие конференции, проходившее в историческом здании – в Штаб-квартире Русского географического общества в Санкт-Петербурге, в переулке Гривцова. Для казахстанской делегации особенно волнительным было то, что среди портретов известных географов, путешественников, первооткрывателей, размещенных на стенах штаб-квартиры, находится портрет нашего соотечественника – Шокана Уалиханова. Возможно, эти стены помнят и другого легендарного человека, стоявшего у основ археологии Казахстана и посвятившего изучению наследия Шокана многие годы жизни, – Аликея Хакановича Маргулана [Бейсенов и др., 2017, с. 17–21; Маргулан Д.А., 2018].

На снимке участники конференции. ©Русское географическое общество

The conference participants. © Russian Geographical Society

Для казахстанской археологии XX века Ленинград/Санкт-Петербург сыграл ключевую роль [Байпаков, 2004; Смирнов, 2017]. Именно в городе на Неве происходило становление таких личностей, как А.Х. Маргулан, Е.И. Агеева, К.А. Акишев, А.М. Оразбаев, М.К. Кадырбаев, К.М. Байпаков. Поэтому принять участие в таком мероприятии как конференция памяти А.Д. Грача было очень значимо и ответственно. Ушедшее поколение казахстанских археологов – современники А.Д. Грача, поэтому участие в таких знаковых мероприятиях, приуроченных к юбилеям известных ученых, – скромная дань самоотверженному труду коллег, посвятивших себя науке.

На открытии конференции прозвучало много теплых, ярких воспоминаний об экспедициях, открытиях А.Д. Грача. Этому были посвящены выступления вице-президента Русского географического общества К.В. Чистякова, заместителя генерального директора Государственного Эрмитажа С.Б. Адаксиной, директора ИИМК РАН В.А. Лапшина, а также друзей и ближайших коллег А.Д. Грача – С.Н. Астахова, Д.Г. Савинова, Я.А. Шера.

В сообщении Я.А. Шера было высказано пожелание, адресованное руководству ИИМК РАН, – провести специальное заседание Ученого совета ИИМК РАН и отменить несправедливое решение начала 1970-х гг.,

последствия которого крайне негативно отразились на жизни и научной судьбе А.Д. Грача. Яков Абрамович просил коллег поддержать его предложение* [*Подробно с ситуацией можно ознакомиться из материалов сборника, посвященного 70-летию А.Д. Грача – прим. авт.] [Древние культуры..., 1998].

Каждый день конференции был насыщен выступлениями исследователей и сопровождался бурными, заинтересованными обсуждениями. Доклады казахстанской делегации были посвящены вопросам изучения памятников раннего железного века Центрального Казахстана, в том числе искусства раннесакского времени. В двух сообщениях А.З. Бейсенова были изложены основные результаты исследований тасмолинской культуры, а также работ на поселении Абылай. Первый доклад был посвящен осмыслению научного вклада в изучение древних культур Казахстана и Тувы двух современников – А.Д. Грача и М.К. Кадырбаева. Оба исследователя прожили короткую жизнь, но оставили глубокий след в археологии Центральной Азии. А.Д. Грач и М.К. Кадырбаев являются первооткрывателями ключевых культур сакского времени – алды-бельской в Туве и тасмолинской – в Сарыарке.

В своем выступлении А.З. Бейсенов отметил факты обнаружения в Центральном Казахстане серии статуарных изображений эпохи палеометалла. В своем комментарии А.В. Варёнов, возвращаясь к находкам, сделанным А.Х. Маргуланом и названных им «бараньими» (койтас) или «медвежьими» (аютас) камнями, отметил любопытную параллель – оленные камни в Монголии в среде местного населения известны как «овечьи камни».

Наиболее запоминающимися были доклады М.Е. Килуновской, Т.Р. Садыкова, П.М. Леуса и Е.А. Миклашевич, в которых были отражены результаты исследований территорий, оказавшихся затопленными в связи со строительством Саяно-Шушенской и Красноярской ГЭС. Спасательные исследования археологи вынуждены были проводить в самые короткие сроки – в перерывах от спуска до подъема воды в водохранилищах.

Представительной была делегация из Алтайского государственного университета (г. Барнаул). Хронологические рамки озвученных сообщений охватывают период от эпохи бронзы до средневековья. Доклад руководителя делегации А.А. Тишкина был посвящен междисциплинарному изучению металлических изделий из раннесредневекового комплекса в Верхнем Приобье.

Интерес слушателей вызвало сообщение Н.Н. Серёгина о результатах анализа типологического развития стремьян в культуре населения Центральной Азии первой половины I тыс. н.э. Дискуссионные вопросы, касающиеся снаряжения верхового коня затрагивались также в докладе В.П. Никонорова и И.А. Аржанцевой.

Блок докладов был посвящен изучению вопросов скифо-сакского искусства. Так, в сообщении А.Р. Канторовича рассматривались особенности «зооморфных превращений» в искусстве раннего железного века Евразии. Высказана была интересная мысль относительно бляшек в виде изображений орла из Шиликты (курганы № 5, «Байгетобе»), Талды-2 (курган № 2) – по мнению А.Р. Канторовича орёл изображен с жертвой в когтях.

Доклад В.А. Киселя содержал результаты исследования предметов древнего искусства из кургана Аржан-2. По его мнению, традиция плакировки железных изделий золотом происходит из Китая. Вопросы изучения звериного стиля кургана Аржан-2 были затронуты в сообщении Е.В. Переводчиковой. В частности, ею была сделана попытка обратить внимание коллег на дату кургана.

Новые сведения были представлены в серии докладов, посвященных гуннской тематике и озвученных С.С. Миняевым, П.М. Леусом, Н.А. Сутягиной.

Среди выступлений, прозвучавших во время обсуждения докладов, запоминающейся была речь Д.Г. Савинова. Как оказалось, к изучению восточноказахстанских древностей и выделению куртууского этапа в хронологии раннего железного века Алтая Дмитрий Глебович приложил руку в прямом смысле этого слова. По воспоминаниям Д.Г. Савинова руководитель раскопок С.С. Сорокин на могильнике Курту доверил двум студентам расчищать погребение с конем: «любимчику» – Б.Н. Пяткину досталась расчистка скелета человека, а Д.Г. Савинову – коня.

В обсуждении докладов в контексте анализа техники до-

мостроительства в эпоху бронзы В.А. Алёшкин в качестве примера привел данные по памятнику нуринской культуры Шагалалы (Чаглинка), исследовавшемуся археологами А.М. Оразбаевым, Т.С. Малютиной, М.К. Хабдулиной, С.К. Сакеновым. По мнению исследователей, материалы поселения предоставляют возможность прояснить более общие вопросы взаимодействия населения Степи и Средней Азии.

В целом, на конференции затрагивались различные вопросы: происхождения, генезиса, преемственности и взаимодействия культур; хронологии и периодизации; охраны и использования памятников археологии, истории науки.

Особо следует отметить работу, проделанную организаторами конференции – Д.Г. Савиновым, Н.Ю. Смирновым, М.Е. Килуновской, Н.А. Боковенко, К.В. Чугуновым, А.В. Поляковым, В.С. Бусовой, В.П. Лурье и многими другими. Благодаря их усилиям была создана располагающая к обсуждениям, конструктивному диалогу, плодотворным дискуссиям дружеская атмосфера. Участие в подобных мероприятиях, несомненно, обогащает новой информацией, встречами, книгами, служит своеобразным стимулом к дальнейшим исследованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байпаков К.М. Казахская археологическая школа и Санкт-Петербург–Ленинград // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2004. № 1 (242). С. 17–22.
2. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана / А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан (отв. ред.). Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 11–64.

3. Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: матер. всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. 304 с.

4. Интернет-ресурс. Официальный сайт ИИМК РАН. Древние культуры Центральной Азии. URL: <http://www.archeo.ru/hronika-1/konferencii-1/drevnie-kultury-centralnoi-azi/drevnie-kultury-centralnoi-azi>

5. Маргулан Д.А. Жизнь и научная деятельность А.Х. Маргулана. Образ ученого и человека // Казахстан археологиясы. 2018. № 1–2. С. 37–47.

6. Смирнов Н.Ю. Один на всех. К эпистолярным связям М.П. Грязнова и лидеров казахской археологии второй половины XX века // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана / А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан (отв. ред.). Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 230–247.

Сведения об авторах:

Базарбаева Галия Аппазовна – ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); galiya2002@gmail.com

Джумабекова Гульнара Саиновна – ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); gdzhuma@mail.ru

А.Д. Грачтың 90 жасына арналған конференция жайында

Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова

Хабарлама 2018 жылдың 10–14 желтоқсанында Санкт-Петербург қаласында өткен көрнекті археолог А.Д. Грачтың туылғанына 90 жыл толуына арналған конференциямен қысқаша таныстырады. Нева жағалауындағы қала Қазақстан археологиясы үшін ерекше болып табылады. Бұл жерде Ш.Ш. Уәлиханов, Ә.Х. Марғұлан, К.А. Ақышев, А.М. Оразбаев, М.Қ. Қадырбаев, К.М. Байпаков сияқты отандық ғылымдадың атақты тұлғалары қалыптасты. Конференцияда қазақстандық ғалымдар Сарыарқаның ерте темір дәуірі ескерткіштерін зерттеу мәселелері бойынша баяндама жасады.

Түйін сөздер: археология, А.Д. Грач, Санкт-Петербург, ММТИ, баяндамалар

ON THE CONFERENCE dedicated to the 90th anniversary of A.D. GRACH

G. A. Bazarbayeva, G.S. Jumabekova

The note briefly introduces the conference held on 10–14 December 2018 in Saint Petersburg and dedicated to the 90th anniversary of the eminent archaeologist A.D. Grach. The city on the Neva is a landmark for Kazakhstan archaeology. Here was the emergence of such eminent personalities of the national science as Ch.Ch. Valikhanov, A.Kh. Margulan, K.A. Akishev, A.M. Orazbayev, M.K. Kadyrbayev, K.M. Baipakov. The Kazakhstan delegation presented at the conference reports on the study of Saryarka monuments of the early Iron Age.

Keywords: archaeology, A.D. Grach, Saint Petersburg, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, conference, archaeologists, reports

REFERENCES

1. Baipakov, K. M. 2004. In *Izvestiya NAN RK (News of the National Academy of Sciences of Kazakhstan)*, 1 (242), 17–22 (in Russian).
2. Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.) *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana (Archaeological heritage of Central Kazakhstan)*. Almaty: «Begazy-Tasmola», 1, 11–64. (in Russian).

3. *Drevnie kultury Centralnoi Azii i Sankt-Peterburg (Ancient cultures of Central Asia and St. Petersburg: mater. scientific conf., dedicated. 70th anniversary of the birth of A.D. Grach)*. 1998. Saint Petersburg: Kult-inform-press Publ. (in Russian).

4. Internet-resurs. Drevnie kultury Tsentralnoi Azii (Ancient cultures of Central Asia). URL: <http://www.archeo.ru/hronika-1/konferencii-1/drevnie-kultury-centralnoi-azi/drevnie-kultury-centralnoi-azi>

5. Margulan, D. A. 2018. In *Kazakhstan archeology*, 1–2, 37–47 (in Russian).

6. Smirnov, N. Yu. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.) *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana (Archaeological heritage of Central Kazakhstan)*. Almaty: «Begazy-Tasmola», 1, 230–247 (in Russian).

About the Authors:

Bazarbayeva Galiya A. Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute Kazakhstan, galiya2002@gmail.com

Jumabekova Gulnara S. Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan, gdzhuma@mail.ru

НЕОБХОДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК (к 70-летию со дня рождения Ю.А. Мотова)

© 2019 г. А.Е. Рогожинский

В предложенной публикации автор приводит некоторые биографические данные о казахстанском археологе Ю.А. Мотове. Сведения о научном творчестве и жизни Юрия Аркадьевича изложены через призму личных впечатлений о встречах и совместной работе. Подчеркивается преданность археолога избранному делу, честность, ответственность, даже самоотверженность. В публикации присутствуют воспоминания о раскопках курганов могильника Шубарат, проявивших характер Ю.А. Мотова. Все действия, направленные на спасение аварийных памятников археологии, показывают Ю.А. Мотова, прежде всего, как гражданина и ученого.

Ключевые слова: археология, Ю.А. Мотов, памятник, курган, наука, ученый

«Дорогой наш Юрий Аркадьевич!..» – именно такими сердечными словами хотелось бы начать речь к юбилейной дате достойного человека – Юрия Аркадьевича Мотова (1949–2016) – профессионального археолога, исследователя многих знаковых памятников древности и средневековья Казахстана, бескорыстного Хранителя Древностей, но главное – добровольного наставника молодых, кроме всего прочего служившего для нас образцом честности и добропорядочности – этаким символом человека правды и средневекового рыцарства. На таких людях – трудолюбивых, скромных и нечестолюбивых – поистине мир держится, потому что их присутствие в жизни порой кажется для окружающих незаметным, но отсутствие сразу заставляет понять, что этот человек был необходимым на земле...

Он происходил из трудовой крестьянской семьи, однако с малых лет судьба его оказалась связанной с замечательными древностями, коими богаты окрестности родного села у берегов священного озера Бийликуль недалеко от нынешнего Тараза. Здесь он в юности был свидетелем случайного открытия ныне знаменитой «Бийликульской личины», – к этой истории Юрий Аркадьевич вернется в одной из последних своих работ – здесь же им будет исследован размытый водами озера могильник Бийликуль, который стал вторым после Таутары профессионально изученным памятником бронзового века на юге Казахстана. Быть может, от этих «случайных» открытий гибнущих на наших глазах памятников древней истории берет начало его самоотверженная борьба за спасение культурного наследия, которая фактически

Юрий Аркадьевич Мотов в дни службы в Советской армии. Фото из семейного архива Ю.А. Мотова

Yuri A. Motov in the Soviet army. Photos from the family archive of Yu.A. Motov

стала главным содержанием всей жизни Ю.А. Мотова – гражданина и ученого.

Чувство персональной ответственности за судьбу каждого археологического памятника – будь то невзрачный черепок, каких тысячи лежат под ногами, или разрушаемые новостройками древний могильник и средневековое поселение – как будто изначально жило в нем и руководило поступками. Где бы он ни трудился, он всегда оставался Хранителем Древностей, и в этой своей главной ипостаси Юрий Аркадьевич как нигде чувствовал себя на своем месте, будучи заведующим отделом археологии Центрального музея Казахстана. Этот сравнительно значимый пост предоставлял ему некоторые административные полномочия для осуществления собственной высо-

кой «миссии» Хранителя, и это позволяло ему временами одерживать маленькие победы – организовывать спасательные работы на курганных некрополях, ушедших под нож тракторов, или вызволять за деньги бесценные предметы сакского художественного литья. Но и тогда бывало, исчерпав возможности административного ресурса, и все же не достигнув благой цели, он принимал единственно правильное для себя решение и вступал в единоборство с «объективными обстоятельствами» во имя спасения обреченных на уничтожение памятников. Так случилось с огромным курганным полем возле Шамалгана, на месте которого в конце 1980-х возник животноводческий комплекс, а затем – с группой разновременных поселений и могильников в предгорьях Майбулака на окраине п. Фабричный... Взяв отпуск без содержания или выписав персональную командировку для проведения аварийных раскопок, он ехал к месту спасательных работ и один на один вступал в сражение... нет, не с ветряными мельницами, а с тракторами, ревущими своими многосильными моторами, да с экскаваторами, вычерпывавшими огромными ковшами курганные остатки, чтобы возвести на их месте железобетонные опоры гигантского коровника...

Осенью 1986 г. мне довелось быть свидетелем «рыцарского турнира», в котором Ю.А. Мотов сражался за малые курганы некрополя Шубарат под Шамалганом. С кем сражался? На поле битвы – с железной техникой, уговаривая рабочих и бригадиров дать ему день-два для раскопок очередного кургана, вошедшего в план стройки. На поле жизни – с бездушием и цинизмом чиновников от науки и культуры, создавшим «объ-

ективные обстоятельства», которые обрекли не исследованный памятник на полное уничтожение.

Условия «турнира» были просты и жестоки: сколько успеешь раскопать курганов снятого с учета памятника, столько и спасешь для науки и для будущих обладателей культурного достояния... Зрелище было чудовищное! Маленький и щуплый на вид человек ежедневно от зари до зари исполнял свой профессиональный и гражданский долг: не отступая ни на шаг от методики полевых исследований, «обдирал» лопатой дерн, зачищал и зарисовывал в масштабе каменные насыпи курганов диаметром 6–8 метров... Юрий Аркадьевич искренне сокрушался, что не хватает у него сил спасать курганы «царских» размеров – более 10 м в диаметре! Далее – вручную удалял насыпь и приступал к выборке каменной забутовки могильной ямы, достигавшей двухметровой глубины. Матросская сноровка – он служил три года матросом Северного флота, но так и не научился хорошо плавать, ибо морской устав запрещал водные ордалии для североморцев! – так вот, хорошая выучка матроса и природная крестьянская смекалка помогли ему внедрить целую серию уникальных приемов раскопочной техники, позволявшей одному человеку извлекать с большой глубины глыбы весом до 100 кг, а затем, соревнуясь на время с рычащей вокруг техникой, исключительно аккуратно и точно завершать расчистку, зарисовку и фотографирование древнего погребения... Он гордился своими рекордами: два дня на полное исследование и документирование одного кургана! Полагаю, он спас таким путем десятка два списанных с ведомственного баланса науки и культуры

курганов могильника Шубарат, – надеюсь, когда-нибудь этот подвиг оценят новые поколения археологов.

Той осенью я дважды приезжал с друзьями-добровольцами на выходные дни на Шубарат, чтобы хоть чем-то помочь этому отчаянному смельчаку. Именно в те дни, увидев своими глазами, к каким поступкам должен быть готовым настоящий Хранитель Древностей, я пропел ему шутивно перефразированную песню Ю.Е. Алешковского: «Товарищ Мотов, Вы большой ученый – в археологии познали толк...». Он сердился, отнекивался в ответ: «Ну уж, ну уж! Это не про меня!», и мне стало понятно, что не корысти ради и не для тщеты славы, а во имя чего-то более значимого для людей живет на земле этот добрый и честный, дорогой нам человек – Юрий Аркадьевич Мотов.

*Ю.А. Мотов на Бутакты.
Фото из семейного архива А.А. Горячева*

*Yu.A. Motov at the Butakty. Photos from
the family archive A.A. Goryachev*

Список основных публикаций Ю.А. Мотова*

Участие в книгах:

1. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002. Т. 2. 350 с., карты, ил. С. 207, 208–211, 216, 217 и др.
2. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматинская область. Алматы: Агентство «Маматай», 2009. 1320 с. С. 465–499, 527–591 и др.
3. Археологический комплекс Бутакты-I. Алматы: ТОО «KazBooKtrade», 2018. 264 с. Иллюстрации Института археологии им. А.Х. Маргулана, Археологической экспертизы (в соавт. с А.А. Горячевым).

Публикации в рецензируемых изданиях:

1. Новые петроглифы урочища Тамгалы // Вестник АН КазССР. 1979. № 8. С. 50–54 (в соавт. с А.Н. Марьяшевым, А.С. Ермолаевой).
2. Крепостные стены позднесредневекового Туркестана // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1982. № 1. С. 40–46 (в соавт. с А.Н. Марьяшевым).
3. К интерпретации изображений на парных пластинах из «Сибирской коллекции Петра I» // РА. 1999. № 3. С. 141–148.
4. Результаты исследований археологического комплекса Бутакты-1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2007 г. // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 67–82 (в соавт. с А.А. Горячевым).
5. Результаты исследований археологического комплекса Бутакты-1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2008 г. // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2009. № 1. С. 13–24 (в соавт. с А.А. Горячевым).
6. Результаты исследований археологического комплекса Бутакты-1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2010 г. // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2012. № 3. С. 3–15 (в соавт. с А.А. Горячевым).

Участие в сборниках:

1. Древности Бийликуля // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 33–44.
2. Могильник Бийликуль – памятник ранней бронзы Южного Казахстана // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Баш. ун-т, 1983. С. 153–158 (в соавт. с К.М. Карабаспаковой).
3. К истории государства огузских ябгу // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX вв., XX–XXI вв.). Алматы, 1995. С. 31–38.
4. Нарты, «бори», шаманы (о мужчинах, пляшущих симд) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: матер. междунар. конф. СПб., 1996. С. 32–36.
5. Героизация и обожествление вождей ранних кочевников Алтая (по материалам могильника Пазырык) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). Алматы, 1998. С. 28–48.
6. К изучению идеологии раннесредневекового населения Алтая (по материалам могильника Кудыргэ) // История и археология Семиречья. Алматы, 2001. Вып. 2. С. 63–86.
7. Раннесредневековые каменные оградки урочища Момбай-сазы // История и археология Семиречья. Алматы, 2001. Вып. 2. С. 142–149.
8. «Восхождение на Небо». К интерпретации погребального обряда Пазырыкской элиты по материалам первого кургана могильника Пазырык // История и археология Семиречья. Алматы, 2007. Вып. 3. С. 42–73.

9. Могильник эпохи бронзы Каргалы-I // История и археология Семиречья. Алматы, 2007. Вып. 3. С. 80–87.

10. Свод памятников истории и культуры Алматинской области // Отчет об археологических исследованиях по программе «Культурное наследие». Алматы, 2007. С. 210–212 (в соавт. с А.Н. Марьяшевым, А.А. Горячевым, С.А. Потаповым).

11. К вопросу о монгольских погребениях XIII–XIV вв. (по материалам некрополя Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: матер. междунар. полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 56–65 (в соавт. с К.А. Акишевым Б.М. Хасеновой).

12. Петроглиф из урочища Ой-Джайляу // История и археология Семиречья. Алматы, 2011. Вып. 4. С. 158–164.

13. О так называемой «Бийликульской личине» // История и археология Семиречья. Алматы, 2011. Вып. 4. С. 165–172.

14. Керамический тагарский сосуд из погребения Ой-Джайляу // История и археология Семиречья. Алматы, 2011. Вып. 4. С. 192–194.

Редакторская деятельность:

1. История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. Алматы, 1999. Вып. 1.

2. История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. Алматы, 2001. Вып. 2.

3. История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. Алматы, 2007. Вып. 3.

4. История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. Алматы, 2011. Вып. 4.

Литература о Ю.А. Мотове:

1. Юрий Аркадьевич Мотов (1949–2016) // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017. № 1 (311). С. 194.

2. Слово о Мотове... // История и археология Семиречья. Алматы, 2017. Вып. 5. С. 5–9. Предисловие редколлегии сборника.

3. Ермолаева А.С. Воспоминания о Юре // История и археология Семиречья. Алматы, 2017. Вып. 5. С. 10–11.

4. Усманова Э.Р. Один из последних казахстанских археологов-энциклопедистов, или три встречи с Юрием Мотовым // История и археология Семиречья. Алматы, 2017. Вып. 5. С. 12–13.

5. Хабдулина М.К. Ю.А. Мотов на городище Бозок // История и археология Семиречья. Алматы, 2017. Вып. 5. С. 14–16.

*Список основных публикаций Ю.А. Мотова составлен Г.С. Джумабековой и Г.А. Базарбаевой. Благодарим Ф.П. Григорьеву, А.А. Горячева и Т.А. Егорову за помощь в подготовке списка.

Сведения об авторе:

Рогожинский Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); alexeyro@hotmail.com

ҚАЖЕТТІ АДАМ

(Ю.А. Мотовтың туылғанына 70 жылдығына орай)

А.Е. Рогожинский

Беріліп отырған мақалада автор қазақстандық археолог Ю.А. Мотов туралы кейбір ғұмырнамалық мәліметтер келтіреді. Юрий Аркадьевичтің ғылыми шығармашылығы мен өмірі туралы мәліметтер әріптестің кездесулері мен бірлескен жұмыс барысында алған әсерлері негізінде жазылған. Археологтың өзінің таңдап алған ісіне шын берілгендігі, адалдығы, жауапкершілігі, тіпті жанкештілігі де ашып айтылады. Мақалада Ю.А. Мотовтың мінезін аша түскен Шұбарат қорым қорғандарын қазу кезіндегі естеліктер де берілген. Апаттық жағдайдағы археологиялық ескерткіштерді құтақаруға бағытталған барлық іс-әрекеттер, ең алдымен, Ю.А. Мотовтың азаматтығы мен ғалымдығын танытады.

Түйін сөздер: археология, Ю.А. Мотов, ескерткіш, қорған, ғылым, ғалым

IMPORTANT PERSON

(to the 70th anniversary of the birth of Yu.A. Motov)

A.E. Rogozhinskiy

In the proposed publication, the author cites some biographical data of Kazakhstan archaeologist Yu.A. Motov. Information about scientific creativity and life of Yuri A. is presented through the prism of personal impressions of meetings and joint work with the colleague. The archaeologist's professional commitment, honesty, responsibility, even dedication is emphasized. The publication contains memories about the excavations of Shubarat graveyard, which showed the character of Yu.A. Motov. All actions aimed at saving emergency archaeological sites show Yu.A. Motov, above all, as the citizen and the scientist.

Keywords: archaeology, Yu.A. Motov, site, barrow, science, scientist

About the Author:

Rogozhinskiy Alexey E. Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; alexeyro@hotmail.com

МАСТЕР СВОЕГО ДЕЛА (к юбилею В.Г. Ломана)

© 2019 г. М.В. Бедельбаева, И.А. Кукушкин

Статья раскрывает страницы биографии и некоторые итоги научных исследований директора Сарыаркинского археологического института В.Г. Ломана. Вектор его научных интересов направлен на изучение культур эпохи поздней бронзы и исследование технологии изготовления древней керамики. В этой сфере он является признанным специалистом не только в Казахстане, но и за его пределами. Выделение им так называемого донгальского типа керамики заполнило существовавшую до этого лакуну между финальной бронзой и эпохой раннего железа.

Ключевые слова: археология, В.Г. Ломан, Сарыаркинский археологический институт, Центральный Казахстан, эпоха бронзы, донгальская культура, древние технологии, керамика

Валерий Григорьевич Ломан родился 20 марта 1959 года в пос. Чекуновский Туринского района Свердловской области в семье служащих. Исходя из «скупых» воспоминаний юбиляра, можно сделать вывод, что он очень любил своих родителей и особенно нежно относился к маме. В 1967 г. переехал с родителями в город Караганду. До 1976 г. учился в средней школе № 73. Затем поступил на исторический факультет Карагандинского государственного университета, который с отличием окончил в 1981 году с квалификацией «Историк. Преподаватель истории и обществоведения». Одна из главных тем, интерес к которой проявился на старших курсах и не пропадает до сей поры, стала основанием для на-

писания дипломной работы «Новые поселения эпохи поздней бронзы Карагандинской области», написанная под руководством В.В. Евдокимова, она получила высокую оценку аттестационной комиссии за самостоятельность в суждениях и выводах, а также предопределила сферу научных интересов будущего специалиста. Непосредственная работа в археологических экспедициях началась еще в студенческие годы: участие в раскопках поселений Конезавод-3, Семиозерное-2, могильников Алпымса, Ащюзек, Карагаш, Конезавод, Сатан; ведение раскопов на поселениях Копы-1, Сатан-1, 2, могильнике Копы. Это позволило сформировать исследовательские навыки и определиться с выбором профессии.

В 1981 году В.Г. Ломан был принят в Лабораторию археологических исследований при КарГУ в должности старшего лаборанта, а позднее (1985 г.) переведен младшим научным сотрудником для работы по хозяйственным темам, заключаемым с Обществом охраны памятников истории и культуры Казахской ССР на разведки и охранные раскопки археологических памятников. В ходе активного участия в организации и работе археологической экспедиции университета происходит становление В.Г. Ломана как исследователя. Он являлся научным консультантом студенческого научно-исследовательского археологического отряда «Краевед», работал со студентами, специализирующимися на кафедре «История Казахской ССР». За создание экспозиции музея архе-

ологии и этнографии университета вместе с коллегами (В.В. Евдокимов, И.В. Рудковский, К.М. Карабаспакова, В.В. Варфоломеев, В.А. Новоженков, Э.Р. Усманова) был выдвинут на соискание премии Ленинского комсомола Казахстана.

В 1986–1988 гг. был направлен для работы стажером-исследователем в Лабораторию истории керамики Отдела теории и методики Института археологии АН СССР (г. Москва), а в декабре 1989 г. поступил туда в очную целевую аспирантуру. Вот выдержка из служебной характеристики В.Г. Ломана, представленной при поступлении в аспирантуру и подписанной ректором КарГУ А. Бигалиевым и секретарем парткома Ю. Антиповым: «Целеустремлен, работоспособен, имеет высокий уровень профессиональной подготовки,

Рис. 1 В.Г. Ломан и В.В. Варфоломеев дают интервью на съемках документального фильма об исследованиях поселения Кент, 1985 г.

Фото из личного архива В.В. Варфоломеева

Fig. 1 V. Loman and V. Varfolomeev give interview for a documentary film about the research of the settlement of Kent, 1985. Photo from the personal archive of V. Varfolomeev

что позволяет ему успешно справляться с поставленными перед ним задачами» (материалы личного дела). В крупнейшем научном центре под руководством доктора исторических наук А.А. Бобринского В.Г. Ломан освоил методику изучения технологии изготовления древней керамики и начал работу над научной темой по данной проблематике. В ноябре 1993 г. в Институте археологии РАН успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тыс. до н.э.» (шифр специальности: 07.00.06.).

В 1993 г. В.Г. Ломан вернулся в Караганду и был зачислен инженером Лаборатории-музея археологических исследований КарГУ. С 1995 по 2003 гг. являлся заведующим совместным Отделом археологии Центрального Казахстана КарГУ и Института археологии им. А.Х. Маргулана, преобразованного в 2003 г. в Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. академика Е.А. Букетова. С 2005 г. – директор САИ. Стаж работы в КарГУ составляет более 35 лет. За плодотворную деятельность в системе высшего образования, существенный вклад в развитие университета награжден почетной грамотой (2009 г.) и юбилейной медалью «40 лет КарГУ им. Е.А. Букетова» (2012 г.), удостоен звания «Заслуженный работник КарГУ им. Е.А. Букетова» (2015 г.).

Ломан В.Г. – автор и соавтор более 100 научных работ, в том числе четырех монографий, ответственный редактор ряда сборников научных статей и монографий. Результаты его научной деятельности получили широкое признание коллег

как в Казахстане, так и за его пределами. В частности, выделение им так называемого донгальского типа керамики, датированного тогда VIII в. до н.э., заполнило существовавшую до этого лауну между финальной бронзой и эпохой раннего железа. В течение ряда лет памятники с керамикой этого типа были обнаружены не только в Казахстане, но и на территории Алтая, что говорит о правомерности его выделения и необходимости дальнейшего изучения. Таким образом, поселение Донгал является эпонимным памятником, давшим название особому историко-культурному явлению, признанному археологами Казахстана и России и имеющим большую значимость в ряду объектов культурного наследия нашей республики. Формирование донгальских комплексов связано с изменением природно-климатической ситуации в степной зоне Казахстана на рубеже II–I тыс. до н.э., поиском и развитием новых направлений хозяйственной деятельности, перестройкой хозяйства и началом освоения железа (практически на всех донгальских поселениях обнаружены металлургические шлаки с высоким содержанием железа). По материалам донгальского типа прослеживается явная генетическая связь между культурами финальной бронзы и раннего железного века. Задача поиска и обоснования этой связи является одной из главнейших для археологии.

Помимо этого, В.Г. Ломан остается единственным в Казахстане специалистом по древней гончарной технологии. Работая очень организованно и целенаправленно, В.Г. Ломан достиг высокого авто-

Рис. 3. В.Г. Ломан, В.А. Новоженев, В.В. Евдокимов, А.А. Плешаков (слева-направо) на международной конференции «Маргулановские чтения – 2008». КарГУ им. Е.А. Букетова, март 2008 г. Фото Э.Р. Усмановой

Fig. 3. V. Loman, V. Novozhenov, V. Evdokimov, A. Pleshakov (left to right) at the international conference «Murgulan readings – 2008». KSU academician E.A. Buketov, March 2008. Photo by E. Usmanova

ритета среди коллег-археологов. По приглашению Алтайского госуниверситета, как признанный специалист в области технологии древнего гончарного производства, проводил технико-технологический анализ керамики из раскопок археологической экспедиции АлтГУ. Детальные и обстоятельные исследования технологических процессов гончарного производства вкупе с анализом всех доступных изучению аспектов и взаимная корреляция источников составили надежную платформу тщательно подготовленным коллективным монографиям и публикациям, которые предоставляют ценные свидетельства исторического порядка. Тщательный анализ технических приемов и детальное изучение системы изготовления керамики, ее состава позволили исследователю выде-

лить различия в «почерке» изготовителей, что сделало самый массовый материал археологических памятников основанием для исторических выводов.

В.Г. Ломан активно занимается популяризацией знаний о древней истории Казахстана, является соавтором научно-популярных фильмов по археологии, выступает в средствах массовой информации. Совместно с ведущим научным сотрудником САИ И.А. Кукушкиным разработал и внедрил в Карагандинском областном историко-краеведческом музее уникальную экспозицию компьютерной анимации палеоантропологических реконструкций «Лики предков». Она по праву может считаться единственной в своем роде, не имеющей аналогов в Казахстане и за рубежом, о чем получено авторское свидетельство

№ 129 от 7 августа 2001 г. «Компьютерная анимация антропологических портретных реконструкций и их экспонирование», выданное Комитетом по авторским правам Министерства юстиции Республики Казахстан.

В течение ряда лет Валерий Григорьевич плодотворно руководит и участвует в разработке научных проектов, финансируемых Комитетом науки МОН РК («Культуры финальной бронзы Казахстана как основа сложения степной цивилизации кочевников»; «История населения степной зоны Казахстана эпохи бронзы – начала раннего железного века (по данным гончарной технологии)» и др.).

В.Г. Ломан неоднократно участвовал в международных (Германия, Китай, Турция, Россия, Украина) и республиканских археологических

конференциях и совещаниях в марте 2005 года в составе делегации Казахстана проходил стажировку, обучаясь на факультете археологии Каирского университета (Египет).

Значительная часть научной деятельности В.Г. Ломана связана с полевыми экспедиционными и стационарно-лабораторными исследованиями. Он исследовал такие памятники, как поселения Донгал, Кент, Бугулы-1, могильники Аксу-Аюлы-2, Дарьинский, Каратугай, Кудрявая Сопка-1, Кулаайгыр, Лисаковский, Майбулак-2, Нураталды-1, 2, Окуле-4, 5, Тасырбай, Ташик. Многие сделано им для обеспечения сохранности объектов историко-культурного наследия области при освоении территорий: паспортизация, составление реестра, мониторинг состояния памятников, утверждение охранных зон в рамках

исполнения требования законов РК.

Педантичность и скрупулезность в подходах и выборе методик обработки материала снискали ему заслуженный авторитет серьезного и компетентного ученого, обладающего энциклопедическими знаниями и широчайшим научным кругозором. Является положительным примером и такое качество, как систематичная формализованная (в лучшем смысле этого понятия) фондовая работа,

*Рис. 2 В. Г. Ломан на раскопках поселения Донгал, 2012 г.
Фото из архива САИ*

*Fig. 2 V. Loman on the excavations of the settlement Dongal, 2012.
Photo from SAI archive*

которая проводится с целью сохранить все артефакты для научного исследования. При подготовке международной выставки «Неизвестный Казахстан: археология в центре Евразии», которая проводилась в г. Бохум (Германия) в 2012 г., из фондов музея археологии и этнографии САИ было использовано около 100 экспонатов, каталогизация которых показала надлежащие условия документирования и хранения артефактов, в чем есть немалая заслуга В.Г. Ломана. И это бесценный опыт, достигнутый классическим образованием, честностью в исполнении профессиональных обязанностей, ответственностью перед будущими поколениями исследователей.

В силу врожденной наблюдательности и, вероятно, абсолютного слуха В.Г. Ломан является флагманом САИ в освоении иностранных языков, проявляя определенную склонность к сравнению фонетических форм и языковых взаимопроникновений. Нельзя не отметить его владение иностранными языками, в частности, английским и польским, что позволяет свободно общаться с коллегами целого ряда зарубежных научных центров, проводить совместные исследовательские работы и публиковаться в высокорейтинговых журналах. Беспристрастность и тактичность в обращении с коллегами, умение как директора САИ решать управленческие задачи и найти персональный подход к каждому сотруднику, сформировали деловой климат, необходимый для плодотворной работы всего коллектива. Надежной оценкой его профессиональной деятельности является и общее увеличение грантового финансирования, расширение объемов хозяйственных работ, а также количественное и качественное усиление публикационной активности сотрудников САИ.

Очевиден личный интерес В.Г. Ломана к техническим новинкам и компьютерным разработкам, используемым в археологии. Его ценные советы и рекомендации в этой области очень ценят все сотрудники САИ, что позволяет расширить корпус исследовательских методов в археологии.

Как директор САИ и ученый В.Г. Ломан оказывает значительную помощь молодым исследователям. Это проявляется в рамках консультаций при выборе научной тематики, мотивированием на исследования, компетентным советом в теории и практике, написании объективной рецензии. Но главное – это личный пример, базирующийся на 35 годах непрерывного научного стажа и свидетельствующий о преданности своей профессии, оставшейся неизменной исследовательской стезе археолога, несмотря на все зигзаги современной истории. Определенным признанием этого факта является почетная грамота акима города Караганды за вклад в социально-экономическое развитие и активное участие в общественно-политической жизни города, которой в 2012 г. был награжден В.Г. Ломан.

Характеризуя человеческие качества юбиляра, следует отметить, что как натура незаурядная и своеобразная, В.Г. Ломан не сразу «раскрывается» в общении. Его ирония, частенько переходящая в сарказм, порой сложно воспринимается окружающими. Однако, компетентность и эрудированность во многих сферах, неконфликтность, обязательность, профессионализм подтверждены не только его официальным статусом директора САИ, но и атмосферой уважения в научном сообществе.

У нашего именинника крепкая и дружная семья – супруга Надежда Филипповна, бывшая однокурс-

ница, преподаватель общественно-политических дисциплин в Карагандинском государственном медицинском университете, и взрослая дочь с чудесным именем Марианна.

От лица археологического сообщества искренне желаем юбиляру крепкого здоровья, счастья, молодости души, благополучия родным и близким! Мы уверены, что глубокие знания, богатый жизненный опыт, профессионализм, мудрость и лучшие человеческие качества В.Г. Ломана помогут внести неоценимый вклад в развитие археологии.

сти души, благополучия родным и близким! Мы уверены, что глубокие знания, богатый жизненный опыт, профессионализм, мудрость и лучшие человеческие качества В.Г. Ломана помогут внести неоценимый вклад в развитие археологии.

Список основных публикаций В.Г. Ломана

Автореферат:

Гонимая технология населения Центрального Казахстана второй половины II тысячелетия до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук (шифр специальности: 07.00.06.). М.: Институт археологии РАН, 1993. 31 с.

Монографии:

Археологическая карта Каркаралинского района Карагандинской области. Алматы: Иль-тех-Китап, 2004. 256 с. (в соавт. с Бейсеновым А.З., Евдокимовым В.В., Тулеуовым Т.С.).

Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с. (в соавт. с Бейсеновым А.З.).

Кент – город в центре казахских степей. Материалы и исследования по культурному наследию. Т. XI. Астана: КазНИИ культуры, 2017. 338 с. (в соавт. с Варфоломеевым В.В., Евдокимовым В.В.).

Поселения сакской эпохи. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. 208 с. (в соавт. с Бейсеновым А.З., Шутьгой П.И.).

Статьи в казахстанских изданиях:

Поселение Копы I // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда: КарГУ, 1982. С. 20–41 (в соавт. с Евдокимовым В.В.).

Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 1987. С. 115–129.

Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 1989. С. 34–46 (в соавт. с Евдокимовым В.В.).

О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 247–259.

Статьи в международных рейтинговых изданиях:

Результаты технико-технологического анализа образцов керамики поселения Эль Конвенто, Куба // РА. 1992. № 2. С. 258–269 (в соавт. с Бобринским А.А.).

Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана // ВБАЭ. 2013. № 3 (22) (в соавт. с Солодовниковым К.Н., Рыкун М.П.).

Привозная керамика на поселении Кент // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13). С. 71–79.

Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево VI // ТПАИ. 2015. № 2 (12). С. 115–143 (в соавт. с Папиным Д.В., Степановой Н.Ф., Федоруком А.С.).

Позднеирменская керамика Барнаульского Приобья (технико-технологический аспект) // Известия АлтГУ. 2015. № 4/2 (88). С. 141–146 (в соавт. с Д.В. Папиным).

Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды-1 (эпоха бронзы) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 79–86 (в соавт. с Кукушкиным И.А., Кукушкиным А.И., Дмитриевым Е.А.).

Керамический комплекс поселения Фирсово-XVIII (технико-технологический аспект) // Известия АлтГУ. № 4 (92). 2016. С. 262–267 (в соавт. с Папиным Д.В., Федоруком А.С.).

Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Жарково-3 // ТПАИ. 2016. № 3 (15). С. 102–125 (в соавт. с Папиным Д.В., Федоруком А.С., Степановой Н.Ф.).

Гончарная технология поселений сакского времени Казахского мелкосопочника // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 240–248 (в соавт. с Бейсеновым А.З.).

Связи населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Вестник ТомГУ. История. 2017. № 49. С. 32–36 (в соавт. с Папиным Д.В., Федоруком А.С.).

Новые исследования керамики поселений Атасу и Мыржык // Известия АлтГУ. 2017. № 2 (94). С. 221–225 (в соавт. с Бейсеновым А.З.).

The Making of Bronze Age Eurasia, by Philip L. Kohl. Review // American Journal of Archaeology. № 113. 3. (July 2009). P. 483–485.

How ‘Pastoral’ is Pastoralism? Dietary Diversity in Bronze Age Communities in the Central Kazakhstan Steppes // Archaeometry, Vol. 57, Issue S1, July 2015 (University of Oxford). P. 232–249. (в соавт. с E. Lightfoot, G. Motuzaite-Matuzeviciute, T.C. O’Connell, X. Liu and M. K. Jones, I. Kukushkin, V. Varfolomeev).

The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen // JAS. Vol. 59, July 2015. P. 23–34 (в соавт. с G. Motuzaite Matuzeviciute, E. Lightfoot, E. Usmanova, T.C. O’Connell, D. Voyakin, X. Liu, S. Syatko, M.K. Jones).

137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. 17 May 2018. Vol. 557, No 7705. P. 369–374. (в соавт. с P. de B. Damgaard, N. Marchi, S. Rasmussen, M. Peyrot, G. Renaud, Th. Korneliussen, J. V. Moreno-Maya, M. W. Pedersen, A. Goldberg, etc.).

Статьи в сборниках:

Компьютерная программа для аналитического изучения форм керамических сосудов // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 476–477.

Вопросы гончарной технологии населения андроновской культурно-исторической общности в археологической литературе // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 214–224.

К вопросу о генезисе и составе населения саргаринско-алексеевской культуры (по данным технико-технологического анализа керамики) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М.: ИА РАН, 2015. С. 243–247.

Сведения об авторах:

Бедельбаева Марина Васильевна – кандидат исторических наук, заведующая музеем археологии и этнографии, Сарыаркинский археологический институт,

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); bmv_1967@mail.ru

Кукушкин Игорь Алексеевич, кандидат исторических наук, ВНС, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); sai@ksu.kz

**ӨЗ ІСІНІҢ ШЕБЕРІ
(В.Г. Ломанның мерейтойына арналған)**

М.В. Бедельбаева, И.А. Кукушкин

Мақала Сарыарқа археологиялық институтының директоры В.Г. Ломанның өмірбаян беттері мен ғылыми зерттеулер нәтижелерін ашуға арналған. Оның ғылыми ізденістерінің саласы соңғы қола дәуірі мәдениеттерін зерттеуге және ежелгі қыш дайындау технологиясы әдісіне бағытталған және осы бағыт бойынша ол Қазақстанда ғана емес, одан да тыс аймақтарда танымал маман. Оның ерекше бөліп қарастырған қыштың доңғалдық типі осыған дейінгі қола және ерте темір дәуірлерінің арасындағы ашық болып келген олқылықтарды толтырды.

Түйін сөздер: археология, В.Г. Ломан, Сарыарқа археологиялық институты, Орталық Қазақстан, қола дәуірі, доңғал мәдениеті, ежелгі технологиялар, қыш

**MASTER-HAND OF HIS CRAFT
(for the anniversary of V.G. Loman)**

M.V. Bedelbayeva, I. A. Kukushkin

The article reveals the pages of biography and results of scientific researches of the director of Saryarka archaeological institute V. G. Loman. The vector of his scientific interests is aimed at studying the cultures of the Late Bronze Age and the method of studying the technology of making ancient ceramics, in which he is a recognized expert not only in Kazakhstan but also abroad. His education of the so-called dongal type of ceramics filled the gap between the final bronze and the Early Iron Age.

Keywords: archaeology, V. G. Loman, Saryarka archaeological institute, Bronze Age, Central Kazakhstan, dongal culture, ancient technologies, ceramics

About the Authors:

Bedelbayeva Marina V. Candidate of historical sciences, director archaeology and ethnography museum, Saryarka archaeological Institute, Karagandy State University after academician E.A. Buketov, Karagandy, Kazakhstan; bmv_1967@mail.ru

Kukushkin Igor A. Candidate of historical sciences, Leader researcher, Saryarka archaeological institute, Karagandy State University after academician E.A. Buketov, Karagandy, Kazakhstan; sai@ksu.kz

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АлтГУ –	Алтайский государственный университет, г. Барнаул
ВААЭ –	Вестник археологии, антропологии и этнографии, г. Тюмень
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, г. Алматы
ИА РАН –	Институт археологии РАН, г. Москва
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР, г. Алма-Ата
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
КарГУ –	Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова, г. Караганды
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии, г. Москва
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры, г. Москва, г. Ленинград
ҚХР ШҰАР –	Қытай Халық Республикасының Шынжаң Ұйғыр автономиялық ауданы
МИА СССР –	Материалы и исследования по археологии СССР, г. Москва, г. Ленинград.
МИЦАИ –	Международный Институт Центральноазиатских исследований, г. Самарканд
НАН РК –	Национальная Академия наук Республики Казахстан, г. Алматы
НИПИ ПМК –	Научно-исследовательский и проектный институт памятников материальной культуры, г. Алматы
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», г. Алматы
РГО –	Русское географическое общество, г. Санкт-Петербург

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

САИ –	Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. академика Е.А. Букетова, г. Караганды
ТомГУ –	Томский государственный университет, г. Томск
ТПАИ –	Теория и практика археологических исследований, г. Барнаул
ТХАЭЭ –	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ЦГМК –	Центральный государственный музей Казахстана, г. Алма-Ата, г. Алматы
ШҚО –	Шығыс Қазақстан облысы
ЮУрГУ –	Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск
JAS –	Journal of Archaeological Science

**АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕЛЕР –
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS**

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы Ережелер журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

Мұқабаның рәсімделуінде керамикадағы мөр бедерінің бейнесі қолданылды. Табылған зат Б.Ә. Байтанаевтың басшылығымен ортағасырлық Сайрамда жүргізілген қазба жұмыстарынан алынған. Суретті Ж. Жанабаев, С. Садықов салды.

В оформлении обложки использовано изображение оттиска штампа на керамике. Находка происходит из раскопок, проводившихся под руководством Б.А. Байтанаева на средневековом Сайраме. Рисунок выполнен Д. Джанабаевым, С. Садыковым.

In the design of the cover, the image of the imprint of the stamp on ceramics is used. The find comes from excavations conducted under the direction of B.A. Baitanayev on medieval Sayram. The drawing was made by J. Janabayev, S. Sadykov.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының эмблемасын М.А. Антонов дайындады
Эмблема Института археологии им. А.Х. Маргулана разработана М.А. Антоновым
Emblem of the A.Kh. Margulan Archeology Institute developed by M.A. Antonov.

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж куәлігі берілген

Журнал основан 26 апреля 2018 г. Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК

The journal was founded on April 26, 2018. Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалады.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44

Баспаға 20.03.2019 жылы қол қойылды. Пішім 70×108 1/16

Шартты б.т. 13,33. Times New Roman Гарнитурасы. Таралымы 200 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44

Подписано в печать 20.03.2019. Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 13,33. Гарнитура Times New Roman. Тираж 200 экз.

Original layout prepared at the A.Kh. Margulan Archeology Institute
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Signed to print 20.03.2019. Format 70 × 108 1/16

Printed sheet 13,33. Times New Roman headset. Circulation 200 copies.

"Хикари" баспаханасында басылған

Отпечатано в типографии «Хикари»

Printed in the printing house "Hikari" hikari.kz24.online